

2021

Volume 15

No 2(56)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Phone.: +7-910-971-39-04 (Markova Elena Vladimirovna)

2021

Том 15

№ 2(56)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Тел.: +7-910-971-39-04 (Маркова Елена Владимировна)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 78782. Подписано в печать 01.06.2021. Формат 240×170. Объем 170 с. Тираж 32 экз. Заказ № . Цена свободная. Дата выхода в свет 30.06.2021. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Elena V. Markova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. В. Маркова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Bobrovnikov V. O.

The Arabist from Shemakha Who Dreamed of the Sea: Theodor Adamovich Shumovsky (1913–2012).....136

Gavristova T. M.

Nigeria as a country of stories152

Savin D. A.

Halide Edib Adivar (1982–1964) as a National Symbol of the Republic of Turkey164

Tikhomirov N. V.

The Consequences of the Political Crisis of July 1918 for the Upper Volga Organizations of the Party of Left Socialist-Revolutionaries170

Seniukhin A. A.

“Two sides of Russian life and progress”: the image of Moscow and St. Petersburg at the turn of the 19–20th centuries in the English-language travelogues.....178

Chapaeva A. M.

The Content and Treatment of Prisoners of war During the First World War (on the example of the Kostroma and Yaroslavl provinces).....184

LAW

Lushnikov A. M.

Legal and economic thought in retrospect: a new facet of intellectual history.....194

Lushnikov A. M., Lushnikova M. V.

J. S. Mill and the formation of the doctrine of the legal regulation of wages.....202

Rossinskiy S. B.

Submission of items and documents as a way of gathering evidence in preliminary investigation of a criminal case210

Tarusina N. N.

About some incredible adventures of the «elusive» duty construction.....220

Kazankov S. P.

Constitutional amendments and revision of the Constitution of the Russian Federation: features of the 2020 procedure.....232

Blashkova L. L.

Content of the term “corruption“ in international criminal law.....242

PSYCHOLOGY

Mirakyan K. F., Karpov A. A.

Strategies of behavior in conflict as indicators of satisfaction with the professional activity of university teachers.....248

Trifonova S. A., Kozlov V. V.

Ethnic identity and peculiarities of coping behavior of people from interethnic marriages256

Vinarchik E. A.

Features of the correction of the emotional sphere of nurses.....268

Krotova M. N., Ushakova A. P.

The study of the language consciousness of russian and foreign military specialists by the method of associative experiment276

Kyuregyan A. A.

Personal characteristics of professional self-realization of a designer in the digital age.....290

ИСТОРИЯ

Бобровников В. О.

Мечтавший о море арабист из Шемахи: Теодор Адамович Шумовский (1913–2012) 136

Гавристова Т. М.

Нигерия – страна историй 152

Савин Д. А.

Халиде Эдип Адывар (1882– 1964) как национальный символ Турецкой Республики 164

Тихомиров Н. В.

Последствия июльского политического кризиса 1918 г. для верхневолжских организаций партии левых социалистов-революционеров 170

Сенюхин А. А.

«Две стороны российской жизни и прогресса»: образ Москвы и Санкт-Петербурга рубежа XIX– XX в. в англоязычных травелогах 178

Чапаева А. М.

Содержание и лечение военнопленных в период Первой мировой войны (на примере Костромской и Ярославской губернии) 184

ПРАВО

Лушников А. М.

Правовая и экономическая мысль в ретроспективе: новая грань интеллектуальной истории 194

Лушников А. М., Лушникова М. В.

Дж. С. Милль и формирование учения о правовом регулировании заработной платы 202

Россинский С. Б.

Представление предметов и документов как способ собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу 210

Тарусина Н. Н.

О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности 220

Казанков С. П.

Конституционные поправки и пересмотр Конституции РФ:
особенности процедуры 2020 года.....232

Блашкова Л. Л.

Содержание термина «коррупция» в международном уголовном праве ..242

ПСИХОЛОГИЯ

Миракян К. Ф., Карпов А. А.

Стратегии поведения в конфликте как показатели
удовлетворенности профессиональной деятельностью педагогов вузов .248

Трифорова С. А., Козлов В. В.

Этническая идентичность и особенности совладающего поведения
выходцев из межэтнических браков.....256

Винарчик Е. А.

Коррекция эмоциональной сферы медицинских сестер с разным
стажем профессиональной деятельности268

Кротова М. Н., Ушакова А. П.

Исследование языкового сознания российских и иностранных
военных специалистов методом ассоциативного эксперимента276

Кюрегян А. А.

Личностные особенности профессиональной самореализации
дизайнера в цифровую эпоху290

The Arabist from Shemakha Who Dreamed of the Sea: Theodor Adamovich Shumovsky (1913–2012)

V. O. Bobrovnikov^{1, 2, 3}

¹Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka str., Moscow 107031, Russian Federation

²Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034, Russian Federation

³National Research University Higher School of Economics, 16 Soyuz Pechatnikov str., Saint Petersburg 190121, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-136-151

Research article
Full text in Russian

The twentieth century witnessed heyday of the Russian-Soviet Arabic and Islamic studies, whose academic school created by Victor von Rosen and his disciple Ignaty Krachkovsky had flourished already in the late Russian empire and survived the Soviet period. Its representatives included many outstanding yet controversial figures, whose scientific biography still needs to be rethought in the context of late post-colonial Orientalism under the Stalinist rule and the Cold War period. One of these scholars was Theodor Adamovich Shumovsky, political prisoner, poet and memoirist. He belonged to the last generation of students of I. Yu. Krachkovsky, specialized in early modern Arabic maritime geography, later translated the Qur'an into Russian in verses. The present work attempts to give a comprehensive discursive analysis of the work of this maritime Arabist, with whom the author knew well in the last decade of his life.

Keywords: Post-colonialism; Arabic studies; Orientalism; Shumovsky; text studies; Arabic maritime geography; translations of the Qur'an

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bobrovnikov, Vladimir O.	E-mail: vladimir_bobrovn@mail.ru Cand. Sc. (History), Professor Central Eurasian Research Center in Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; Research Fellow in Research Laboratory for Analysis and Modeling of Social Processes, Saint Petersburg State University; Professor in Department of History, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg
--------------------------	--

Мечтавший о море арабист из Шемахи: Теодор Адамович Шумовский (1913–2012)

В. О. Бобровников^{1, 2, 3}

¹Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031, Москва, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Союза Печатников ул., 16, Санкт-Петербург, 190121, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-136-151

Научная статья

УДК 929:930.2+93/94

Полный текст на русском языке

XX в. был временем расцвета российско-советской арабистики и исламоведения. Академическая школа В. Р. Розена (1849–1908) – И. Ю. Крачковского (1883–1951, сложившаяся в С.-Петербурге при поздней Российской империи, пережила советскую эпоху. В ней было немало блестящих и неоднозначных фигур. Их научные биографии еще нуждаются в переосмыслении в контексте позднего постколониального ориентализма эпохи сталинизма и «холодной войны». Одной из таких личностей был Теодор Адамович Шумовский – один из последних учеников И. Ю. Крачковского, редкий специалист по арабской морской географии раннего нового времени, создатель единственного поэтического перевода Корана на русский язык, политический заключенный, поэт и мемуарист. Настоящая работа представляет комплексный дискурсивный анализ творчества ученого, которого автор статьи близко знал в последнее десятилетие его жизни.

Ключевые слова: постколониализм; арабистика; ориентализм; Шумовский; текстология; арабская морская география; переводы Корана

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобровников, Владимир Олегович

E-mail: vladimir_bobrovn@mail.ru

Кандидат исторических наук, профессор,
Центр изучения Центральной Азии, Кавказа
и Урало-Поволжья Института востоковедения
РАН, Москва;

научный сотрудник Научной лаборатории
по анализу и моделированию социальных
процессов Санкт-Петербургского
государственного университета;

профессор Департамента истории Национального
исследовательского университета «Высшая
школа экономики» в Санкт-Петербурге

© Бобровников В. О., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Бывшая столица ширваншахов г. Шемаха лежит далеко от Каспия в предгорьях Большого Кавказа. В отличие от не менее древней Севильи на Гвадалquivире, ставшей после открытия Америки главным торговым морским портом Испанской империи с Вест-Индиями, а с конца XVIII в. еще и богатейшим архивным центром по испанским колониям в Америке, и других культурных центров Евразии древний мусульманский политический и культурный центр в Азербайджане не связан с мореплаванием. Даже большой реки в окрестностях города нет. Но у знатоков русской культуры название города может вызвать в памяти восточную музыку бредившего морем Н. А. Римского-Корсакова, написавшего в 1888 г. сюиту «Шехеразада», а в 1908 г. – оперу по сказке А. С. Пушкина о Шамаханской царице («Золотой петушок»), и подчеркнута ориенталистские декорации к ним художников Серебряного века И. Я. Билибина и К. А. Коровина.

Известных исторических памятников и достопримечательностей в Шемахе немало, но место города и в целом российско-советского Кавказа в истории отечественной арабистики изучено недостаточно. В первой трети XX века, когда Шемаха принадлежала сначала Российской империи, а затем Советскому Союзу, здесь прошли детство и юность оригинального советского арабиста, одного из редких специалистов по арабской морской географии Теодора Адамовича Шумовского, востоковеда, поэта, мыслителя, для которого наследие русского ориентализма на Кавказе много значило. При некоторой нестандартности его научная биография представляет хороший материал для изучения тематики, методологии и стиля исследований мусульманского Востока в советской академической ориенталистике XX в.

Т. А. Шумовский прожил долгую жизнь длиною в столетие и скончался в Санкт-Петербурге 28 февраля 2012 г., справив незадолго до этого свое 99-летие. Он принадлежал к классической ленинградской школе русской арабистики. Его юность пришлась на пору ее расцвета в первые десятилетия после революции 1917 г.

Будущий востоковед родился в большой интеллигентной польской семье на западных окраинах Российской империи, в Житомире, 2 февраля 1913 г., а вырос в Азербайджане, куда, спасаясь от Первой мировой войны, в 1915 г. переехали его родители. В Шемахе, где семья отца жила с 1922 г., у него, по его собственным словам, с 8 лет родился интерес к изучению арабо-мусульманского Востока [1, с. 173; 2, с. 52]. Окончив школу, он уезжает в Москву с горячим желанием поступить в «вуз по арабскому языку» [1, с. 14]. После долгих мытарств, побывав студентом бакинского Техникума нефтяного машиностроения, московского Горного института и забойщиком на шахте «Ирмино 4/2 бис» в Донбассе, в сентябре 1932 г. он был зачислен на арабское отделение Ленинградского историко-лингвистического института – ЛИЛИ, как шутливо его тогда называли (рис. 1) [1, с. 16–19; 3, с. 430¹].

¹ Расширенное издание см.: <http://memory.pvost.org/pages/shumovskij.html> (дата обращения: 30.01.2021).

Рис. 1. Т.А. Шумовский, студент Ленинградского университета. 1938 г.
(Личный архив В.Т. Шумовского).

С этого времени судьба Шумовского связана с Ленинградом, но до старости он не забывал Шемахи, овеянной для него романтическими воспоминаниями детства. Город вызывал в памяти ученого целый ряд коротких бытовых зарисовок, передающих читателям воспоминаний Шумовского аромат его прямой восточной экзотики, давая возможность почувствовать впечатления автора, когда тот был еще студентом и, как по мановению волшебной палочки, переносился из бурной советской эпохи 1930-х гг. в глухое средневековье. «Узкие кривые улицы, мощенные булыжником, уходят вниз. Руины <...> Руины <...> Руины <...> Когда-то тут были дома и сады, фонтаны и бани, лавки купцов и мечети с высоко взметнувшимися минаретами... Шемаха окружена поясом кладбищ – четыре мусульманских, армянское, русское <...> Под тяжкой десницею времени незримо склоняются стоящие и вырастают в землю лежащие плиты. Время и тишина – два царя царствуют здесь <...>. Мне вспомнилось, как в 1922 году, еще мальчиком, я расширенными от ужаса и любопытства глазами наблюдал из верхнего города религиозную процессию шиитов, шедшую где-то здесь, по этим каменистым улицам. Громадная толпа мерно колыхалась, полуголые люди били себя – одни кинжалами по голове, другие цепями по плечам, стоны боли тонули в криках: “Шах Хусейн! Вах Хусейн! Шах Хусейн! Вах Хусейн!” Я еще не знал тогда, что Хусейн – внук основателя ислама Мухаммеда, сражен-

ный в битве при Кербела в 680 году; его гибель шииты, одно из двух крупнейших направлений мусульманства, оплакивают уже не менее тринадцати столетий... Все больше крови обгаляло пыльные камни, все большее исступление овладевало процессией. И потом <...> не сюда ли она повернула, не здесь ли запылали костры, на которых кипели котлы с мясом жертвенных баранов» [1, с. 174–176; 2, с. 53–55]. Очень живая сценка! Как будто рассматриваешь раскрашенные ориенталистские почтовые карточки по Кавказу начала XX в. или В. В. Верещагина, читаешь путевые заметки художника, посетившего Шушу в 1865 г. и не менее Шумовского пораженного траурными процессиями шиитов на 'Ашуру (рис. 2). Не исключено, что, подобно В. В. Верещагину, автор воспоминаний не мог удержаться от соблазна поразить читателя экзотикой мусульманского Востока России.

Рис. 2. В. В. Верещагин. Религиозная процессия на празднике Мохаррем в Шуше, 1865 г. (Государственная Третьяковская галерея).

Тюркоязычная Шемаха осталась для Шумовского в прошлом. С университетской скамьи он погрузился в историю арабского Ближнего Востока. Будущему ученому выпало счастье учиться у классиков отечественной арабистики и исламоведения. Его первым учителем в арабском языке был крупный лингвист Н. В. Юшманов. На старших курсах Шумовский занимался у К. В. Оде-Васильевой, В. И. Беляева, А. Ю. Якубовского, В. А. Крачковской, слушал лекции египтолога В. В. Струве, кавказоведа-арабиста А. Н. Генко. (С последним судьба еще раз свела его весной и летом 1938 г. в камере ленинградского дома предварительного заключения НКВД на ул. Воинова [4, с. 141–142]). Шумовский стал одним из последних учеников И. Ю. Крачковского, с его подачи занялся исследованием арабского мореплавания рубе-

жа средневековья и нового времени. Студентом пятого курса он начал переводить лоции Индийского океана моряка конца XV в. Ахмада ибн Маджида. Годы ученичества и приход в востоковедение ученый увлекательно описал почти полвека спустя в книге воспоминаний, вышедшей на закате советской эпохи под названием, выдающим давнее увлечение автора («У моря арабистики») [1, с. 9–134; 5].

Арабисты классической школы, к которой принадлежали университетские учителя Шумовского, изучали в основном средневековые и древние тексты на восточных языках; работа с ними целиком поглощала их внимание. Художественные особенности сочинений, их человеческое измерение, как правило, классиков не интересовали. По своей специальности Шумовский был источниковедом-текстологом. Он перевел и прокомментировал сохранившиеся в Институте востоковедения в Ленинграде (ныне Институт восточных рукописей РАН) и Национальной библиотеке Франции в Париже (Bibliothèque nationale de France) арабские рукописи трудов Ахмада ибн Маджида, который, по преданию, провел в 1498 г. корабли португальской эскадры Васко де Гамы от Восточного побережья Африки в Индию, затем лоции его младшего современника Сулаймана ал-Махри (1480–1550) (рис. 3).

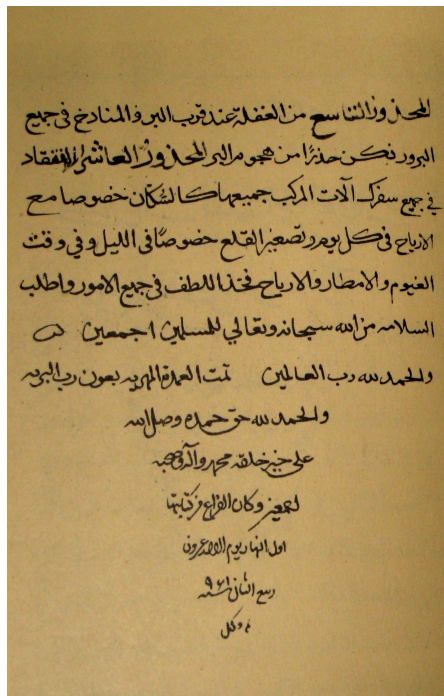

Рис. 3. Ал-Махри, Сулайман. Ал-'Умда ал-махрийа фи дабт ал-'улум ал-бахрийа (Арабская лоция по Индийскому океану). Колофон. Рук. 961/1554 г. (Bibliothèque nationale de France. Arabe 2559. P. 59r).

Шумовский следовал принципам перевода, принятым в отечественной арабистике; ее классическим образцом остается «Тысяча и одна ночь» в переводе другого известного ученика И. Ю. Крачковского – М. А. Салье [6]. Переводчик пытался максимально приблизить перевод к оригиналу, создавая его буквальный подстрочник, перенося в русский не свойственные ему арабские конструкции, избегая современных понятий, а нередко намеренно архаизируя язык перевода. В этом духе написаны основные ученые труды Шумовского конца 1940 – середины 1980-х гг.

В 1948 г. он защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию «Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы, в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР». Она была опубликована под тем же названием в 1957 г. В 1985 и 1986 гг. за ней последовали два пухлых тома «Книги польз об основах и правилах морской науки» Ахмада ибн Маджида, содержащих критический арабский текст, перевод, комментарии и историко-географическое исследование его энциклопедического трактата «Китаб ал-фава'ид фи-усул 'илм ал-бахр ва-л-кава'ид». Русский перевод памятника пять раз перерабатывался Шумовским! Первый его вариант сам переводчик назовет позднее «ремесленным». Четвертую версию он сознательно стилизовал под русский язык XVIII–XIX столетий, пытаясь передать исторический колорит рукописи XV в., но в конечном варианте решил обойтись без чрезмерной архаизации. В 1968 г. на основе этой работы он защитил в Москве докторскую диссертацию по истории средневековой арабской морской географии.

В 1975 г. Шумовский подготовил к печати перевод «Махрийской опоры для прочного приобретения морских знаний» Сулаймана аль-Махри. По ряду причин публикация книги задержалась до 2011 г. [7].

Название докторской диссертации Шумовского было таким же, что и у научно-популярной книги, выпущенной за четыре года до того в Москве, – «Арабы и море» [8]. Заголовок – простой, сильный и вызывающий: арабы ассоциируются у российского и вообще европейского читателя не с морем, а с сушей, прежде всего с безводными пустынями Ближнего Востока и Северной Африки. О значении моря в истории арабской культуры, общества и государственности читатель узнает со страниц книги. Один из ее главных постулатов состоит в признании давних связей Европы с мусульманским Востоком.

По смелому предположению Шумовского, эпоха Великих географических открытий опиралась на достижения средневековых арабских географов и мореплавателей. Задолго до европейского продвижения на Восток они освоили Средиземноморье и Индийский океан с частью Тихого. Пример Ибн Маджида показывает, что арабские лоцманы участвовали в морских экспедициях европейских первооткрывателей. К близким, хотя и более осторожным, выводам пришли и западные медиевисты, предпочитающие говорить о тесных контактах Европы с «миром ислама» со времен крестовых походов. Создан-

ный ориенталистами колониальной эпохи образ арабов как боявшихся моря «диких сынов пустыни» во многом отвергнут сегодня [9, с. 71–72].

Не следует думать, что научная карьера Теодора Адамовича складывалась легко и успешно. Советская политика и чиновники не раз ломали его судьбу. В юности он пережил два ареста, почти пятнадцать лет провел в сталинских концлагерях смерти и в ссылке в Сибири. В ночь с 10 на 11 февраля 1938 г., вместе со студентами Ленинградского университета Н. П. Ериховичем и Л. Н. Гумилевым, в будущем крупнейшим советским евразийцем, он был арестован по сфабрикованному НКВД делу об антисоветской «партии прогрессистов». Все трое были отправлены в лагерь, где, несмотря на тяжелые условия существования, Шумовский пытался изучать языки – от финского до китайского. Выпущенный без права жить в Ленинграде, он сдал госэкзамены и закончил в 1946 г. университет, работал в новгородском Институте усовершенствования учителей в г. Боровичи, написал и успел защитить под руководством И. Ю. Крачковского кандидатскую диссертацию. В январе 1949 г. последовал второй арест и приговор к 10 годам заключения в Озёрлаге в Краснодарском крае. Смерть Сталина позволила досрочно выйти на свободу в 1956 г. Первые месяцы после лагеря он жил в Восточной Сибири, там же сделана редкая фотокарточка зимы 1956 г. Шумовский снялся в ватнике на фоне плохонькой копии картины дореволюционного мариниста с парусником на якоре (рис. 4).

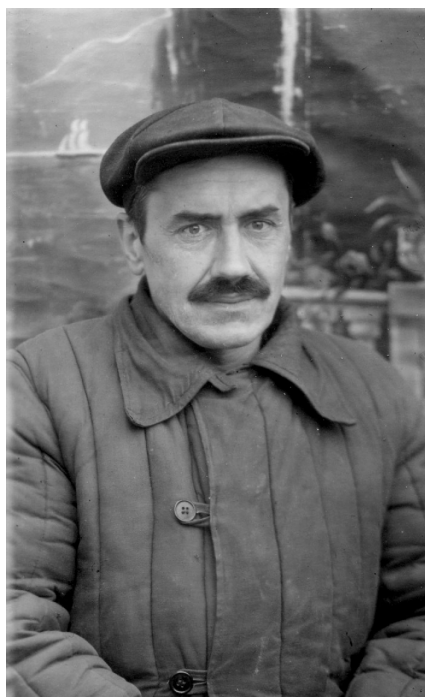

Рис. 4. Т.А. Шумовский после освобождения из Озерлага. Тайшет, 1956 г.
(Личный архив В.Т. Шумовского).

4 апреля он уехал в Москву, но полной реабилитации добился только в 1963 г. Благодаря поддержке академика И. А. Орбели и Н. В. Пигулевской (И. Ю. Крачковский к этому времени скончался), Шумовский поступил на работу в Ленинградский филиал Института Востоковедения АН СССР [2, с. 67–214; 3, с. 430], в знаменитом Арабском кабинете которого работал с 1956 г. до выхода на пенсию в 1979 г.

Когда из печати вышли первые работы Шумовского, политические репрессии в СССР утратили массовый характер, «культ личности» был официально осужден в 1956 г. Перед ученым, как и перед миллионами его современников, сумевших сохранить жизнь в сталинской мясорубке, хамовато «извинились», но оба его дела были закрыты. Однако привлекать внимание читателя к эпохе Сталина при Брежневле стало не принято, и Шумовский в воспоминаниях, опубликованных в 1960–гг., лишь мимоходом неопределенно отметил, что в прошлом был дважды репрессирован, а позднее реабилитирован в 1957 г. Случаи давления власти на науку в эпоху «застоя» стремились не предавать гласности.

Официальная биография ученого в знаменитом биобиблиографическом справочнике советских востоковедов С. Д. Милибанд ни о каких посадках, конечно, не упоминает [10, с. 619]. В статье о нем указан лишь год окончания университета (1946) без даты поступления, чтобы у читателя не возникло ненужных вопросов, почему учеба в вузе затянулась почти на 15 лет.

Рис. 5. Т. А. Шумовский, младший научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения (ныне: Институт восточных рукописей РАН). Ленинград, 1956 г. (Личный архив В.Т. Шумовского).

С 1956 г. научная биография Шумовского (рис. 5) складывалась счастливее, опять же не без влияния политики, связанной с распространением советского влияния на постколониальный Восток. Почему в разгар «холодной войны», в 1957 г., молодому, беспартийному, политически неблагона-

дежному бывшему зеку, маловлиятельному Шумовскому удалось быстро издать свой перевод и труд об Ибн Маджиде на нескольких языках? Только из-за того, что в дело вмешался Суэцкий кризис. 26 июля 1956 г. в ответ на отказ США и Великобритании финансировать строительство Асуанской плотины президент Египта Г. А. Насер решил национализировать Суэцкий канал. Тогда Великобритания и Франция подтолкнули Израиль оккупировать Синай в конце октября. В районе Порт-Саида высадился франко-британский десант. 5 ноября СССР направил Великобритании, Франции и Израилю ультиматум. Советское правительство заявило о решимости «применением силы сокрушить агрессоров», если боевые действия против Египта не будут прекращены. При поддержке США советским дипломатам удалось разрешить Суэцкий кризис в пользу правительства Насера. В декабре 1956 г. франко-британские, а в марте 1957 г. израильские войска покинули территорию Египта.

Одновременно в СССР и союзных ему арабских государствах развернулась широкая пропагандистская кампания. Перед академической наукой была поставлена цель доказать западноевропейским политикам и ученым существование у арабов древних и независимых от европейцев традиций мореплавания. Для решения этой идеологической задачи как нельзя кстати пришлось арабские лоции, которыми занимался Шумовский. Рукопись его чернового перевода была проведена через Ученый совет Института востоковедения, во главе которого с 1956 г. стоял талантливый организатор науки, переведенный Хрущевым из Душанбе в Москву бывший первый секретарь ЦК КП Таджикистана Бободжан Гафуров, и срочно издана в 1957 г.

Книга содержала характерное для тех лет посвящение «свободолюбивым арабским народам с пожеланием больших счастливых плаваний» [11, с. 2]. Издание вызвало интерес у арабских и западных ученых. За границу автора не выпустили. На Международный конгресс по истории географических открытий в Лиссабон в 1960 г. был отправлен только его доклад, ставший первой зарубежной публикацией ученого. Для выезда он был слишком инакомыслящим, не таким правоверным советским марксистом и отнюдь не политиком, как его старший брат Станислав, крупный номенклатурный работник, военный и разведчик. Однако еще в 1930-е гг. Станислав порвал с братом и семьей покойного отца, сменив даже национальность на украинца и отчество на Антонович [12; 2, с. 10].

В том же 1960 г. исследование Теодора Шумовского об Ибн Маджиде появилось в Лиссабоне на португальском языке, в 1966 г. в Дамаске и в 1969 г. в Каире – на арабском [13; 14]. Издания были небезупречны. Авторитетные зарубежные востоковеды критиковали их за отсутствие критического текста арабского оригинала, неточности в переводе специальной морской терминологии, спорные комментарии [15, р. 349]. Ответить

на замечания зарубежных коллег и подготовить критическое издание памятника Шумовский смог много позднее, к середине 1980-х гг.

Шумовский немало сделал для популяризации истории ориенталистики и источниковедения. Его научно-популярная брошюра «Арабы и море» была приурочена к 500-летию юбилею появления поэмы Ахмада ибн Маджида об основах науки морей, законченной в 1462 г. В том же году, как уже отмечалось, в том же издательстве «Наука» появились «Воспоминания арабиста», а в 1975 г. – «У моря арабистики». В 1986 г. была издана научно-популярная книга «По следам Синдбада-морехода. Океанская Аравия». По признанию автора, этот персонаж из сказок «Тысяча и одна ночь», наряду с главами рассыпавшегося дореволюционного учебника истории о сарацинах и стране ал-Андалус (мусульманской Испании), занимал его с детства, проведенного в экзотической, полной мусульманских кладбищ и мечетей Шемахе [1, с. 13].

В постсоветскую эпоху «Издательский дом Марджани» в Москве напечатал второе издание «Арабов и моря» (2010); ранее, в 1999 г., Санкт-Петербургский университет издал монографию Шумовского «Последний “лев арабских морей”: Жизнь арабского мореплавателя и поэта Ахмада ибн Маджида, наставника Васко да Гамы». В ее названии автор обыграл прозвище (Асад ал-бахр), под которым его герой был известен в арабской морской географии.

Книги были адресованы широкому кругу читателей, интересующихся арабо-мусульманским Востоком. Их целью было показать, что в прошлом арабы были связаны с морем гораздо теснее, чем считается: об этом зримо говорят средневековые арабские карты и лоции. По мнению Шумовского, вошедшие в европейские языки многочисленные арабские названия созвездий являются свидетельством существования у древних арабов развитой навигации. На примере Ибн Маджида он доказывал, что арабские лоцманы участвовали в экспедициях европейских первооткрывателей.

Не все выводы научно-популярных работ Шумовского подкреплены конкретными фактами. Порой они производят впечатление парадоксальных. Но при некотором преувеличении есть в них и зерно истины. К похожим выводам ранее пришли классик отечественного востоковедения В. В. Бартольд, указавший на наличие морских реминисценций в Коране [16, с. 544–548], и западные медиевисты, отвергшие господствующую ранее точку зрения Анри Пиренна о том, что создание Арабского халифата надолго прервало морские контакты Европы с Азией [9, с. 72].

Издания арабских лоций принесли Шумовскому славу, хотя его гипотеза о том, что арабы были настоящими викингами мусульманского Востока и исследователями Окена, не была полностью принята в академической науке [17, с. 415, 423]. Не каждому дано увлечь читателя повествованием о старых, непонятных для неспециалиста рукописях и заботах историка. Автор «Арабов и моря» смог не только профессионально сделать работу

историка, но живо и увлекательно описать ее на хорошем русском языке. Академическая наука пока слишком мало задумывалась над формой изложения и передачи текстов источников.

Большую роль в арабо-мусульманской науке играла поэзия. Различные авторы, со времен возникновения ислама и раньше, нередко выражали свои мысли в стихах. По содержанию они могли относиться ко многим областям знания: от истории и географии до политики и права. Арабские лоции, над которыми работал Шумовский, частью изложены в стихах, а заголовки традиционно выписаны ритмической прозой, хотя их авторы и не были поэтами.

Работая над арабскими рукописями, ученый пришел к мысли о необходимости передачи их формы художественными средствами, чтобы не лишать владеющего русским языком читателя возможности испытать те же чувства, которые возникают у образованного араба при чтении оригинала. В своих книгах Шумовский выразил собственные принципы художественного перевода, не приемля рабского следования грамматической структуре оригинала, в чем не был одинок. Поиски более адекватных средств художественного перевода волновали крупнейших представителей русского востоковедения XX в., таких как китаист В. М. Алексеев или специалист по литературе древнего Ближнего Востока И. М. Дьяконов [18, с. 13–18; 19, с. 6–12].

Классическая арабо-мусульманская научная и литературная традиция предполагала цитирование и комментирование трудов предшественников. Многие в сочинениях об арабской морской географии невозможно понять без обращения к истории средневековой навигации и более широкому пласту культуры того времени. Свой комментарий к прочтению средневековых арабских лоций XII–XVI вв. дает и автор «Арабов и моря». Во вторую главу вошли увлекательные экскурсы о морских путешествиях и открытиях на Ближнем Востоке и в Африке со времен Древнего Египта и Финикии до правления арабских халифов и османских султанов.

Кроме адмиралов, политиков и торговцев, на ее страницах мы встречаемся с учеными и поэтами. Не раз автор цитирует и Коран, причем в собственном поэтическом переводе, работать над которым он начал в середине XX столетия, когда первое издание книги только готовилось к печати, а закончил через тридцать лет – в 1995 г. [20].

Внимательному читателю несложно заметить особенность переводов Шумовского: они становятся сухими и дословными, когда речь идет о лоциях и морском деле, и намного более раскованными и свободными в художественных арабских текстах, включая айаты Корана. Более последовательно автор претворяет свои соображения о значении художественного перевода во всем, что касается менее специальных, чем мореплавание, областей средневековой арабо-мусульманской культуры.

В ученом мире Ленинграда к Шумовскому относились с опаской. Он шокировал коллег-востоковедов парадоксальными идеями, несколько эгоцентричным стилем своих научно-популярных работ, борьбой с научным каноном, порой резкими суждениями о мэтрах отечественного востоковедения, не исключая его собственных учителей, и склонностью к мистификации. В книге «У моря арабистики» он опубликовал в стихотворном переводе отрывки из своей уникальной находки – сборника (*диван*) арабских стихов под пряным восточным заголовком «Лепестки золотой розы», созданным неизвестным мировой арабистике «Атааллахом, прозываемым Ширвани, а родом из Аррана, ученым и поэтом из Ширвана» XV в. По его словам, он случайно нашел эту средневековую рукопись в святылище (*пир*) при шиитской мечети в Шемахе «в знойный июльский полдень <...> памятного 1936 года», когда приезжал к родным на летние каникулы [1, с. 175–182; 2, с. 54–64]. С трудом он разобрал текст древней рукописи, перевел в 1936–1938 гг. большую часть ее стихов на русский язык, даже датировал ее завершение по цитате одного из стихотворений 840 годом хиджры (от 16 июля 1436 по 4 июля 1437 г.), посвящая изучению источника каждую минуту, свободную от занятий над арабскими лоциями. По словам переводчика, оставленные в студенческом общежитии рукопись и русский перевод бесследно пропали к 1949 г. [2, с. 190–192], после первого ареста, но, благодаря своей великолепной памяти, Шумовский сумел восстановить переводы.

Вся эта история вызывает много вопросов и недоумений. Почему Шумовский не поделился своей находкой за полтора года, в течение которых переводил «Лепестки золотой розы», с И. Ю. Крачковским и другими ленинградскими арабистами. Они бы помогли ему точнее идентифицировать уникум. Почему, ощущая приближение ареста, он не решил доверить рукопись одной из востоковедных библиотек города? Почему, вернувшись к научному творчеству, он впервые заявил об уникальной находке не в авторитетном академическом журнале, который с радостью бы принял такую статью, а в популярной книге мемуаров, выпущенной почти через 40 лет после обнаружения стихов Аррани.

Странно, что имя азербайджанского поэта поразительно совпадает с именем переводчика – на арабском ‘Ата Аллах означает «дар Божий», равно как и греческое Теодор, – месяц находки соответствует месяцу завершения Дивана. Необычно и то, что в стихах отражены социальные темы протеста против тирании, призывы к веротерпимости, по словам «переводчика» опередившие эпоху Аррани и явно более созвучные ученому и поэту жестокого к людям и индивидуалистского XX столетия, чем века XV.

Однако в ученых кругах Ленинграда мистификация ученого, выдавшего собственные стихи за произведение средневекового земляка из Ширвана, не была тайной. В 1977 г. в печати ее разоблачила ученица И. Ю. Крачковского А. А. Долинина [17, с. 418–422]. Она отметила у Шумовского

лингвистические и хронологические неувязки (знакомство Аррани с творчеством Руставели), отсутствие адекватного арабского текста подлинника, невозможные для средневековых арабских стихов стиль и манеру изложения мыслей современника XX в. А. А. Долинина нашла в «переводах» из мифического Аррани банальные цитаты из Гёте («Остановись мгновенье, ты прекрасно!»), перепевы Пушкина («Дар мгновенный, дар печальный, Жизнь на смерть осуждена!» и др.), Уитмена в декадентских переводах Бальмонта («Хочу раскаленных слов, Железо сверлящих слов! На бледных и вялых – стремительно-алых, Хочу небывалых слов!»), Гумилева («От старинного мостика, разбегаясь, сутулится, По холмам за мечетями, зарываясь в песок, Затравевшая, бывшая знаменитая улица, Где прошли с караванами и Закат, и Восток»), Ахматовой («И уснула влюбленной, не зная, что в мире живущих Умирает любовь, потому что Стареют сердца») и даже эстрадных песенок и жестоких романсов начала XX в. («Над нами безумствует вьюга, Разомкнуты наши пути. Но сердцу и памяти друга От вас никуда не уйти» и проч.). По мнению А. А. Долининой, Шумовский не имел права так мистифицировать простодушных читателей своей научно-популярной книги.

Не будем слишком сурово судить ленинградского ученого и поэта из Ширвана, пытавшегося нащупать в море арабистики свой путь к сердцам средневековых героев и современных читателей. Популярные очерки Шумовского являются не научным произведением, но автобиографической исповедью историка-ориенталиста в стихах и прозе. В то время для него это был единственный способ опубликовать свои нонконформистские идеи и мысли о противостоянии ученого и Левиафана советского государства. Он пытался высказать некоторые итоги своих поисков художественного перевода с литературного арабского языка на русский.

Не со всем в его подходе к переводческой деятельности и стилю изложения я могу согласиться, но поставленная ширванским арабистом задача крайне важна. Реализовать свои идеи художественного перевода Шумовскому удалось в основном после ухода из Института востоковедения и падения советского строя.

В 80-е годы XX в. он приступил к переводу Корана. Работа отняла у него много времени и была завершена только к 1995 г., когда, наконец, в Москве появился выполненный Шумовским первый русский стихотворный перевод памятника. Такой труд является, пожалуй, венцом стремлений всякого крупного востоковеда. Достаточно вспомнить, скажем, прославленного французского магрибиста Жака Берка, который посвятил переводу Корана на французский язык последние годы своей жизни, отойдя от занятий социологией мусульман Магриба и арабского Ближнего Востока [21]. Сходные примеры были и в судьбах других ориенталистов XIX–XX вв.

Насколько нужен такой перевод? Коран не раз переводился с арабского на русский. Кроме изданного посмертно чернового перевода И. Ю. Крачковского есть дореволюционные переводы Г. С. Саблукова и Д. Н. Богуслав-

ского. Почему же попытки перевести Коран не прекращаются? Дело в том, что все названные переводы передают лишь содержание памятника, пренебрегая его художественными особенностями. Перевод И. Ю. Крачковского порой тяготеет к практически недоступному для понимания непосвященного читателя комментарию. Между тем арабский Коран представляет собой не только боговдохновенное, но и яркое художественное произведение. Он написан ритмической прозой (*садж'*), близкой по форме к поэзии. Надо быть Пушкиным, чтобы по дурному французскому переводу Дю Рие или по его не более удачному русскому переложению М. И. Веревкина понять в XIX в. художественные достоинства Корана, выразив их в его знаменитых «Подражаниях Корану». Русскому читателю все еще не хватает хорошего художественного перевода памятника, продолжающего волновать сердца людей.

Появившийся одновременно с изданием Шумовского новый академический перевод дагестанского востоковеда Н. О. Османова не передает художественную форму «Откровения». Что уж говорить про сделанный в 1993 г. не знающей арабского языка Викторией Пороховой бессмысленный «перевод смыслов», по существу сводящийся к испорченному «переводу» из И. Ю. Крачковского на бойкий, но малограмотный и не соответствующий оригиналу русский! В этих условиях попытка стихотворного перевода Шумовского была смелым новшеством.

Насколько предложенные Шумовским поэтические формы отражают подлинный художественный строй Корана? Мне лично он кажется слишком далеким от арабского оригинала по стилю и ритмике, напоминая скорее ориенталистские фантазии второстепенных поэтов Серебряного века, находившихся под влиянием переложений средневековых персидских лириков. Однако работы Шумовского отличает повышенное внимание к художественному слову и форме в арабо-мусульманской культуре, что выгодно отличает их автора от «сухого» стиля современных ему арабистов, нередко глухих к эстетическим достоинствам источников.

Ссылки

1. Шумовский Т. А. У моря арабистики. По страницам памяти и неизданных документов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. 344 с.
2. Шумовский Т. А. Свет с Востока. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. 352 с.
3. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991)/Изд. подгот. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.
4. Шумовский Т. А. Голос памяти (воспоминания сокамерника) // Восток. 2004. № 4. С. 141–142.
5. Шумовский Т. А. Воспоминания арабиста. Л.: Наука, 1964. 172 с.

6. Книга тысячи и одной ночи: в 8 т. / пер. с араб. М. А. Салье, предисл. М. Горького и М. А. Салье; под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л.: Academia, Гослитиздат, 1932–1939.

7. Ал-Махри, Сулайман. Махрийская опора для точного определения [основ] морских наук / ал- 'Умда ал-махриййа фи дабт ал-'улум ал-бахриййа / пер., ком., сравнит. анализ списков Т. А. Шумовского; под ред. А. С. Матвеева. М.: Марджани, 2011. 426 с.

8. Шумовский Т. Арабы и море. По страницам рукописей и книг. М.: Наука, 1964. 193 с.; 2-е изд. / под ред. В. О. Бобровникова. М.: Марджани, 2010. 192 с.

9. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: Е-Фактория, 2005. 560 с.

10. Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. 733 с.

11. Шумовский Т. А. Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко Да-Гамы в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР / предисл. Д. А. Ольдерогге; отв. ред. И. А. Орбелли. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 195+ 46 с.

12. Lokhova S. The Spy who Changed the World. The Untold Story of How the Soviet Union Won the Race for America's Top Secrets. New York: Harper Collins, 2019. 476 p.

13. Três roteiros desconhecidos de Aḥmad Ibn-Mādjīd, o piloto árabe de Vasco da Gama / [Por] T. A. Chumovsky. Tradução portuguesa do prof.dr. Myron Malkiel-Jirmounsky. Lisboa: Comissão Executiva das Comemorações do v Centenário da morte do Infante D. Henrique, 1960. 195 p.

14. Салас азхар фи ма'рифат ал-бихар Ахмад б. Маджид маллах Фаску ди Гама / Тахкик Теодор Шумовский гарджамат ва-та'лик Мухаммад Мунир Мурси. Каир: 'Алам ал-кутуб, 1969. 237 с. (на араб. яз.).

15. Revue de l'Institut des manuscrits arabes. Vol. 4. Fasc. 2. Le Caire, 1958. P. 349.

16. Бартольд В. В. Коран и море // Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Восточная литература, 2002. С. 544–548.

17. Долинина А. А. Арабски: избранные научные труды. СПб.: Нестор-История, 2010. 444 с.

18. Антология китайской лирики VII–IX вв. по Р. Х. / пер. в стихах Ю. К. Щуцкого; ред., введ. обобщения и предисл. В. М. Алексеева. М.-Пб.: Гос. изд-во, 1923; сер. «Всемирная литература». 144 с.

19. Дьяконов М. М., Дьяконов И. М. Избранные переводы. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1985. 256 с.

20. Коран: Священная книга мусульман / пер. с араб. и предисл. Т. А. Шумовского. М.: Terra, 1995. 528 с.; 2-е изд. 2001; 3-е изд. 2004.

21. Le Coran / Trad. par J. Berque. P.: Albin Michel, 1995. 844 p.

Nigeria as a country of stories

T. M. Gavristova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-152-163

Research article
Full text in Russian

The article is dedicated to the phenomenon of storytelling and its evolution in the context of globalization and digitalization. The choice of Nigeria as an object of study is not accidental. The oral tradition in Nigeria has developed dynamically over the centuries. Nigerian literature is considered to be a successor of the traditions of world classics. It was the writers - the «children of Herodotus» - who assumed the function of recording and relaying stories that, being biased, led to the destruction of a number of stereotypes regarding Africa and Africans. The traditions of storytelling appeared in literature and journalism, in television and radio broadcasting, across In-ternet. Nigerians have become active participants in TED conferences. Storytelling in Nigeria has become a profession. Within its framework, famous writers, including women, found application, overthrowing gender inequality.

Keywords: Nigeria; literature; storytelling; oral tradition; story; gender; Chimamanda Ngozi Adichi

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Gavristova, Tatiana M. | E-mail: tanja1994@mail.ru
Doc. Sc. (History), Professor

Нигерия – страна историй

Т. М. Гавристова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-152-163
УДК 94 (669)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается феномен сторителлинга и его эволюция в условиях глобализации и дигитализации. Выбор Нигерии как объекта исследования не случаен. Устная традиция в Нигерии на протяжении веков динамично развивалась. Нигерийская литература по праву считается продолжательницей традиций мировой классики. Именно писатели – «дети Геродота» – возложили на себя функцию фиксации и ретрансляции историй, которые, будучи ангажированными, привели к разрушению ряда стереотипов в отношении Африки и африканцев. Традиции сторителлинга проявились в литературе и публицистике, в теле- и радиовещании, в сети Интернет. Нигерийцы стали активными участниками TED-конференций. Сторителлинг в Нигерии превратился в профессию. В его рамках нашли применение известные писатели, в том числе женщины, низвергнув гендерное неравенство.

Ключевые слова: Нигерия; литература; сторителлинг; устная традиция; история; гендер; Чимаманда Нгози Адичи

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гавристова, Татьяна Михайловна | E-mail: tanja1994@mail.ru
Доктор исторических наук, профессор

«В начале было Слово,
и Слово было у Бога,
и Слово было Бог»
(Ин. 1:1.)

Устная традиция – как средство передачи знаний от поколения к поколению – изначально существовала во всех регионах и главенствовала до изобретения и принятия письменности. В условиях глобализации, медиатизации и дигитализации она трансформировалась в синтетическую по форме и содержанию разновидность историко-литературного и сценического жанра и продолжает существовать на радио, телевидении, в сети

Интернет в двух плоскостях: вербальной и визуальной. В настоящее время ее можно рассматривать как проявление скевоморфизма¹ в силу изменения самого формата вещания и его механизмов при одновременном сохранении и даже расширении смысловой составляющей процесса ретрансляции.

В рамках устного творчества мифы и легенды, несущие в себе волшебные образы и заряд фантазий, на протяжении веков соседствовали с реальными и героическими конструкциями (эпосами и хрониками) и были насыщены бытовыми подробностями. Балансируя между правдой и вымыслом, в расчете на достоверность они претерпели эволюцию как инструмент сохранения исторической памяти. Письменная фиксация развивалась параллельно с актуализацией их коммуникативной направленности, что привело к частичной сакрализации, догматизации и даже идеологизации ряда ставших универсальными образов и символов, например таких, как санкофа² [1, с. 83], а также к превращению текстов в эталонные установки морали и нравственности с их последующей интеграцией в систему гуманитарных знаний.

Модули исторической и культурной памяти, подобно модулю ядра, содержат разнообразные – многовалентные – коды, которые со временем расширяют свою функциональность. Формируясь в недрах памяти, представления о пространстве и времени, добре и зле, своих и чужих (других) претерпевают сложную эволюцию в процессе ретрансляции, а в ходе фиксации обретают характер документа, сохраняя характерную для африканской традиции обыденность и сакральность, приумножая и преобразуя образный ряд, который становится универсальным. В историях, рассказанных и записанных африканцами, всегда есть место для героя и антигероя, пройдохи-трикстера и самого рассказчика, который может выступать от лица каждого из названных персонажей, повествуя об их подвигах и деяниях и тиражируя разного рода клише. В Нигерии, например, это упоминания о языке «говорящих» барабанов, традиционной еде, лесах и дорогах, о духах и богах йоруба: Шанго³, Огуне⁴, абику⁵, о предприимчивости народа игбо, представителей которого нередко именуют «африканскими евреями» или «японцами», а на рубеже XX века – о различного рода мошенничествах

¹ Скевоморфизм {от англ. skeuomorph (скюаморф); от греч.: σκεῦος (сосуд, орудие) и μορφή (форма)} – физический орнамент (элемент дизайна), скопированный с другого объекта, изготовленный из других материалов и иными методами.

² Санкофа – в буквальном переводе с акан: «Вернись и возьми!»; один из символов адинкра; птица, оглядывающаяся назад, в прошлое; в настоящее время образ санкофы нередко ретранслируется в контексте необходимости сохранения исторической памяти.

³ Шанго – громовержец, бог Огня в мифологии йоруба.

⁴ Огун – бог войны и железа, покровитель кузнецов, охотников, путешественников; бог дорог; покровитель интеллектуалов; один из любимых персонажей Воле Шойинки, с которым он нередко себя сопоставляет.

⁵ Абику – в буквальном переводе с языка йоруба: рожденный, чтобы умереть; в мифологии йоруба дух, живущий на грани миров живых, мертвых и еще не рожденных.

(например, о нигерийских письмах, ставших прообразом спама, известных под названием 419⁶) и т. д.

На исходе XX века Африка пережила «бум» в развитии книжной культуры. В настоящее время в странах континента идет активный процесс накопления и осмысления эмпирического (историко-культурного) материала. Писатели, будучи его хранителями и ретрансляторами, в поисках исторической «правды» первыми обратились к национальной и международной аудитории, интеллектуалам и массовому читателю. Создание нарративов с момента возникновения современной африканской литературы шло на стыке истории и психологии, философии и литературы, с одной стороны, в силу дефицита профессиональных историков и ученых. С другой – в эпоху постмодерна именно литераторы и историки начали эксперименты в границах мега- и метажанров и в условиях их ангажированности обеспечили себе прорыв на мировой книжный рынок.

На фоне глобальной цифровизации истории в жанре non-fiction оказались особенно популярны в среде молодых и искушенных читателей. В настоящее время они широко тиражируются в виде открытых коммуникативных посланий как часть повседневного дискурса. Их смысловая наполненность определена богатством литературно-художественных традиций континента – тем, что В. Марков (В. И. Матвей) назвал «монументальной памятью» предков [2, с. 90], а М. М. Бахтин – «памятью жанра». Веками присущая устным рассказам склонность к парадоксам и обновлению повлекла за собой то, что реальность трансформировалась в миф с его символами и образами, возникшими благодаря осмыслению повседневности. На их основе сложились вполне достоверные истории, ретрансляция которых напрямую связана с расширением их «вместимости» – «вместимости» жанра, который «живет настоящим, но помнит свое прошлое, свое начало» [3, с. 178–179]. О «вечной» преемственности жанров писал в своих трудах и Н. Фрай [4].

Историческая память сохранила пословицы и поговорки, сказки и песни, каламбуры и наставления, хроники и жития. Они играли и продолжают играть роль кодов, раскрывающих связь времен, а также паттернов и мемов, передаваемых от человека человеку посредством речи, письма, видео и подверженных естественному отбору, мутации и селекции [5].

В Нигерии, крупнейшей по численности населения стране Африки, становление постколониального дискурса связано с деятельностью Воле Шойинки, – выдающегося писателя, драматурга и публициста (он родился в 1934 г.), по этнической принадлежности йоруба, первым из африканцев удостоенного Нобелевской премии в области литературы в 1986 году, – и тех, кого он остроумно назвал «детьми Геродота»⁷.

⁶ Адаби Триша Обайне Нваубани (родилась в 1976 г.) – писатель, эссеист; ее дебютный роман «Я вряд ли вернусь» (2009 г.) в 2010 г. был удостоен премии писателей Содружества за лучший дебют (Африка); постоянно живет в Нигерии.

⁷ «Дети Геродота» – так называлась лекция писателя, поэта, драматурга, публициста Воле Шойинки. Она была прочитана на открытии международной конференции («Шойинковские чтения») в феврале 2012 года в Университете Южной Африки (UNISA). Многогран-

Чинуа Ачебе (1930–2013), Киприан Эквенси (1921–2007), Джон Маноние (1929–1999), Элечи Амади (1934–2016), Флора Нвапа (1931–1993), Нкем Нванкво (1936–2001), Бен Окри (родился в 1959 г.), Бучи Эмечета (1944–2017), Чимаманда Нгози Адичи (родилась в 1977 г.), Теджу Коул (родился в 1975 г.) и другие писатели, преимущественно игбо и йоруба, возложили на себя миссию, заданную «отцом истории»⁸. Вдохновленные призывом В. Шойинки («Пора африканцам от своего имени говорить об Африке!» [6, р. 183]), они встали на путь презентации и репрезентации истории и культуры континента, воздавая дань поколениям их малоизвестных хранителей и просто хорошим рассказчикам, сознавая особую – неразрывную – связь прошлого, настоящего и будущего, характерную для африканской традиции.

Для В. Шойинки Слово (с большой буквы – прим. автора) всегда много значило. Оно несло в себе множество кодов, разгадка которых стала делом читателей, слушателей, персонажа пьесы «Дорога» (1965 г.). Слово хранило сакральность как связующее звено устной истории и нарратива, культурной идентичности и исторической памяти. Логос даровал африканцам право Голоса (с большой буквы – прим. автора); как следствие, они получили возможность быть «услышанными». Сделать Африку «видимой» (вопреки стереотипу о том, что она не имеет своей истории и культуры), открыть ее заново для национальной и международной аудитории – такова была миссия «говорящих» и «пишущих».

В XXI веке ироничные формулы, типа «Африка – не страна» (#africaisnotacountry), и аналогичная, прямо противоположная по смыслу, «Африка – это страна» (#africaisacountry), с легкой руки афрополитов⁹, «африканцев мира», преимущественно нигерийского происхождения, живущих в Европе и Америке [7], стали мировыми хэштегами. Обозначив границы реализуемой задачи, они были нацелены на то, чтобы не просто раскрыть потенциал Нигерии как крупнейшего по численности населения дина-

⁸ В обществе, где исторические знания базировались на устной традиции и выживали благодаря коллективной памяти, где, по приблизительным оценкам современных исследователей, всего 10 % населения обладали азами грамотности, то есть умели читать и писать, Геродот (480–420 гг. до н.э.), зафиксировав существующую информацию письменно, сохранил ее для многих поколений читателей, создав новый жанр повествовательной историографии, синтезировав эпос и хронику, логику и эмоцию, не избежав, как принято считать, ни эгоцентризма, ни мифотворчества.

⁹ Афрополитизм – интеллектуальная парадигма, возникшая за пределами Африки в среде поколения, рожденного на рубеже 1970–1980 годов. Принадлежащие к нему писатели, публицисты, блогеры предприняли контратаку на общественное мнение с целью признания достижений африканцев и развенчания стереотипов. Профессионалы, ориентированные на успех и карьерный рост, видели в афрополитизме новую идентичность и мораль, альтернативу космополитизму и позиционировали себя не как граждане, а как африканцы мира.

мично развивающегося государства и литературной державы, не просто заявить о себе и таким образом создать и упрочить позитивный образ нации и континента. Следовало продемонстрировать многообразие и подлинность культур, в недрах которых черпали вдохновение писатели и поэты, художники и скульпторы, африканцы и не африканцы. Эффект присутствия нигерийцев в литературной, художественной и академической среде превзошел все ожидания.

В условиях динамичной экстроверсии знаний английский язык (государственный язык Нигерии) сыграл роль своего рода «пропуска» в мировую интеллектуальную среду. Приняв нигерийцев, она сделала их своими, расширив границы их ангажированности и интереса к историко-культурному наследию Нигерии и Африки в целом со стороны представителей других рас, этносов, культур. Так возникла в 1962 г. «оранжевая серия» (Heinemann's African Writers Series); она в немалой степени способствовала популяризации творчества писателей континента в Великобритании и, как следствие, в США, Индии, Австралии, радикально изменив круг чтения африканцев и не африканцев. Осознание того, что африканские реалии вполне могут быть объектом писательского, исследовательского и читательского интереса, «открыло» Африку самим африканцам, о чем многократно упоминали в своих произведениях, интервью и публичных лекциях Т. Коул и Ч. Н. Адичи – признанные флагманы нигерийской литературы. Газеты «Guardian» и «The New York Times» относят их к числу самых влиятельных африканцев мира, олицетворяющих собой славу Нигерии.

Национальная литература Нигерии, в значительной мере благодаря влиянию культуртрегеров, по праву считается продолжательницей традиций мировой классики. В отличие от европейских аналогов (английской, французской, немецкой, русской литературы), рожденных вербальной культурой, она в гораздо большей мере связана с устной традицией, которая – как и литература в свою очередь – возникла в недрах контекстуальности. Главенствующую роль играло не столько слово (то есть сказанное), сколько обстоятельства, при которых оно было произнесено. Кто сказал, когда, где и кому, всегда было гораздо важнее смысла сказанного. В обществе, где устное творчество на протяжении длительного времени оставалось едва ли не единственной альтернативой колониальному нарративу, авторитет рассказчика был высок, как и престиж литературного труда.

Сторителлинг, наряду с собственно писательством, остается любимым занятием как молодых и начинающих, так и всемирно известных литераторов. В современной Нигерии огромным интересом пользуются их выступления, интервью и лекции. Аудитория разнообразна: профессионалы и те, кто только учится владеть пером, читатели, слушатели, все, кто видит в подобном общении школу жизни и форму коммуникации.

Писатели старшего поколения – Ч. Ачебе и В. Шойинка – работали на радио и ТВ. В 1960–1970-х годах, в условиях низкой грамотности населения, только так можно было завоевать сердца потенциальных читате-

лей и развить их вкус. Б. Эмечета, чьи романы в России так и не увидели свет, в молодости занималась психотренингом, избавляя от комплексов чернокожих лондонских иммигрантов. В общении с ними она не только использовала таланты «рассказчицы», но и культивировала материнские – менторские – нотки, способствуя осознанию необходимости получения диплома теми, кто был намерен интегрироваться в новую среду.

С тех пор ситуация изменилась. Возрос уровень образованности населения. Книжные новинки стали доступнее. Увеличилось число любителей аудиокниг, тематических подкастов, TED-лекций и TED-радио. Они востребованы в ходе поездок, прогулок, за рулем. В сети большое число просмотров набирают видеоролики Т. Коула и Ч. Н. Адичи, интервью и лекции писателя В. Шойинки, историка Тойина Фалолы (родился в 1953 году) и других.

TED Talks – ежегодная конференция, иницируемая частной некоммерческой организацией TED (Technology, Entertainment, Design), созданной в 1984 г. в США с целью распространения уникальных идей в области науки и культуры. Популярность TED-выступлений особенно высока в молодежной среде, благодаря их формату. Выступления транслируются в сети. Нигерия успешно интегрировалась в киберпространство. Доля пользователей Интернета составляет, по разным оценкам, 62–66 % от общего числа населения. Английский язык является основным языком вещания.

В XXI веке участниками TED-конференций стали: Крис Абани (2007 г.; тема: «Об историях из Африки»); Чимаманда Нгози Адичи (2009 г., тема: «Об опасности одной единственной истории»; 2014 г., тема: «Нам всем следует быть феминистами»); Титилопа Сонуга (2014 г.; «Говоря в пустоту»); Лувви Аджайи (2017 г.; тема: «Чувствовать себя комфортно, когда некомфортно»); Ннеди Окофор (2017 г.; тема: «Научно-фантастические истории о будущем Африки»); Лола Шонейн (2012 г.; тема: «Мальчики, секс и истории»); Тайе Селаси (2014 г.; тема: «Не спрашивайте, откуда, спрашивайте, где я чувствую себя своей»); Бен Окри (2016 г.; тема «Наши тайные истории»); Иджеома Умебиньо (2017 г.; тема: «Разрушение культуры молчания»); Нгози Оконджо-Ивеала (2016 г.; тема: «Как Африка может наращивать подъем») – и другие писатели и публицисты. Численное превосходство женщин в массе нигерийских участников TED-конференций можно объяснить востребованностью литературных профессий и особой – гендерной – ролью рассказчицы в традиционном и современном обществах.

В TED-лекциях разговор ведется от первого лица. Истории, рассказанные нигерийцами, – не «набор достоверных фактов» [8, р. 3], а размышления о наболевших проблемах человека и человечества. Для экономиста, экс-министра финансов (2003–2006; 2011–2015 гг.) правительства Нигерии Н. Оконджо-Ивеала (родилась в 1954 г.) – это поиск резервов для экономического роста; для доктора медицины Сейи Ойесола – проблемы мобильных госпиталей и развитие здравоохранения. Для писателя и музыканта К. Абани – это сами истории, которые, по его мнению, являются частью нигерийской идентичности, определяя смысл, ритм и образ жизни людей.

Н. Окофор поделилась со слушателями тем, что черпает идеи для своих блестящих научно-фантастических произведений в космологических и духовных традициях народа игбо. В них она видит истоки своего творчества. «Счастливая нигерийская феминистка» Ч. Н. Адичи (именно так, иронично, она себя позиционирует) и две другие, не столь оптимистично настроенные и явно озабоченные проявлениями мужской агрессии и виктимностью женщин, писательницы – Л. Шонеин и И. Умебиньо – акцентировали внимание на проблемах эмансипации и гендерного равенства, на том, как воспитывать детей, мальчиков и девочек.

Т. Селаси, писательница нигерийско-ганского происхождения, автор термина «афрополитизм», в своей TED-лекции предложила обновленный взгляд на идею Дома (с большой буквы), отвергнув миф о национальной самобытности как основе идентичности. Для нее главное – интеллект и профессия. Где бы ни жил человек, по ее мнению, среди своих он всегда ощущает себя, как дома.

Б. Окри в своей лекции говорил о взаимодействии двух историй – публичной и частной, подчеркивая, что история (story, history), формирующая личность и идентичность, сильно отличается от того, что люди рассказывают сами о себе. Для Б. Окри важна именно подлинность истории, особенно в контексте понимания, кто есть кто на самом деле.

Т. Сонуга – виртуозная рассказчица, завораживающая не только словом, но и ритмом повествования, лицедейством, игрой, подобно актерам или медиумам. Истории, «снятые с ее языка», проникали в душу. Она разыгрывала их драматургически. Ей вторила Л. Аджайи, призывая высказаться даже тех, у кого нет ни таланта, ни голоса. Для нее главное «быть собой» и «чувствовать себя комфортно, даже когда некомфортно». Такова идея ее TED-выступления [9].

Молодая писательница Олу Тимехин Адегбейе (родилась в 1991 году), несмотря на возраст, хорошо известна международной аудитории. Ее произведения переведены на норвежский и японский языки, а призыв к людям, обладающим даром устного рассказа, больше говорить «о сложном и всеобъемлющем человеческом опыте» [10], услышан. Резонанс оказался столь велик, что ведущий куратор TED Крис Андерсон признал ее TED-доклад на тему: «Кто принадлежит городу?» (2017 г.) – одной из десяти лучших историй года. В 2019 году писательница получила премию Джеральда Краака за короткое эссе в жанре нон-фикшн «Матери и мужчины», где, наряду с собственным опытом, проанализировала опыт женщин, подвергшихся насилию и, вопреки всему, нашедших в себе силы сохранить ребенка [10].

В XXI веке в Нигерии популярность обрело также расширенное теле- и радиовещание в Интернете: подкастинг является одним из важнейших средств коммуникации нигерийцев, живущих на континенте, с диаспорой. Наиболее востребованы следующие из них: «Мой африканский подкаст: “Узнайте истории самых известных людей Африки”» («My African Podcast: “Get to know the stories behind the most famous names in Africa”») [12]; «Не Ваше

африканское клише» («Not Your African Cliché») в Твиттере, где четыре нигерийские дамы высказывают свое мнение по разнообразным темам истории и культуры континента; «Мы только что вернулись» («WJGB — We Just Got Back»), где три нигерийские девушки делятся рассказами о радостях и печалях своего возвращения в Нигерию, и еще много разных контентов о музыке, футболе, путешествиях – любимых темах нигерийцев, живущих в Африке и за ее пределами. Наряду с современной нигерийской литературой они рождают образы и коды, с помощью которых устные истории игбо и йоруба перестают быть «мертвым кладбищем», «забытым хранилищем» тайной красоты [2, с. 3], а ретранслируются на весь мир и становятся узнаваемыми, превращаясь в «конвертируемую» валюту.

Преобладание женщин в нигерийской литературе стало особенно очевидно на заре XXI века. Королева женского романа Б. Эмечета в интервью подчеркивала: «Я выросла в Нигерии <...> В моих романах я всегда возвращаюсь в Африку. Я пишу об Африке для всех. Я пишу, как говорю. Я рассказываю <...> Когда я сажусь писать, я <...> вспоминаю Африку <...> Нигерия – страна историй, ее женщины родились рассказчицами» [11, р. 448, 451]. Мать и свекровь Бучи знали множество историй и охотно их рассказывали. Трагические и комические, они передавались из уст в уста, от поколения к поколению. Бучи слушала их девочкой и замужней дамой, даже если никто, кроме нее, не проявлял к ним интерес.

Особенно близка ей была тетка – самая старшая женщина в семье; по традиции ее называли «Большая Мать». Старая, почти слепая, вечерами она рассказывала «захватывающие» истории. Героические предания гармонично переплетались с бытовыми зарисовками, завораживая благодаря лицедейству и поэтическому воображению. «Мы сидели часами у ее ног, за гипнотизированные чарующим голосом», – вспоминала Б. Эмечета в статье «Критика и идеология». «Она знакомила нас с подвигами предков, с нравами и обычаями нашего народа. Она рассказывала, словно песню пела (на одном дыхании); и лет до четырнадцати я думала, что духи вдохновляют ее» [12].

В 2005 г. Б. Эмечета стала первой и единственной (пока) африканкой, удостоенной ордена Британской империи (ОБЕ) за большой вклад в развитие литературы. Известность ей принесли романы: «В канаве» [13] (1972 г.); «Гражданин второго сорта» [14] (1975 г.); «Выкуп за невесту» [15] (1976 г.); «Рабыня» [16] (1977 г.); «Радости материнства» [17] (1979 г.). За ними последовали автобиография «На плаву» [18] (1986 г.), повести «Двойное ярмо» [19] (1982 г.) «Гвендолен» [20] (1989 г.), «Кехинде» [21] (1994 г.), «Новое племя» [22] (1999 г.) – о проблемах колониализма, расизма, эмиграции; истории повседневной жизни африканцев в Нигерии и Великобритании. Ее герои – бедные и богатые; африканцы и не африканцы; матери-одиночки и студенты; молоденькие девушки, испытывающие отчуждение в обществе белых; сироты и их приемные родители; «граждане второго сорта» (иммигранты: «особая разновидность черных», «новые кокни») – демонстрируют чудеса

выживания в борьбе с собой и обществом, где вечное уступает сиюминутному, а духовное – материальному.

На исходе XX века в Нигерии многие считали Б. Эмечету «феминисткой» только потому, что в ее историях преобладала женская тематика. Традиция требовала от женщин воспевания деяний героев-мужчин. Сама писательница отмечала: «Я пишу о маленьких событиях повседневной жизни. Я слежу за происходящим и вижу все глазами африканской женщины. Я наблюдаю за жизнью женщин, которых знаю. Правда, я не знала, что за это меня назовут “африканской феминисткой”. Если я феминистка, то с маленькой буквы “ф”» [11, р. 369].

Гораздо больший интерес к феминизму проявила Ч. Н. Адичи. Ее TED-лекция [23, 24] и эссе «Дорогой Иджевеле, или феминистский манифест в пятнадцати пунктах» [25, 26], вобрали в себя то, что можно рассматривать как эпистемологию народа игбо, а во взаимосвязи с «искусством памяти» [27] – как форму образного «поминовения» прошлого и увековечивания знаний о нем [28, р. 66]. Писательница полемизирует с Ч. Ачебе [29, р. 22] и Б. Эмечетой. В противовес их категоричности и назидательности она утверждает, что история не может быть однозначной [30], мотивируя тем, что разные версии одной и той же истории можно услышать из уст близких людей и свидетелей одних и тех же событий.

Детство писательницы прошло в окружении интеллектуалов университета Нигерии в Нсукке, где трудились ее родители, под сводами дома, когда-то принадлежавшего Ч. Ачебе. Подростком, она выслушала немало противоречивых, героических и романтических историй о мятежной Биафре, гражданской войне в Нигерии (1967–1970 гг.), геноциде игбо. Она ухватила их «дух», что отчетливо проявилось в романе «Половина желтого солнца» (2006 г.) [31]. Завершает повествование пространный список тех, чьи рассказы помогли ей при создании произведения.

Возможность существования и тиражирования разных версий одной и той же истории культивируется в настоящее время в литературной и академической среде. Поговорка игбо гласит: «Пусть коршун взлетит, пусть орел взлетит тоже. И, если один говорит, что другой не должен взлетать, пусть его крыло сломается» (Let the kite perch, let the eagle perch too. If one says the other should not perch, let his wing break) [29, р. 17]. Такой подход стимулировал актуализацию постколониального дискурса, в границах которого на протяжении последних десятилетий реализовала себя не только Ч. Н. Адичи. Провозглашая плюрализм мнений, она одновременно низвергла гендерное неравенство, ратуя за равноправие мужчин и женщин.

Ее роман «Американка» напрямую связан с проблемой цифровизации Африки. Его главная героиня – Ифемелу – блогер. Она преуспевала в США, где училась и работала по окончании университета, но все же вернулась на родину, где ее истории гораздо более необходимы и востребованы, чем где-либо в другой точке земного шара [32].

Для Т. Коула Твиттер – все равно что Йоханнесбург, Лагос, Найроби или Бруклин: это любимый город; вполне «африканское пространство». В нем каждый может найти не только собеседника или слушателя, но и единомышленника; и не обязательно «каламбурить насчет того, что африканцы давно уже сбросили набедренные повязки» [33, р. 42–43].

Сторителлинг как явление в Нигерии переживает второе рождение [34]. И если первоначально он представлял собой исключительно рассказывание историй – в семье или кругу друзей, то в настоящее время очевидным стало его превращение в искусство, профессию, ремесло, востребованное в маркетинге, рекламе, журналистике и отраженное в публицистике, научно-популярной и художественной литературе, радио- теле- и Интернет вещании. В рамках сторителлинга реализовали себя писатели и просто хорошие рассказчики и ораторы. Их таланты служат на благо нации, способствуя продвижению идей (демократических и либеральных, феминистских и экологических). Примером тому может служить и недавняя книга англо-нигерийской писательницы Бернадин Эваристо «Девушка, женщина, иная» [35], за которую она была удостоена Букеровской премии 2019 г.

Ссылки

1. Хохолькова Н. Е. Афроцентризм в США: теория и практика социокультурных трансформаций. М.: Институт Африки РАН, 2019. 194 с.
2. Марков В. (Матвей В. И.). Искусство негров. М., 2019 / СПб., 1919. 153 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. С. 464.
4. Frye N. The Archetypes of Literature // Kenyon Review. 1951. Vol. XIII, № 1. P. 92–110.
5. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 318 с.
6. Conversations with Wole Soyinka / Ed. by Biodun Jeyifo. University Press of Mississippi, Jackson, 2001. 223 p.
7. Гавристова Т. М. Афрополитизм: альтернатива космополитизму или трансформация идентичности? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9, № 2. С. 159–172.
8. Carr E. H. What is History? Basingstoke: Palgrave, 2001. XXIV. 188 p.
9. Toby and Iniye. 10-ted-talks-by-nigerian-authors. URL: <https://www.thebookbanque.com/literary/10-ted-talks-by-nigerian-authors> (дата обращения: 10.02.2020).
10. Adegbeye O. We must tell more complex and inclusive stories about human experience. URL: <https://medium.com/de-correspondent/olutimehin-adegebe-ye-we-must-tell-more-complex-and-inclusive-stories-about-human-experience-3679566b5494> (дата обращения: 10.02.2021).
11. Emerging Perspectives on B. Emecheta / Ed. by M. Umeh. L.: Africa World press: Inc., 1996. 532 p.

12. Emecheta B. Criticism and Ideology. URL: <http://www.answers.com/topic/buchi-emecheta#ixzz37346FKyX> (дата обращения: 10.02.2021).
13. Emecheta B. In the Ditch. L.: Barrie & Jenkins, 1972. 158 p.
14. Emecheta B. Second-Class Citizen L.: Allison & Busby, 1974. 192 p.
15. Emecheta B. The Bride Price. L.: Allison & Busby, 1976. 168 p.
16. Emecheta B. The Slave Girl. L.: Allison & Busby, 1977. 179 p.
17. Emecheta B. The Joys of Motherhood. L.: Allison & Busby, 1979. 157 p.
18. Emecheta B. Head About Water. An Autobiography. L.: Heinemann, 1988. 229 p.
19. Emecheta B. Double Yoke. N.-Y.: George Braziller, 1983. 163 p.
20. Emecheta B. Gwendolen. Cambridge: Heinemann, AWS, 1994. 202 p.
21. Emecheta B. Kehinde. L.: Heinemann, African Writers Series, 1994. 144 p.
22. Emecheta B. The New Tribe. L.: Heinemann, African Writers Series, 1999. 160 p.
23. Adichie Ch. N. We Should All Be Feminists. L.: Fourth Estate, 2014. 64 p.
24. Адичи Ч. Н. «Мы все должны быть феминистками». URL: <http://samcult.ru/review/5871> (дата обращения: 10.02.2021).
25. Adichie Ch. N. Dear Ijeawele, or A Feminist Manifesto in Fifteen Suggestions. N.-Y.: Alfred A. Knopf, 2017. 80 p.
26. Адичи Ч. Н. Манифест от женщины к женщине. М.: Эксмо, 2019. 128 с.
27. Йейтс Ф. А. Искусство памяти / пер. с англ. Е. В. Мальшкин. М.: Университетская книга, 1997. 400 с.
28. Chukwuma H. Igbo Oral Literature: Theory and Tradition. Abak: Belpot, 1994. X, 344 p.
29. Egbunike L. U. Narrating the Past. Orality, History & the Production of Knowledge in the Works of Chimamanda Ngozi Adichie // A Companion to Chimamanda Ngozi Adichie / Ed. By Ernest N. Emenyonu. N.-Y.: James Currey, 2017. P. 15–29.
30. Адичи Ч. Н. Опасность одной единственной истории // История Аф-рики: люди и судьбы: сборник документов и материалов / отв. ред. Т. М. Гавристова. Ярославль, 2016. С. 12–21.
31. Адичи Ч. Н. Половина желтого солнца. М.: Фантом-Пресс, 2011. 480 с.
32. Adichi Ch. N. Americanah. N.-Y.: Knopf, 2013. 477 p.
33. Cole T. Do African Digital Natives wear glass skirts? // Journal of the Africa Literature Association. 2017. Vol. 11. P. 38–44.
34. Захарова Н. А. Женский диджитал-сторителлинг в Нигерии как форма социально-политического активизма // Азия и Африка сегодня. 2020. № 8. С. 75–80.
35. Эваристо Б. Девушка, женщина, иная / пер. с англ. С. Э. Таска. М.: Эксмо, 2021. 480 с.

Halide Edib Adivar (1982–1964) as a National Symbol of the Republic of Turkey

D. A. Savin¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-164-169

Research article
Full text in Russian

The article is dedicated to Halide Edip – outstanding novelist, scientist, public figure. The events of her personal life and political processes that took place in the last years of the Ottoman Empire and in the Republican period are reflected in her articles, memoirs, novels and scientific works. She raised topical issues such as the social status of Turkish women, their education and participation in political life, aspects of nationalist ideas, the correlation of traditions and innovations in public life and the role of religion.

Keywords: Halide Edip; biography; Turkey; memoirs; women's rights

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Savin, Dmitry A. | E-mail: savind@yandex.ru
Cand. Sc. (History)

Халиде Эдип Адывар (1882–1964) как национальный символ Турецкой Республики

Д. А. Савин¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-164-169
УДК 94 (560) + 929

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена Халиде Эдип, писательнице и общественному деятелю. События ее личной жизни и политические процессы, проходившие в последние годы существования Османской империи и в республиканской Турции, нашли отражение в ее статьях, мемуарах, романах и научных трудах. Она поднимала актуальные проблемы, такие как социальный статус турецких женщин, образование и воспитание, участие женщин в политической жизни, соотношение традиций и инноваций в общественной жизни, роль религии.

Ключевые слова: Халиде Эдип; биография; Турция; мемуары; права женщин

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Савин, Дмитрий Александрович | E-mail: savind@yandex.ru
Кандидат исторических наук

Личность Халиде Эдип в российском научном пространстве изучена слабо. Большинство исследований, посвященных биографии писательницы, написаны на турецком и английском языках и не переводились на русский язык. Первая биография Халиде Эдип на русском языке была опубликована только в 2018 г. [1], хотя ее творческое наследие давно уже интересует филологов и историков.

Литературное наследие Х. Эдип почти не переводилось на русский язык. Отечественный тюрколог А. Т. Сибгатуллина в своей работе отмечает, что «в советский период были осуществлены всего три перевода произведений Халиде Эдип на русский язык, которые сейчас практически недоступны читателю» [1, с. 170]. Требуют изучения биография писательницы, ее роль как общественного деятеля, борца за права женщин, участие в освободительном движении, взгляды на педагогику и политику.

© Савин Д. А., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

При знакомстве с биографией Халиде Эдип становится очевидным, что это многогранная личность, оставившая след в истории Османской империи и Турецкой Республики. Она была первой мусульманской выпускницей Американского колледжа для девочек в Стамбуле, первой турецкой писательницей, опубликовавшей в 1935 г. роман на английском языке («Клоун и его дочь»), первой женщиной-капралом в национальной армии, первой женщиной-профессором в Стамбульском университете [2, с. 217]. Именно она была одной из основательниц женского движения в Турции, стояла у истоков создания первого новостного агентства страны («Анатолия»), принимала активное участие в благотворительной деятельности в годы Первой мировой войны и в ходе освободительного движения, работала санитаркой, оказывала помощь раненым. Особенно много внимания она уделяла помощи детям-сиротам: туркам и армянам. Х. Эдип выступала на собраниях, митингах, в прессе.

Возможно, ее жизнь сложилась бы иначе, если бы ее, как многих мусульманских женщин, воспитывали как будущих жен и домохозяек. Однако отец Халиде – Мехмет Эдип-бей, служивший секретарем султана (1876–1909 гг.) Абдул-Хамида II, был весьма дальновидным человеком и стремился дать дочери образование. Он был либералом и сторонником вестернизации – процесса, предполагавшего восприятие и внедрение лучших образцов и достижений европейской мысли. Дом в стамбульском районе Бешикташ, где жила Х. Эдип, представлял собой особняк старого типа, окруженный глициниями, что нашло отражение в названии первой части ее мемуаров: «Дом с глицинией», где она описывала детство и юность. В доме она жила с бабушкой Накие-ханум и дедушкой Али-эфенди.

Наличие богатой библиотеки предопределило интерес девочки к чтению. Она знакомилась с мусульманскими обычаями и традициями, основами религиозного воспитания, получала уроки ведения домашнего хозяйства, что не могло впоследствии не отразиться на ее творчестве, на характерах героев ее произведений.

Совсем другой мир окружал ее в доме отца Мехмет-Эдип-бея, заинтересованного в том, чтобы дать дочери воспитание на английский манер. Х. Э. (Эдип) отмечала в своих воспоминаниях, что «...воспитывалась как британская девочка, поскольку отец ее считал, что величие британцев было обусловлено воспитанием. Он же взял на себя инициативу покупать ей платья, нижнее белье, обувь, даже платки...» [3, с. 23]. В 1891 г. отец отдал Халиде в миссионерскую школу для девочек, где вместе с ней обучались представители различных национальностей. Однако султан остался недоволен таким решением Мехмета Эдип-бея, и Халиде вынуждена была прекратить посещение заведения. Преподаватели школы приходили к ней домой с целью проведения занятий по различным предметам. Как отмечает А. Сибгатуллина, «у лучших учителей города она брала уроки по европейской музыке, турецкой литературе, математике, арабскому, персидскому

и французскому языкам. Интерес к иностранным языкам привел юную девушку к увлечению художественными переводами» [1, с. 12].

Круг ее чтения был широк и включал романы английской писательницы Дж. Эллиот, роман американского писателя Дж. Эббота «Мать», который она перевела на турецкий язык в 1897 г.; она отлично знала творчество У. Шекспира, а трагедию «Гамлет» могла прочесть наизусть.

Образование отнюдь не способствовало кризису идентичности. Наоборот, оно позволило Х. Эдип интеллектуально развиваться, понимать культуру и менталитет разных народов и стран. Она свободно говорила на английском, активно общалась с турецкими и зарубежными интеллектуалами, знакомыми ее отца. В обществе ее ценили за ум, смелые взгляды и невероятную работоспособность, которая проявлялась с юных лет.

Общественная деятельность Х. Эдип началась с 1908 г., когда она стала публиковать статьи по вопросам образования и статуса турецких женщин в газете «Танин» и журнале «Демет». В 1913 г. Х. Эдип основала Ассоциацию женщин «Teali-i nisvan», целью которой было улучшение их социального статуса. Имя Х. Эдип стало широко известно после катастрофического для Османской империи завершения Первой мировой войны, когда над страной нависла угроза не только территориального раздела, но и потери суверенитета. Слабое султанское правительство не имело средств для противостояния захватническим планам европейских держав и фактически предало государство и народ, разрешив войскам Англии, Греции и Италии высадиться на территории Малой Азии.

В сложных для страны условиях Х. Эдип не побоялась выступить с пламенной речью на митинге 6 июня 1919 г. (во время оккупации Измира греческими войсками) в Стамбуле на площади Султанахмет перед огромной массой людей, призвав их встать на защиту родины и отстоять ее независимость. В 1920 г. британские оккупационные власти в Стамбуле, распустив парламент, приговорили нескольких сторонников сопротивления к смерти. В их числе была и Х. Эдип. Она вынуждена была уехать в Анкару и присоединиться к Мустафе Кемалю, возглавившему национально-освободительное движение. Она работала в качестве переводчика и пресс-атташе. Свое участие в военных действиях она описала в романе «Дочь Смирны» (1922 г.), посвященному победе турецких войск над греческими в битве у р. Сакарья в 1921 г., и во второй части своих мемуаров под названием «Испытание Турка» («The Turkish Ordeal»), опубликованной в 1928 г. в Нью-Йорке.

В дальнейшем Х. Эдип и Мустафа Кемаль Ататюрк разошлись. Она рассчитывала на большее вовлечение женщин в общественную жизнь, на проведение политики в рамках идей демократии и либерализма, была против реформы языка, против реформы одежды, против гонения на ислам и навязывания псевдонаучной версии истории турок. М. Кемаль после прихода к власти установил авторитарное правление и инициировал радикальные преобразования, с чем были не согласны многие его сподвижники

(К. Карабекир, Рауф Орбай, Х. Эдип, А. Адывар и др.), образовав в 1924 г. оппозиционную Прогрессивную Республиканскую партию. Критика режима со стороны героев войны за независимость и бывших сподвижников К. Ататюрка (1918–1923 гг.) привела к тому, что против них начались гонения и многие вынуждены были мигрировать за границу, особенно после роспуска Прогрессивной Республиканской партии в 1925 г.

В добровольное изгнание отправилась и семья Х. Эдип. Одной из причин отъезда послужило то, что ее обвинили в желании установить американский мандат в Турции. Писательница, как и многие другие турецкие интеллектуалы, действительно была сторонницей выполнения «14 пунктов Вудро Вильсона», так как считала, что в условиях угрозы, нависшей над страной со стороны европейских держав, США как нейтральная сторона смогла бы оказать помощь Турции в борьбе за независимость. В дальнейшем она изменила свое отношение к проблеме. Для опровержения обвинений в свой адрес Х. Эдип выпустила вторую часть своих мемуаров, посвященную целиком эпохе национально-освободительной борьбы, где подробно раскрывала свою политическую позицию.

Мемуары она писала на английском языке. Они до сих пор по политическим мотивам полностью не опубликованы и не переведены на турецкий язык. Цензура постаралась изъять из текста места с критикой Кемала Ататюрка. В добровольном изгнании в Великобритании и Франции Х. Эдип продолжала с регулярностью печатать романы, публиковать статьи в прессе, заниматься преподавательской деятельностью, в рамках которой она выступала с лекциями в США и Индии как приглашенный профессор. По итогам поездки в Индию для чтения лекций в Национальном Исламском университете (Jamia Millia Islamia) в 1935 г. в Лахоре была издана ее книга под названием «Противостояние Востока и Запада в Турции». Всего ею было прочитано восемь лекций, посвященных османскому и республиканскому периодам истории Турции, литературе и культуре, турецким женщинам, революции, войне за независимость и будущему Турции. Лекции Х. Эдип посетили известные лидеры индийского движения за независимость: С. Найду, Ч. Раджагопалачария и А. А. Али.

В 1937 г. вышла ее книга «Индия изнутри» («Inside India»), в которой она описала свои наблюдения за время пребывания в стране, отдельные аспекты индийского национализма, отношение мусульман к движению за независимость, встречи с М. К. Ганди, Дж. Неру, Абдул-Джафар Ханом, М. Ансари и другими лидерами движения за освобождение. Автор осознала, как в Индии происходило взаимодействие между современностью и традицией, как в плюралистичном обществе сосуществовали различные религии. Она ставила вопрос: совместим ли ислам с современностью [4, р. 187–193] – и отвечала на него положительно. В отличие от К. Ататюрка она рассматривала ислам не как тормоз общественного развития страны, а как важный атрибут культуры, считала, что он не является препятстви-

ем для прогресса, что прогресса можно достичь только через развитие собственной культуры, перенимая опыт из-за рубежа.

Вернуться в Турцию Х. Эдип смогла только после смерти Кемалья Ататюрка в 1938 г. В 1940 г. она возглавила кафедру английской филологии в Стамбульском университете. Ее первая лекция была посвящена творчеству У. Шекспира. В 1950–1954 гг. Х. Эдип стала депутатом Великого национального собрания Турции. Однако она разочаровалась в деятельности пришедшей к власти Демократической партии и, выйдя из парламента, целиком сосредоточилась на научной деятельности в Стамбульском университете, которому отдала последние годы жизни.

Скончалась она 9 января 1964 г. Ее похороны прошли в мечети Баязет рядом с площадью Султанахмет, где она прославилась как оратор. Таким образом, Х. Эдип своим творчеством и политической позицией внесла неопределимый вклад как в литературу Турции, так и общественную жизнь. Ее по праву называли «идеальной моделью» для турецких женщин, так как была хорошо образованной, одевалась на западный манер, но была патриоткой своей страны. Ее труды до сих пор переиздаются, читаются и экранизируются, входят в образовательную программу школ и вузов Турции.

В 2008 г. в Турции вышел в прокат документальный 28-минутный фильм «The Greedy Heart of Halide Edib», рассчитанный на школьников и посвященный жизни и деятельности Халиде Эдип. А 27 октября 2016 г. был запущен сериал «Моя родина – это ты» (Vatanım Sensin) о национально-освободительном движении в Турции, в котором роль Халиде сыграла актриса и модель Сельма Эргеч. В 2014 г. в связи с 50-летием со дня смерти писательницы были выпущены серебряные монеты в количестве 2000 штук и номиналом в 50 лир с ее изображением.

Увековечение ее памяти – свидетельство тому, что в последние годы отношение к Х. Эдип в Турции заметно изменилось в лучшую сторону: с подачи К. Ататюрка о ней долгое время писали в прессе как о предателе национальных интересов страны. В настоящее время ее заслуги перед страной признаются, она считается символом турецкой нации наравне с К. Ататюрком.

Ссылки

1. Сибгатуллина А. Т. Непреклонная Халиде: жизнь и творчество турецкой писательницы Халиде Эдип Адывар. М.: Пробел-2000, 2018. 184 с.
2. Encyclopedia of Woman Social Reformers. Santa-Barbara: ABC, Clio, 2001. Vol. 1.
3. Memoirs of Halide Edip. N.-Y.; L.: The Century Co, 1926. 472 p.
4. Nas A. Inside India, Outside of Kemalism: analysis of Halide Edib's writings on anicolonialism // International journal of humanities and social science. 2013, April. Vol. 3, № 7. P. 187–193.

The Consequences of the Political Crisis of July 1918 for the Upper Volga Organizations of the Party of Left Socialist-Revolutionaries

N. V. Tikhomirov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-170-177

Research article
Full text in Russian

The article considers the peculiarities of the position of the Upper Volga organizations of the Party of Left Socialist-Revolutionaries caused by the crisis of July 1918 which marked the beginning of the total loss of the Party's political influence in the country in whole. The author shows the difficulties and methods of ideological and political struggle between the local Left Socialist-Revolutionaries and the Bolsheviks during the period from July to December 1918, traces the process of ousting the Left Socialist-Revolutionaries from the local Soviets, considers the features of the local Left Socialist-Revolutionaries' organizational work in the new political reality.

Keywords: Party; Left Socialists-Revolutionaries; the Upper Volga Region; struggle; crisis

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tikhomirov Nikolay V. | E-mail: nvlad76@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Последствия июльского политического кризиса 1918 г. для верхневолжских организаций партии левых социалистов-революционеров

Н. В. Тихомиров¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-170-177
УДК 908

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассмотрена специфика положения верхневолжских организаций партии левых социалистов-революционеров, обусловленная июльским кризисом 1918 г., положившим начало полной утраты политического влияния партии левых эсеров в стране в целом. Показаны перипетии и приемы идеологической и политической борьбы между местными левыми эсерами и большевиками в период июля – декабря 1918 г., прослежен процесс вытеснения левых эсеров из местных Советов, рассмотрены особенности организационной работы местных левых социалистов-революционеров в новых для них политических условиях.

Ключевые слова: партия; левые эсеры; Верхнее Поволжье; Советы; борьба; кризис

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихомиров, Николай Владимирович | E-mail: nvlad76@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Левозеро́вское выступление 6–7 июля 1918 г. в Москве, имевшее цель посредством оружия разорвать Брестский мирный договор с Германией, стало высшей точкой во всё более углублявшихся политических разногласиях между большевиками и их соратниками по правящему советскому блоку – партией левых социалистов-революционеров (ПЛСР). Накануне этого выступления левые эсеры Я. Г. Блюмкин и Н. А. Андреев совершили убийство германского посла графа В. Мирбаха [1]. Данные события имели далеко идущие негативные последствия для организаций ПЛСР в провинции и в конечном итоге привели к ликвидации большевиками партии левых эсеров. В течение полугода после московских событий некогда пользовавшаяся поддержкой населения партия стремительно превращалась в аморфный

© Тихомиров Н. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

конгломерат малочисленных, идейно и политически растерянных групп, лишенных руководящего ядра.

После подавления выступления в Москве большевистским руководством на места была отправлена телеграмма, предписывавшая левым эсерам в течение суток определиться с их отношением к произошедшим событиям и ЦК их партии [2]. Выражение несогласия левоэсеровскими организациями на местах с действиями своего ЦК фактически означало разрушение партии. Проявление солидарности с ним расценивалось большевиками как контрреволюционный шаг против Советской власти. Исключение из состава Советов левых эсеров, отказавшихся осудить свой ЦК, стало приобретать массовый характер. Большевики нередко применяли репрессивные меры по отношению к левым эсерам.

Оказавшись, по сути, в тупиковой ситуации, верхневолжские левые эсеры, как и организации ПЛСР в других регионах страны, находились в состоянии растерянности [3, с. 47]. Так, владимирские левые эсеры смогли дать оценку действиям своего ЦК лишь к 14 июля. Они заявляли, что убийство Мирбаха стало следствием категорического отказа левоэсеровского руководства признавать Брестский договор и расценивалось ими как вредящий делу революции недопустимый акт. Вместе с тем они выразили сомнение по поводу того, что подобные события в Москве вообще могли произойти [4]. Фракция большевиков Владимирского уездного исполкома использовала это обстоятельство для немедленного отстранения левых эсеров от работы в Совете и заявила о «глубоком порицании» ПЛСР [4. ФП-1. Оп. 1. Д. 47. Л. 33].

Вскоре во Владимире разоружили боевую дружину левых эсеров и арестовали нескольких членов ПЛСР. Советские историки оправдывали действия большевиков необходимостью предотвратить левоэсеровский мятеж в городе [5, с. 294]. Со стороны местной организации ПЛСР последовало резкое осуждение действий большевиков. Левые эсеры акцентировали внимание на том, что их партия является реальной силой, способной защитить Советскую власть, и разоружение боевой дружины является оскорбительным и вредным для советской работы. Они также выступили против начавшейся в их адрес травли, указав на то, что она подрывает не столько авторитет партии левых эсеров и ее членов, сколько саму Советскую власть. Левые эсеры потребовали ввести своего представителя в состав чрезвычайной следственной комиссии, созданной большевиками для расследования «контрреволюционности» местной левоэсеровской организации [4].

Первое время после июльских событий в Москве большевики демонстрировали определенную лояльность к левым эсерам, не поддержавшим политику своего ЦК, и последние продолжали работать в Советах. Тем не менее во Владимире большевики открыто заявили им об их временном пребывании в Советах и советских учреждениях [6]. Позднее, на IV съезде ПЛСР, проходившем со 2 по 7 октября 1918 г., представлявший Владимирскую губернию Локтев констатировал, что июльские события крайне негативно и в широких масштабах отразились на положении левых эсеров в губернии [6].

В Костроме, после того как стало известно о событиях в Москве, большевиками в одностороннем порядке был создан чрезвычайный военно-революционный штаб. Левые эсеры не были в него приглашены и выдвинули требование включить в его состав трех представителей от своей партии. В ответ на это большевики обвинили левых эсеров в попытке «восстания», указав на то, что цель деятельности штаба – борьба с выступлениями против Советской власти. Видимо, пытаясь ввести своих оппонентов в замешательство, большевики потребовали от них конкретного ответа на вопрос, готовы ли они присоединиться к этой борьбе, даже если бы она была направлена против левоэсеровского ЦК, или нет.

Губком и горком левых эсеров выработали резолюцию, направленную затем в горком РКП(б), в которой подчеркивалось, что для левых эсеров, как и раньше, первостепенной задачей и обязанностью является защита Советской власти и единственная власть для них – Совет рабочих и крестьянских депутатов. Особый акцент в резолюции был сделан на том, что единственным приемлемым видом борьбы между партиями, входящими в советский блок, может быть идейная борьба [7].

Неоднозначное отношение костромских эсеров к июльским событиям в Москве отчетливо проявилось на губернской конференции ПЛСР, проходившей в Костроме с 28 по 30 июля. На ней были представлены делегаты от 11 организаций партии в губернии. В ходе работы конференции обозначились разногласия в местной эсеровской среде по вопросу о поддержке или неприятии действий ЦК партии 6–7 июля 1918 г. в Москве. Заметным было отсутствие многих членов партии, включая сотрудников губисполкома. Один из докладчиков объяснил это очевидной растерянностью, вызванной июльскими событиями. Многие выступавшие выражали абсолютную солидарность от имени выдвинувших их на конференцию организаций с ЦК партии [7, 2 авг.]. Большинством голосов на конференции была принята резолюция о его поддержке. Из партии были исключены те, кто голосовал против. Среди исключенных оказались также 5 членов губисполкома [8].

В итоге большевики приняли решение об отстранении от работы в Советах левых эсеров, заявивших о солидарности с ЦК ПЛСР. В начале августа 1918 г. исключенные левые эсеры стали настаивать на созыве чрезвычайного губернского съезда Советов для обсуждения данного вопроса, на что большевики ответили категорическим отказом.

На IV съезде ПЛСР делегат от Костромской губернии подчеркивал, что резолюция, принятая на губернской конференции ПЛСР в июле, стала для большевиков полной неожиданностью и они не сразу приняли соответствующие меры. Из 44 членов Костромского губисполкома левые эсеры насчитывали 20. По словам данного делегата, исключение левых эсеров из него большевики проводили в течение трех заседаний, используя при этом в свою пользу настроение большей части его состава. По его мнению, левоэсеровская фракция губисполкома изначально была сформирована крайне неудачно, в нее входили «примазавшиеся элементы даже прямо хулиганско-

го типа». Однако не только действиями большевиков и «неудачным» составом левоэсеровской фракции губисполкома характеризовалась сложность ситуации, но и признанием серьезных недостатков в организационной работе в губернии [6, л. 31].

О слабости и «расхлябанности» эсеров в организационном отношении говорил другой костромской делегат. Он отмечал, что в местной левоэсеровской среде было немало проблем еще до июля 1918 г. и причины их были связаны со «скоропалительностью» создания партийной организации. В частности, не проводилось никакого отбора желающих вступить в нее, что в будущем обернулось негативными последствиями. Им указывалось также на то, что губернский комитет ПЛСР своевременно не был создан и вся работа проводилась городским комитетом. Далеко не сразу появились партячейки в уездах и волостях, а также фракции партии в Советах [6, л. 25–26, 31]. Позднее ситуация претерпела некоторые изменения. Так, на Московской областной партийной конференции (декабрь 1918 г.) костромские левые эсеры констатировали, что в губернии стало наблюдаться увеличение числа членов партии среди крестьян [6, д. 6, л. 31]. Однако в тех сложившихся политических условиях какие-либо позитивные перемены уже не могли сколько-нибудь повлиять на положение левых эсеров с точки зрения возможностей полноценного осуществления своей деятельности.

Некоторое время понадобилось для определения своего отношения к июльским событиям в Москве эсерам Тверской губернии. В итоге они заявили, что отказываются от осуждения ЦК своей партии и «ничего отрицательного» в убийстве Мирбаха не усматривают. Руководитель тверских левых эсеров Никифоров во время своего выступления на митинге железнодорожных рабочих назвал события 6–7 июля в Москве «славным шагом ЦК партии», после чего был арестован местной ЧК [9].

На заседании тверского губисполкома 12 июля левые эсеры, занимавшие в нем какие-либо должности и выражавшие солидарность с ЦК ПЛСР, были исключены из его состава. Те сотрудники из числа левых эсеров, которые осуждающе отнеслись к действиям своего центрального партийного органа, пока сохраняли свои посты. На том же заседании было принято решение о проведении работы в коллегиях губисполкома на предмет выявления политических взглядов их сотрудников. В начале августа губисполком выпустил циркуляр для уездных Советов, в котором говорилось о необходимости смещения левых эсеров со всех руководящих должностей и назначения вместо них большевиков [10, с. 358–360].

В ряде исполкомов уездных Советов Тверской губернии (Калязин, Вышний Волочек, Старица, Красный Холм, Весьегонск) левые эсеры имели численный перевес над большевиками и занимали ключевые посты, оказывали влияние на красноармейцев и местные газеты, но в итоге всё же утратили свои позиции. Несмотря на давление со стороны большевиков, левые эсеры, как, например, в Калязине, подчеркивали, что отказываться от сотрудничества с ними было бы совершенно нецелесообразно, но такое сотрудничество

должно основываться на принципах паритета обеих партий в решении всех насущных вопросов [10, с. 361–363].

В Ярославской губернии в целом ряде исполкомов уездных Советов фракции левых эсеров не поддержали действия ЦК своей партии 6–7 июля 1918 г. Например, в Ростовском исполкоме левые эсеры совершенно чётко заявили о несолидарности с ЦК своей партии и, кроме этого, выразили готовность вместе с большевиками бороться с буржуазией до победного конца и вместе с ними же приближать международную революцию [11]. Подобная ситуация наблюдалась в Даниловском, Мышкинском и Угличском уездах [2. Ф. Р-1431. Оп. 1. Д. 9. Л. 45].

Трудности возникли у левозэсеровских фракций Ярославского и Рыбинского исполкомов Советов. Ими было заявлено о нецелесообразности июльской акции в Москве, но никаких резолюций с осуждением или выражением несолидарности со своим ЦК ими не было принято, и в итоге они были исключены из состава Советов [12].

О сокращении численности левых эсеров в Советах свидетельствуют данные об их представительстве на съездах Советов различных уровней. Так, если на III Ярославском губернском съезде Советов, проходившем в июле 1918 г. левых эсеров и им сочувствовавших насчитывался 21 делегат (большевиков вместе с сочувствовавшими – 101), то на V губернском съезде Советов в декабре 1918 г. не было представлено ни одного левого эсера. До июля 1918 г. в Ярославской губернии насчитывалось примерно 700 левых эсеров, а осенью 1918 г. их было всего около двухсот [13, с. 203–204].

О набиравших силу центробежных тенденциях в ПЛСР свидетельствует тот факт, что часть левых эсеров приняла решение вступить в РКП(б), а также в новые партии «народников-коммунистов» и «революционных коммунистов», не имевших никакого политического веса и вскоре прекративших свое существование. Так, например, в октябре 1918 г. в организацию большевиков бывшей Ярославской Большой мануфактуры в Ярославле вступили сразу 90 бывших членов ПЛСР [11. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 21]. Представители левозэсеровской фракции V Любимского уездного съезда Советов также решили пополнить ряды РКП(б) [2. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 1041. Л. 43]. Бывшие члены ПЛСР объясняли свой переход к большевикам крайне неконструктивной политикой левозэсеровского ЦК и отрывом этой партии от масс [14].

2–7 октября 1918 г. проходил IV съезд ПЛСР. Он не был столь многочисленным – прибыло всего 90 делегатов с решающим и 13 – с совещательным голосом. В президиум съезда, состоявший из 3 человек, был избран лидер ярославских левых эсеров Я. Т. Богачев. Первостепенными вопросами, обсуждавшимися на съезде, были положение партийных организаций на местах после июльских событий, отношения с большевиками, настроения населения и его отношение к советским организациям, вопрос о формах партийной работы.

Делегаты от верхневолжских губерний выразили надежду на успешное решение всех вопросов, вынесенных для обсуждения на съезде. В выступ-

плении представителя Ярославской губернии Трофимова в самом начале работы съезда говорилось, что в партии по целому ряду вопросов очень много неопределенности и неясности. По его словам, не было определенности в том, как действовать в сложившихся политических условиях даже в самом ЦК партии. Делегат от Тверской губернии Ключев подчеркивал, что в партийных организациях на местах от работы съезда ожидают улучшения ситуации и даже надеются на возвращение к работе в Советах [6, л. 2, 19, 24–25].

Доклады делегатов свидетельствовали о крайне тяжелом положении левоэсеровских организаций на местах. Речь шла и о давлении со стороны большевиков, выразившемся в арестах членов партии и пресечении распространения левыми эсерами партийной литературы, и об оттоке из ПЛСР в РКП(б) и т. д. Упомянувшийся нами делегат Трофимов поднял одну из первостепенных для левых эсеров тем – о работе в крестьянской среде. Весьма любопытной, но абсолютно нереалистичной была его позиция по отношению к созданным большевиками комитетам бедноты. Несмотря на неприятие политики большевиков, проводившейся в деревне, левые эсеры, по мысли Трофимова, должны принять в работе комбедов самое деятельное участие. В противном случае, полагал делегат, произойдет серьезный отрыв партии от крестьянства [6, л. 20].

Наиболее актуальным вопросом, обсуждавшимся на съезде, стал вопрос о формах работы, поскольку возможностей полноценно работать в различных сферах после июльского кризиса 1918 г. у левых эсеров просто не осталось. Перманентный прессинг со стороны большевиков был направлен, по сути, на ликвидацию ПЛСР как таковой. У делегатов съезда не было единого мнения по этой проблеме. Так, например, представитель Костромской губернии Кондорский говорил об абсолютной психологической неподготовленности для легальной работы, невозможности определить ее задачи и масштабы. Но, собственно, для этого у левых эсеров уже не было никаких условий. Он указывал на необходимость вести нелегальную работу, поскольку большевистская партия имеет иное понимание социальной революции, стремится применять силу. Прежде всего, как указывал делегат, нужно заботиться о сохранении партийных сил на местах и использовать все легальные возможности для работы в Советах, советских учреждениях и т. д. Докладчик произнес интересную фразу: «Нужно иметь в виду, что мы можем прийти на смену большевикам» [6, л. 371–373]. В целом работа этого съезда свидетельствовала о непонимании либо недооценке левыми эсерами сложившихся совершенно новых политических реалий, в которых большевики не допускали никакой альтернативы и оппозиции своей власти в лице Совета народных комиссаров.

На Московской областной партийной конференции и на 2-м Совете ПЛСР, которые состоялись в декабре 1918 г., верхневолжские левые эсеры констатировали усиление нажима со стороны большевиков. Доклады выступавших содержали сведения о некотором росте численности левоэсеровских организаций в регионе, что отнюдь не свидетельствовало об улучшении их

положения. На данных партийных мероприятиях шла речь о необходимости проведения культурно-просветительской работы с целью продвижения своих идей среди населения, предпринимались попытки обсуждать вопросы стратегии и тактики по политическим и экономическим вопросам. Левые эсеры Верхневолжья стали активно призывать к вооруженной борьбе с большевиками и захвату власти. Например, тверской левый эсер Ключев заявлял, что массы требуют от ПЛСР взять управление страной в свои руки. Представитель Костромской губернии подчеркивал, что ПЛСР должна дать крестьянам «истинную Советскую власть», которую они так и не увидели от большевиков [6, д. 16, л. 74; д. 7, л. 37]. Однако такие теоретические построения не могли быть реализованы. ПЛСР, оказавшись фактически ликвидированной, была не способна влиять на политическую жизнь страны.

Ссылки

1. Хавкин Б. Л. Убийство графа Мирбаха: по следам преступления // Клио. 2007. № 4 (39). С. 37–47.
2. ГАЯО. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
3. Стариков С. В. Козьмодемьянские левые эсеры накануне и в период июльского политического кризиса 1918 года // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». Т. 6, № 1. 2020. С. 46–51.
4. ГАВО. Ф. Р-24. Оп. 6. Д. 1. Л. 46.
5. Гусев К. В., Ерицян Х. А. От соглашательства к контрреволюции. М.: Мысль, 1968. 447 с.
6. РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.
7. Пламя борьбы. Кострома. 1918. 16 июля.
8. ГАКО. Ф. Р-6. Оп. 3. Д. 8. Л. 108.
9. Известия рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Тверь. 1918. 14 июля.
10. Юрьев А. И. Социалисты-революционеры Центрального промышленного района России (февраль 1917 – июль 1918 г.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994. 463 с.
11. Известия Ярославского губернского Военно-революционного комитета. 1918. 9 авг.
12. ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 35. Л. 135.
13. Тихомиров Н. В. Партия социалистов-революционеров в 1917–1918 гг. (на материалах губерний Верхней Волги): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2001. 231 с.
14. Известия Ярославского губисполкома. 1918. 2 ноября.

“Two sides of Russian life and progress”: the image of Moscow and St. Petersburg at the turn of the 19–20th centuries in the English-language travelogues

A. A. Seniukhin¹

¹Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-178-183

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the problem of images of the Russian Empire's capitals at the turn of the 19–20th centuries in the European and American travelogues. The paper analyzes the main elements of foreigners' ideas about Moscow and St. Petersburg and their influence on the image of Russia and Russians in general. Foreign tourists explained the cultural contrast between Russian capitals through the East-West dichotomy and concluded that the «barbaric» character of Russians was hidden behind the screen of European «civilization» created by the rulers.

Keywords: Image of Russia; travelogues; East-West dichotomy; Moscow; St. Petersburg

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Seniukhin, Aleksei A. | E-mail: asenyukhin@yandex.ru
Postgraduate

«Две стороны российской жизни и прогресса»: образ Москвы и Санкт-Петербурга рубежа XIX–XX в. в англоязычных травелогах

А. А. Сеньухин¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-178-183
УДК 94(47)+338.48

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена проблеме образов столиц Российской империи рубежа XIX–XX веков в сочинениях европейских и американских путешественников (травелогах). В работе анализируются основные элементы представлений иностранцев о Москве и Санкт-Петербурге и их влиянии на образ России и русских в целом. Иностранные туристы объясняли культурный контраст между российскими столицами через дихотомию «Восток—Запад» и пришли к выводу, что истинный «варварский» характер русских скрывался за ширмой европейской «цивилизации», создаваемой правителями.

Ключевые слова: Образ России; травелоги; Восток—Запад; Москва; Санкт-Петербург

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сеньухин. Алексей Андреевич | E-mail: asenyukhin@yandex.ru
Аспирант

Тема образа России за рубежом является актуальной не только в современных общественно-политических дискуссиях, но и в гуманитарных дисциплинах (истории, филологии, культурологии), где учёные прослеживают развитие диалога культур во времени, привлекая разнообразные источники: от мемуаров и периодической печати до литературных произведений и почтовых открыток. Особый интерес среди специалистов вызывает взгляд европейцев и американцев на Российскую империю, что выражается наличием работ А. В. Павловской [1], А. Р. Ощепкова [2], Е. Л. Корниловой [3], А. А. Турлыгина [4], А. С. Медякова [5] и др.

В качестве источников этих представлений чаще всего используются труды путешественников, дипломатов или эссеистов, поскольку в них транслировались и вместе с тем формировались в публичном пространстве образы Другого. На рубеже XIX–XX в. если иностранцы в ходе

путешествия по Восточной Европе и добирались до России, то чаще всего посещали столицы — Москву и Санкт-Петербург, поэтому на основе впечатлений об этих местах они формировали мнение о стране в целом. Кроме того, в конце XIX в. Москва стала начальным пунктом нового железнодорожного пути — Транссибирской магистрали, что увеличило частоту упоминаний города в литературе путешествий по Азии. Следовательно, в трудах иностранцев о своих туристических поездках — травелогах — наиболее ярко прослеживаются образы двух российских столиц. Эта работа посвящена анализу представлений Москвы и Санкт-Петербурга в англоязычных сочинениях и их влиянию на общее видение Российской империи рубежа XIX–XX в.

Характер описания столиц в травелогах этого времени предельно схож: иностранцы уделяли большое внимание внешнему облику городов, их истории и условиям пребывания для туриста. С одной стороны, это объясняется жанровыми особенностями сочинений, в которых авторы пытались передать атмосферу места [6, с. 80]. С другой — маршруты и справочная информация о городах черпались из одних и тех же источников — путеводителей, публичных лекций, рассказов экскурсоводов, художественной литературы. Таким образом, репрезентация образов Москвы и Санкт-Петербурга у разных авторов имела много общего, что позволяет провести их сравнительный анализ.

Европейцы и американцы для объяснения контраста между Москвой и Петербургом часто использовали дихотомию «Восток—Запад», где во главу угла ставились политические, социокультурные, религиозные и ментальные различия. Как правило, оценка столиц империи иностранными туристами происходила по внешнему облику и исторической роли городов в прошлом и настоящем России.

Санкт-Петербург, естественно, ассоциировался у иностранных туристов с «Западом» и представлялся как типичный современный *европейский* город. Это неудивительно, поскольку архитекторы, возводившие столицу на Неве, вдохновлялись другими европейскими городами. Западный образ столицы империи подчёркивался и связью с истоками европейской традиции — античностью, и наибольшую связь с ней, по мнению иностранцев, имел Исаакиевский собор, чей вид сравнивали с греческим или римским пантеоном [7, р. 8; 8, р. 248]. Многие отмечали величественность города, что являлось частой характеристикой европейских столиц.

В свою очередь, Москва связывалась с «Востоком», и её описанию в травелогах уделялось много места. В облике города «восточность» подчёркивалась обилием церквей, которых иногда называли мечетями (*mosques*), а их купола — минаретами (*minarets*). Американец Чарльз Джиллис отмечал: «Несколько раз, глядя на минареты и причудливые здания, я думал, что нахожусь в Индии или Турции» [10, р. 48]. С восточной культурой связывали и Кремль, который напоминал английскому эссеисту Артуру Саймонсу «воспоминания восточного колдуна» [11, р. 165]. Другой путешественник ви-

дел в характере кремлёвских стен «что-то монгольское; возможно, это было потому, что я помнил общий след и идею Мандалайской стены» [12, р. 34].

Различия между Санкт-Петербургом и Москвой в рамках дихотомии «Запад—Восток» также проявлялись в их сравнениях со столицами других стран. Стоит отметить, что это типичный приём авторов травелогов, создающий у читателя ассоциативную связь описываемого места со знакомыми ему образами родины или иных стран. Если Петербург сравнивался с Парижем, Нью-Йорком, Лондоном, Берлином [7, р. 8; 18, р. 228], то Москва преимущественно с азиатскими и восточноевропейскими городами [13, р. 24]. Отстранённость Москвы от европейской традиции иностранные туристы подчёркивали описаниями популярных достопримечательностей: Кремля, Царь-Пушки, Собора Василия Блаженного, Храма Христа Спасителя, — в то время как другая столица была представлена Эрмитажем, Исаакиевским и Казанским соборами, Петергофом. Таким образом, Москва даже в архитектурном плане предстаёт в травелогах как старомодный, застрявший в прошлом город.

Пристальное внимание к столицам у иностранцев можно объяснить не только развитостью там туристической инфраструктуры и обилием достопримечательностей, но и убеждённостью самих туристов, что столицы репрезентируют государство и нацию. Поэтому сравнения Москвы и Санкт-Петербурга в травелогах предполагали последующее выявление характера русского народа. В этом отношении становится понятна критика Петербурга путешественниками, которые отмечали искусственность города и отсутствие у него индивидуальности [11, р. 173–174]. Подобно Шанхаю и Тяньцзиню, столица империи открыла народу «окно в Европу» для восприятия западной цивилизации [8, р. 246], но являлась репрезентацией не России или русских, а своего создателя — Петра Первого [14, р. 248]. Чтобы убедить читателей в этой идее, Маркус Тафт привёл якобы цитату российского императора: «Санкт-Петербург — русский, но это не Россия» [8, р. 246–247].

Москва, напротив, представлялась путешественникам сосредоточением национального духа, «настоящей столицей империи, пропитанной местным колоритом страны» [15, р. 242]. В отличие от Петербурга, являвшегося политическим центром империи, в старой столице была «сосредоточена вся промышленная, торговая, финансовая и религиозная жизнь России» [16, р. 177]. Такой статус подтверждался и исторически, «ибо Россия возникла из Москвы, и московские князья заложили её фундамент» [13, р. 24].

Вместе с тем через внешний облик и описания исторического пути Москвы прослеживаются характерные черты «Востока» для иностранных туристов. Лейтмотивом в травелогах этого времени были категории «богатства» и «роскоши», которые путешественники непосредственно наблюдали в Оружейной палате Кремля и православных храмах. «Богатства золота и драгоценных камней, украшающие эти священные здания», для европейца походило на роскошь арабских мечетей [9, р. 325; 14, р. 251]. Такое восприятие могло вытекать из различий в верах и мировоззрениях: «В других стра-

нах католики великолепно благодаря вере и щедрости людей старого времени; здесь наши современники установили свою веру в золоте и драгоценных камнях» [13, р. 9]. Арно Рид считал, что богатое убранство русских церквей «свидетельствует о ревностном благочестии верующих» [14, р. 246]. Похожим образом туристы оценивали и петербургские соборы: «Купола Исаакиевского собора, Казанской иконы Божией матери, Александра Невского, шпили собора Святых Петра и Павла — все это говорило нам о том, что [...] люди не считают цену великолепного жилища своей веры» [16, р. 155–156]. Таким образом, несмотря на принадлежность православия к христианству, в плане веры и мировоззрения иностранцы отделяли Россию от западного мира.

Представления о богатстве зданий, соседствующих с «варварством» местного населения, также соотносилось у западных путешественников с «Востоком». Майкл Шумейкер, который побывал на богослужении в Москве, отмечал нецивилизованный вид русских крестьян («эти тупоглазые крестьяне с тяжёлыми чертами лица»), которые не могут сравниться с «ясными интеллектуальными лицами, встречающимися в Индии» [7, р. 20]. При этом «варварство» авторы травелогов иногда связывали с прошлым и временем зависимости Руси от Золотой Орды. «Татарский след» находили как в характере русского («поскребите русского, и вы найдёте татарина» [11, р. 174]), так и в архитектуре: в монастырских стенах, башнях с куполами, величественных дворцах [7, р. 17]. Даже в Кремле, который почти всеми считался «сердцем России», Эдвард Ингхэм увидел татарские корни, потому что «слово “Кремль” — татарское и означает “крепость на холме”» [17, р. 7].

Конечно, под «варварством» авторами травелогов понималось оторванность от «цивилизации» — символа «Запада». Хотя Российская империя была вовлечена в мировую политику, а её столицы считались одними из промышленных центров Европы [13, р. 28; 15, р. 242–243], характер Москвы, а вместе с тем и всей империи говорил об обратном: «Чувствуется, что Россия [...] является средневековой, что она умственно и нравственно отстранена от всего прогресса нынешнего столетия, от всей мысли современных народов и совершенно далека от всякого соприкосновения с прогрессивными народами сегодняшнего дня» [16, р. 184].

В результате образы Москвы и Санкт-Петербурга в сочинениях европейских и американских путешественников рубежа XIX–XX в. укладывались в дихотомию «Восток—Запад». Хотя сами иностранцы зачастую признавали наличие «западных» черт в Москве и «восточных» — в Петербурге, прикрепление ярлыков стало популярной объяснительной моделью истинного характера столиц, а вместе с тем России и русских. За кажущимся дуализмом туристы видели настоящую «восточную» сущность народа и «западную» ширму, конструируемую правителями. Эту идею наиболее ярко обрисовал Арно Рид: «Москва и Санкт-Петербург произвели на меня впечатление, что эти два великих города символизируют две стороны российской жизни и прогресса. В Москве у вас есть старый город, который разделял некогда колеблющиеся состояния России, который рос по мере роста России;

любимый людьми город, к которому обращаются их религия и их верность. В Санкт-Петербурге у вас есть большой современный механический город, спроектированный человеком, который видел необходимость модернизировать Россию, как парадный вход России, ворота, в которые может войти европейская цивилизация» [14, p. 255].

Ссылки

1. Павловская А. В. Россия и Америка: проблемы общения культур: Россия глазами американцев, 1850–1880-е гг. М.: Изд-во МГУ, 1998. 302 с.
2. Ощепков А. Р. Образ России во французских путевых записках XIX века. М.: Изд-во Государственного ин-та русского языка им. А. С. Пушкина, 2010. 238 с.
3. Корнилова Е. Л. Образ России как мировой державы на страницах английского журнала *The Nineteenth Century* (конец XIX — начало XX в.) // *Историография и источниковедение отечественной истории: сборник научных статей и сообщений*. Вып. 5. / ред. С. Г. Каценко, Э. В. Летенков. СПб.: Скифия-принт, 2009. С. 351–369.
4. Турлыгин А. А. Образы прошлого и настоящего России в британской либеральной периодике 50-х гг. XIX в. // *Англоведение в современной России: кол. монография / отв. ред.: М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина*. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 207–222.
5. Медяков А. С. «Грязный злой русский»: Образ России на немецких открытках Первой мировой войны // *Российская история*. 2018. № 6. С. 65–83.
6. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
7. Shoemaker M. M. *The great Siberian railway from St. Petersburg to Peking*. New York and London: G.P. Putnam's Sons (The Knickerbocker Press), 1903. x+243 p.
8. Taft M. L. *Strange Siberia along the Trans-Siberian railway: a journey from the Great Wall of China to the skyscrapers of Manhattan*. New York: Eaton & Mains, 1911. 260 p.
9. Roberts J. H. *A flight for life and an inside view of Mongolia*. Boston: Pilgrim, 1903. 402 p.
10. Gillis C. *A summer vacation in Iceland, Norway, Sweden and Russia*. New York: Printed for private distribution, 1898. 55 p.
11. Symons A. W. *Cities*. London: J. M. Dent & Co., 1903. xii+261p.
12. Swayne H. *Through the highlands of Siberia*. London: Rowland Ward, 1904. xiv+259 p.
13. Norman H. *All the Russias: travels and studies in contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Caucasus, & central Asia*: London: William Heinemann, 1902. xvi+476 p.
14. Reid A. *From Peking to Petersburg*. London: Edward Arnold, 1899. viii+300 p.
15. Lynch G. *The path of empire*. London: Duckworth & Co. 1903. xx+257 p.
16. Edwards W. S. *Through Scandinavia to Moscow*. Cincinnati: Robert Clarke Co., 1906. xiv+237 p.
17. Ingham E.G. *From Japan to Jerusalem*. London: Church Missionary Society, 1911. xiv+335 p.
18. Scott A. *Through Finland to St. Petersburg*. London: Grant Richards, 1908. 291p.

The Content and Treatment of Prisoners of war During the First World War (on the example of the Kostroma and Yaroslavl provinces)

A. M. Chapaeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-184-193

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to the content of prisoners of war in the Kostroma and Yaroslavl provinces during the First World War. The international and Russian legal framework for the detention of prisoners of war is indicated, which prescribes the conditions for providing medical care, the use of labor and the treatment of officers and lower ranks. Examples of the content of prisoners of war and the attitude of the local population to military prisoners are given. The approximate expenses for the maintenance of prisoners of war in the specified provinces are shown. The general information concerning equipment with medical and disinfection equipment is given. The analysis of archival documents and publications concerning the maintenance of prisoners of war is carried out.

Keywords: World War I; prisoners of war; Kostroma province; Yaroslavl province; medical care; The Hague Convention

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Chapaeva, Anna M. | E-mail: anna.chapaeva.80@mail.ru
Postgraduate

Содержание и лечение военнопленных в период Первой мировой войны (на примере Костромской и Ярославской губерний)

А. М. Чапаева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-184-193
УДК 930+94 (47)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Данная статья посвящена содержанию военнопленных в Костромской и Ярославской губерниях в период Первой мировой войны. Главный акцент сделан на оценку международной и российской законодательной базы по содержанию военнопленных, где прописаны условия оказания медицинской помощи, использование труда и обращение с офицерами и нижними чинами. Приведены примеры содержания военнопленных и примерные расходы на них. В статье рассматриваются сюжеты, связанные с оказанием медицинской помощи пленным (на примере Костромской и Ярославской губерний), и отношение к ним со стороны местного населения. Приведены обобщённые сведения, касающиеся оснащения медицинским и дезинфекционным оборудованием, и анализ архивных документов и публикаций в отношении содержания военнопленных.

Ключевые слова: Первая мировая война; военнопленные; Костромская губерния; Ярославская губерния; медицинская помощь; Гагская конвенция

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чапаева, Анна Михайловна | E-mail: anna.chapaeva.80@mail.ru
Аспирант

Начало XX века ознаменовалось одним из крупнейших мировых конфликтов в истории человечества. Войну 1914–1918 гг. некоторое время называли Второй отечественной, а после войны 1939–1945 гг. – Первой мировой. Она привела к международному экономическому кризису, унесла много жизней. Миллионы людей стали военнопленными; их судь-

бы были сломаны унижениями, через которые им пришлось пройти. Военные действия характеризовались игнорированием установленных международных норм ведения войны и постоянными нарушениями всех ранее заключённых международных договоров воевавшими государствами. Н. М. Жданов в работе «Русские военнопленные в мировой войне» отмечал, что военный конфликт начался с нарушения гарантированного нейтралитета Бельгии и Люксембурга со стороны Германии. Он подробно разобрал положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны [1]. К сожалению, подобный анализ отсутствует по отношению к немецким военнопленным на территории России.

Постановления Брюссельской и Петербургской деклараций и Гаагских конференций по поводу военнопленных постоянно нарушались воюющими сторонами. Положения Женевской конференции не соблюдались, хотя именно они гарантировали права и прерогативы Красного Креста и военно-санитарных учреждений во время оказания помощи пленным. По итогам второй Гаагской конвенции в 1907 г. было принято Постановление о правовом и материальном положении военнопленных (статьи I – XX отдела I Положения о законах и обычаях сухопутной войны). Согласно статье 1 положения военные законы, права и обязанности применялись не только к армии, но и к ополчению и добровольческим отрядам, если они открыто носили оружие и соблюдали в своих действиях законы и обычаи войны. В соответствии со статьей 3 вооружённые силы воюющих сторон могли состоять из сражающихся и несражающихся. Те и другие в случае захвата неприятелем пользовались правами военнопленных.

Права военнопленных заключались в следующем: они находились во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С военнопленными надлежало обращаться более или менее гуманно. Всё, что принадлежало им лично, кроме оружия, лошадей и военных бумаг, оставалось их собственностью и не подлежало изъятию. Государство могло привлекать их к работам, которые не должны были быть слишком обременительны и не могли иметь никакого отношения к военным действиям. Военнопленным было разрешено работать по своей специальности на государство или на частных лиц. Заработок пленных предназначался для улучшения их положения, а остаток должен был им выдаваться при освобождении за вычетом расходов на содержание [1, с. 21].

Содержание в Российской империи пленных, взятых в период Первой мировой войны, являлось достаточно дорогостоящим делом для государства, что усугубило и без того тяжелое экономическое положение в стране. Кроме того, достаточно часто пленные являлись переносчиками различных эпидемических заболеваний в регионы России.

Исследователи, изучающие положение военнопленных в годы Первой мировой войны, отзываются о соблюдении Гаагской конвенции неоднозначно. В. В. Корнеев в своём труде «Концентрационные лагеря в России в годы Первой мировой войны» [2] говорит о любой посильной помощи военнопленным, в том числе и медицинской не только со стороны государства, но и от населения. Б. И. Ниманов в работе «Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны» обращает внимание на то, что конвенция не соблюдалась многими государствами, в том числе Россией [3].

Возможно, на территории Сибири, где находилось значительное количество лагерей для военнопленных, нарушения имелись, но в Костромской и Ярославской губерниях решения, принятые на 1-й и 2-й мирной конференции в Гааге, старались соблюдать, о чем свидетельствуют изученные нами документы Государственного архива Костромской области (ГАКО) и Государственного архива Ярославской области (ГАЯО).

Первые военнопленные поступили в Ярославскую губернию в сентябре – октябре 1914 г. 786 раненых немцев и австрийцев прибыли на железнодорожный вокзал г. Рыбинска. Оттуда на конных экипажах и на руках конвоиров (ввиду тяжелого физического состояния) они были направлены в госпиталь при Карякинском училище и во второе здание биржи, где и были размещены. Примерно в то же время первые военнопленные поступили на лечение в Чухломской уезд Костромской губернии.

16 сентября 1914 г. вводились в действие «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казённых и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств» [4, л. 7]. Большинство военнопленных, которые направлялись в Костромскую и Ярославскую губернии для работы на предприятиях, имели различные заболевания. Остро стоял вопрос об их содержании и способах лечения. Среди прочего в п. 13 Правил было прописано, что в обязанности начальника работ входила организация надлежащей медицинской помощи заболевшим военнопленным; а п. 14 гласил, что обо всех переменах в составе военнопленных: смерти, побеге, заболевании, а также наиболее важных происшествиях – начальник работ немедленно должен был информировать надлежащего воинского начальника, который безотлагательно должен был сообщать это военному министру [4, л. 7 об.]. Согласно правилам, заболевшие военнопленные, офицеры и нижние чины получали врачебную помощь на общих основаниях и принимались на излечение в ближайшие военные и гражданские заведения наравне с теми же чинами русских войск [4, л. 37].

Пленные содержались в условиях, не унижающих их человеческое достоинство. Газета «Рыбинские известия» сообщала о том, что в дни

празднования Рождества 1914 г. главный врач сводного 21-го госпиталя Шенгеладзе устроил для раненых немцев праздничные елки и передал подарки, принесенные местными купчихами [5].

Захваченный в плен медицинский персонал германской, австрийской и турецкой армий работал по своей специальности и получал за работу жалование, включающее в себя основной оклад и «добавочные деньги» (столовые, квартирные, деньги на найм прислуги). В госпиталях оплата для военнопленного персонала производилась по соответствующим ставкам:

1) студента с «зауряд-врачами» (категория военнослужащих Российской императорской армии, которая была задействована при недостатке медицинского персонала, для замещения соответствующих должностей в мобилизуемых частях войск и военно-врачебных заведениях военного времени) 11 разряда;

2) младшего врача в обер-офицерском чине с младшими врачами, состоящими на службе менее 4 лет;

3) служащих в офицерских чинах с состоящими на службе свыше 8 лет;

4) старшего врача и занимающих высшие должности в соответствии с медицинскими чинами русской армии.

Для определения служебного положения упомянутых выше военнопленных брали собственноручные расписки с точным указанием звания и должностей [6, л. 4]. Указанные сведения подтверждают гуманное обращение российских властей с военнопленными в Костромской и Ярославской губерниях и выплаты им достойного жалования.

2 июня 1916 г. начальником штаба Петроградского округа подписан циркуляр № 44221, который обязывал извещать штаб округа о каждой поступающей партии военнопленных в губернию [7, л. 1]. Текст доклада составлял полицмейстер того или иного города или уездный исправник, которые затем передавали информацию губернаторам, а те, в свою очередь, в штаб округа. Туда же необходимо было сообщать об обеспечении военнопленных санитарной помощью, охраной, довольствием и надзором. После оглашения требования губернаторам начали поступать сообщения о количестве военнопленных и о состоянии их здоровья. Так, например, 24 июля 1916 г. в Ярославское губернское правление поступила телеграмма от Любимского уездного исправника о том, что прибыло 146 подданных Турции, 388 пленных австрийцев и 814 пленных германцев. Все военнопленные, осмотренные железнодорожным врачом, по его мнению, оказались здоровы [7, л. 7]. Однако в ряде случаев железнодорожные врачи ставили неправильные диагнозы или не замечали имеющихся у военнопленных заболеваний. Так, например, в Романово-Борисоглебске же-

лезнодорожный врач не выявил у 220 военнопленных австрийцев цингу [7, л. 15].

Из-за тяжелой обстановки военного времени наблюдались случаи, когда военнопленные умирали во время транспортировки к месту заключения или прибывали больными и обмороженными. Так, 22 марта 1916 г. ярославскому губернатору поступило письмо из Костромско-Ярославского управления земледелия и государственных имуществ о том, что в январе Гостовскому и Шортюжинскому отделению Костромских лесотехнических заводов для работ по возведению заводов прислали партию военнопленных из Поволжья. Многие из них получили обморожения по дороге. Свыше 50 человек, непригодных для работы, было отправлено на лечение в крупный железнодорожный узел Котельнич (ныне город в Кировской области). Остальных приняли на строительные работы в указанные лесотехнические заводы в надежде на то, что они со временем поправятся и смогут принять участие в так называемом «нулевом цикле» и возведении необходимых промышленных сооружений. В итоге из большой партии пленных еще 90 человек обмороженных и больных военнопленных не смогли участвовать в строительстве заводов, так как им требовалась госпитализация.

В сложившейся ситуации сначала заводоуправление обратилось сначала за помощью к костромскому губернатору с просьбой о содействии в устройстве больных военнопленных. В ответ губернатор написал, что ситуация ему неясна, соответственно, и помочь он ничем не может. Вследствие вышеизложенного заводоуправление попросило устроить больных военнопленных в одном из госпиталей Ярославской губернии, куда людей можно было бы доставить по железной дороге [8, л. 11].

В отношении того, что военнопленные поступали больными на назначенные работы, костромской губернатор отвечал, что военным министром установлен специальный порядок приёма поступивших на работы и обратной сдачи их военному начальнику. В соответствии с ним ведомство, получавшее для работы военнопленных, должно было во время сдачи ему последних производить их осмотр. На тех, кто оказывался больными, следовало немедленно составлять акты. В них необходимо было указывать причины отказа для принятия пленных на работу, а именно их болезненное состояние. Тот же порядок соблюдался и при возврате военнопленных с работ. Нездоровые пленные должны были оставаться на излечении у того ведомства, у которого, находясь на работе, они заболели. Лишь в исключительных случаях, например при скоплении большого числа больных заразной болезнью и при угрозе эпидемии, могла появиться необходимость в сосредоточении пленных в особо изолированных пунктах [9, л. 120].

Питание военнопленных в губерниях рассчитывалось, исходя из экономического положения региона. Так, в Костромской и Ярославской губерниях нормы питания пленных были примерно одинаковы. Приведём пример, согласно средней норме питания военнопленных на человека в эвакуационном госпитале № 23 по Ярославской губернии. Мясо свежее 1/2 фунта (226 гр.); солонина 3/4 фунта (340 гр.) с расчётом варки 2-3 раза в неделю свежее и 4 раза солонина; для каши пшённой крупы 36 золотников (153 гр.); хлеба чёрного 2,5–3,0 фунта (1132–1359 гр.) или 1 фунт (453 гр.) белого; макарон, рису, перловки манки для засыпки супа 8 золотников (34 гр.); соли 2 золотника (8,5 гр.); зелени сушёной 1 золотник (4 гр.), если суп картофельный, то 1/2 фунта (226 гр.) картофеля на человека. Для ужина, как правило, варили снетки (небольшая рыбка длиной до 18 см (обычно не более 10 см), типичной массой 6–8 г.) [10] с картофелем, из расчёта снетков по 18 золотников (77 гр.) на человека. Плиточный чай 1/2 золотника (2 гр.) на человека, сахар 6,5 золотников (28 гр.) на человека. Стоимость питания одного военнопленного по настоящей норме довольствия выражалась в следующих цифрах: мясо – 11 руб. 25 коп., картофель – 0,75 коп., зелень – 0,30 коп., соль – 0,05 коп., пшено – 2 руб., хлеб – 10 руб. 5 коп., чай – 1 руб. 5 коп., сахар – 1 коп. Итого: 29 руб. 35 коп. [9, л. 2]. Аналогичная ситуация была в Костромской губернии [10, л. 19].

Вышеприведенные сведения свидетельствуют о достаточно сбалансированном питании пленных, вполне достаточном для поддержания их физического состояния на удовлетворительном уровне, которое соответствовало международным признанным медицинским нормам питания в изучаемый период времени.

В Ярославской губернии большое количество военнопленных было размещено недалеко от железнодорожной станции Семибратово, в селе Исады (ныне Ярославская область, Ростовский район). Именно там располагалась усадьба и пятиэтажная мельница одного из богатейших предпринимателей губернии, почётного потомственного купца первой гильдии Александра Ивановича Вахрамеева. Всего под опекой представителя известного ярославского купеческого рода находилось более 2000 раненых военнопленных. Для проведения санитарной обработки пленных А. И. Вахрамеев закупил на свои собственные средства значительное количество дезинфекционных камер «Гелиос» [8, л. 28]. Масштабы его закупок явились рекордными для Костромской и Ярославской губерний, что позволило обеспечить удовлетворительное соблюдение необходимых санитарных норм.

Лечебной частью на Исадской мельнице заведовал Д. В. Штерн. На заседании губернской земской управы 22 июля 1916 г. он сообщал, что в летний период времени в Исадах находились 2182 человека, кото-

рые прибыли четырьмя эшелонами в течение нескольких дней. Больные военнопленные были без промедления приняты и размещены на мельнице в пятиэтажном здании. Всех прибывших решено было помыть в бане, постричь и переодеть. Водными процедурами были обеспечены 500 человек в сутки. Указанных показателей удалось достичь за счет невероятного напряжения и круглосуточной работы вспомогательного персонала, т. к., согласно санитарным правилам, одновременно в бане могли находиться не более 12 человек. Прибывали военнопленные в ужасном состоянии; многие из них не посещали баню в течение 8 месяцев, одежда на них превратилась в лохмотья. Люди были чрезвычайно истощены.

Из общего числа военнопленных только 600 больных могли передвигаться самостоятельно. У 50 % военнопленных наблюдались цинга в запущенной форме, нефрит, тяжёлые желудочные заболевания. Среди военнопленных был один человек с подозрением на брюшной тиф и пять с подозрением на возвратный тиф.

Всех заразных пациентов во избежание эпидемии поместили отдельно, однако уже через 9 дней появились случаи новых заражений. Все военнопленные, находящиеся в Исадах, проживали в бараках близко друг к другу на общих нарах с соломенными матрацами, что способствовало распространению инфекционных заболеваний. Бельё больных дезинфицировалось путём вываривания в котлах, одежда окуривалась серой в земляных камерах. Медперсонал, обслуживающий военнопленных, состоял из двух врачей и трёх фельдшеров, которые работали «не за страх, а за совет», без всякого ассигнования со стороны властей. Из медицинского инвентаря имелись только два градусника и небольшие запасы медикаментов.

На содержание военнопленных выделялось 15 копеек в день на человека. Этой суммы в 1914–1916 гг. было достаточно для удовлетворительного питания. Для сравнения: средняя заработная плата костромских и ярославских рабочих составляла 15–20 руб. в месяц. В конце войны из-за инфляции она уже не обеспечивала необходимые нормы потребления, но пленные могли подрабатывать. Тяжелобольным даже выдавалось молоко [8, л. 33].

Содержание военнопленных в Исадах было признано чрезвычайно опасным из-за возможности распространения различных эпидемиологических заболеваний среди местного населения. Тем не менее бараки не закрывались, а пленным было невозможно переместить в другое место без риска серьезного ухудшения их физического состояния.

Анализируя состояние медицинской помощи военнопленным в Костромской и Ярославской губерниях за весь период Первой мировой войны, стоит отметить, что, несмотря на имеющиеся серьезные проблемы,

большинство пленных содержались в соответствии с Гаагской конвенцией и «Положением о военнопленных», которое Николай II утвердил в октябре 1914 г. На помощь врачам приходили сёстры милосердия по окончании специальных курсов.

Выздоровевших военнопленных содержать было весьма обременительно для бюджета страны. Как правило, среди излечившихся преобладали физически крепкие молодые люди. Согласно Гаагской конвенции, разрешалось принудительное использование их труда. Из Ярославской городской думы поступило предложение использовать труд военнопленных по благоустройству города на зимнее и осеннее время – от 200 до 300 человек по земляным работам и расчистке снега; в весеннее время их число могло быть увеличено. Руководителями работ и надсмотрщиками за работой военнопленных выступали городские десятники [11, л. 4].

В качестве профилактики различных заболеваний военнопленных в тёплое время года выводили купаться на пляж [12, с. 118]. Всем военнопленным в Ярославской и Костромской губерниях разрешалось вести переписку с родственниками. Приказом начальника Костромского окружного эвакуационного пункта 4 августа 1916 г. был разработан текст для открытых писем военнопленных венгров: «Сообщаю, что я попал в русский плен. Я здоров. Живётся хорошо. Мой адрес...». Данный текст проверял дежурный врач отдела эвакуации лекарь Масский [13, л. 29 об.]. Аналогичные письма писались в Ярославской губернии [6, л. 7].

Первая мировая война изменила статус военнопленных. Международные соглашения начала XX в. определили их права и обязанности. В Костромской и Ярославской губерниях международные нормативные акты в целом выполнялись. В изучаемом регионе военнопленные часто использовались в качестве рабочей силы на промышленных предприятиях в городах и сельской местности. В Ярославской и Костромской губерниях военнопленные были обеспечены горячим питанием, жили в отапливаемых бараках, что полностью соответствовало международным соглашениям. Всем оказывалась медицинская помощь, власти старались соблюдать в их отношении санитарные правила.

Население Ярославской и Костромской губерний проявило по отношению к пленным гуманное отношение и христианское сострадание. Некоторые после освобождения остались в России, вступив в брак с русскими женщинами.

Ссылки

1. Жданов Н. М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920. 376 с.

2. Корнеев В. В. Концентрационные лагеря в России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 9. С. 40–43.
3. Ниманов Б. И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник РУДН. Серия История России. 2009. № 2. С. 53–61.
4. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 223. Оп. 1. Д. 315.
5. Рыбинские известия. 2013. № 91.
6. Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РыбФ. ГАЯО). Ф. 104. Оп. 1. Д. 18.
7. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО) Ф. 1150. Оп. 2. Д. 1008.
8. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 2. Д. 1007.
9. ГАЯО. Ф. 934. Оп. 1. Д. 1249.
10. ГАКО. Ф.135. Оп. 1. Д. 2385.
11. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1651.
12. Познахирев В. В. Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг.: монография. СПб.: Нестор-История, 2014. 118 с.
13. ГАКО. Ф. 799. Оп. 1. Д. 15.

Legal and economic thought in retrospect: a new facet of intellectual history

A. M. Lushnikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-194-201

Research article
Full text in Russian

This article examines such a little-studied problem as the interaction of legal and economic thought in retrospect. New approaches to the study of this interaction are outlined. The research is based on historical, systemic and structural and comparative legal scientific methods. The author substantiatedly asserts about the chronological primacy of legal research, in connection with which the appeal to the study of economics was of a subordinate nature. It is noted that the research of that period was mainly of a normative nature, since their authors wanted to define a model of behavior in the field of economics, which would correspond to the ideals of natural law. Special attention is paid to the modern problems of interaction between legal and economic thought. In this regard, «economic imperialism» is subjected to well-reasoned criticism, according to which the laws of the economy apply to all spheres of social life. It is concluded that the study of the interaction of legal and economic thought in retrospect makes it possible not only to better understand the processes taking place in the past, but also to consider the directions of solutions to modern problems facing the legal and economic sciences.

Keywords: intellectual history; legal science; economic science; natural law

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikov, Andrey M. | E-mail: amlu0909@yandex.ru
Doc. Sc. (Jurisprudence), Doc. Sc. (History), Professor,
Head of the Chair

Funding: Yaroslavl State University, Project VIP–014.

Правовая и экономическая мысль в ретроспективе: новая грань интеллектуальной истории

А. М. Лушников¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-194-201
УДК 340

Научная статья
Полный текст на русском языке

В данной статье рассмотрена такая малоисследованная проблема, как взаимодействие правовой и экономической мысли в ретроспективе. Намечаются новые подходы к изучению этого взаимодействия. В основу исследования положены исторический, системно-структурный и сравнительно-правовой научные методы. Автор обоснованно утверждает о хронологическом первенстве правовых исследований, в связи с чем обращение к изучению экономики носило подчиненный характер. Отмечается, что исследования того периода имели специфику преимущественно нормативного характера, т. к. их авторы хотели определить модель поведения в сфере экономики, которая бы соответствовала идеалам естественного права. Особое внимание уделено современной проблематике взаимодействия правовой и экономической мысли. В этом плане аргументированной критике подвергнут «экономический империализм», в соответствии с которым закономерности экономики распространяются на все сферы общественной жизни. Сделан вывод, что исследование взаимодействия правовой и экономической мысли в ретроспективе позволяет не только лучше понять процессы, происходящие в прошлом, но и рассмотреть направления решений современных задач, стоящих перед правовой и экономической науками.

Ключевые слова: интеллектуальная история; юридическая наука; экономическая наука; естественное право

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович | E-mail: amlu0909@yandex.ru
Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP–014.

В интеллектуальной истории, как и в любом другом разделе исторической науки, особого внимания заслуживает рассмотрение «стыковых» проблем между науками. В этом сложном междисциплинарном переплете-

© Лушников А. М., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

нии важное место занимает взаимодействие правой и экономической мысли. Общие подходы к такому взаимодействию мы уже отчасти обозначили ранее [1]. При этом в любом случае юриспруденция как хронологически, так и проблемно в этом процессе предшествовала экономической науке, а потребности именно правового регулирования во многом стимулировали экономические исследования. Эта очевидная истина признается не только правоведами, но и специалистами в сфере экономики [2, с. 6–7; 3, с. 127–128]. Так, немецкий экономист Г. Шмоллер прямо утверждал, что политическая экономия была построена на началах естественного права [4, с. 153]. Впоследствии эта тенденция связывалась с влиянием естественно-правовой доктрины. Отсюда и ярко выраженный поиск исследователями экономических проблем, включая схоластов, меркантилистов и камералистов, а затем и экономистов-классиков, «естественных законов», управляющих экономикой, подобных «естественному праву», на которое должно ориентироваться человеческое поведение.

В российской экономической науке уже на рубеже XIX–XX вв. признание огромного влияния естественного права на экономику было аксиоматичным и никем не оспаривалось. Например, по утверждению российского финансиста М. В. Бернацкого, «в основе общественно-политических систем физиократов и А. Смита, создавших политическую экономию как науку, лежит идея “естественного порядка”, предуказанного природой и требующего, во имя благоденствия людей, своего осуществления в порядке положительном. Это является развитием в отношении экономики доктрины “естественного права”, сыгравшего такую громадную роль в эволюции дисциплины права» [5, с. 1]. Отечественный экономист М. И. Туган-Барановский соглашался с мнением о том, что «система теоретической экономической науки постепенно развивалась из составной части естественного права» [6, с. 23]. В соответствии с данным подходом исследователи экономики в рамках естественно-правовой традиции занимались не столько описанием и интерпретацией ее функционирования, сколько созданием морально приемлемых правил поведения и регулирования общественных отношений в области экономики. Это придавало их работам в значительной части нормативный характер, хотя и позитивная составляющая была ярко выражена.

Таким образом, первоначально экономика была ответвлением нравственной философии, связанной с юриспруденцией в широком смысле. Это была одновременно и моральная наука, и наука об обществе. Напомним, что первый в Европе Болонский университет был сформирован на базе школы права в конце XI в., а юридические факультеты с соответствующей профессурой присутствовали изначально в структуре практически всех университетов. Многие века основы экономических знаний в той или иной мере преподавались преимущественно именно на юридических факультетах. Первые профессора-экономисты появились в Герма-

нии только в первой половине XVIII в., а вне Германии – вообще в первой половине XIX в. Первым профессором экономики считается С. П. Гассер, получивший это звание в 1727 г. Создание первой университетской кафедры политической экономики датируется 1754 г. (Неаполь), возглавлял эту кафедру А. Дженовези. Первая кафедра политической экономики в Англии создается только в 1805 г. в колледже, открытом Ост-Индской компанией в Хейлибери. Специальные кафедры экономики в ведущих британских университетах появились на рубеже XIX–XX вв.

В целом экономика даже в странах Запада стала академическим предметом лишь в 1880-е гг. [7, с. 2–3], а в Италии, как и в некоторых других странах Запада, центр преподавания экономики покинул факультеты права вообще только после завершения Второй мировой войны. По мнению современного итальянского ученого А. Ронкалья, экономисты достаточно долго представляла собой скорее интеллектуалов, которые рассматривают экономические вопросы наряду с прочими проблемами [8, с.14–46, 137, 435]. В отношении Великобритании американский историк Д. А. Тейлор был еще более категоричен: «В начале XIX столетия, другими словами после Смита, классическая экономика в Британии была полупрофессиональной и полуакадемической дисциплиной, строившейся по немецкому образцу, и одновременно на половину оставалась любительством, бессистемным занятием джентльменов, обладавших сильным чувством общественного долга, но, в лучшем случае, имевшим весьма приблизительные представления о торговле» [9, с. 62]. Отметим, что среди этих интеллектуалов и джентльменов преобладали юристы, а также встречались врачи, государственные деятели, священники и др.

Подчеркнем, что это свидетельствует только о том, что проблематика экономической науки имеет до известной степени комплексный, многосторонний характер, а в некоторой части и изначально междисциплинарный аспект. Она связана, что называется, с «хлебом насущным», благосостоянием отдельных индивидов и всего общества. Это и делает ее открытой для интенсивного диалога представителей разных наук.

В этой связи стоит подходить к научному наследию экономистов прошлого с несколько иной меркой, чем это делают некоторые представители современной неоклассики, особенно из числа молодых исследователей. Постоянные сетования на то, что тот или иной ученый в свое время «не создал математической модели», «не дорос до теории предельной полезности», «не оценил тотального влияния экономики на все сферы общественной жизни», «не составил графиков», «не начертил кривые» и др. кажутся нам неуместными и даже нелепыми. Практически все выдающиеся экономисты до начала XX в. были высокими профессионалами, однако, как правило, в области права, философии, социологии и др. Именно этим определялось своеобразие их подхода к проблемам экономики.

Более того, даже само выделение самостоятельной экономической науки было следствием в том числе интенсивного развития других наук, особенно философии и права, формирования соответствующей интеллектуальной среды. Так, зарождение политической экономии именно в Великобритании во второй половине XVIII в. как раз и связано с тем, что там существовал относительно высокий уровень развития права и правовой культуры, соответствующая духовная атмосфера («Шотландское Просвещение», наличие системы высшего образования, относительная свобода мысли и др.), которые позволили проводить экономические исследования и осуществлять эффективную экономическую деятельность. Этому способствовали и такие правовые феномены, как патентная система и защита авторских прав, независимые суды и сильная адвокатура, закрепление и защита права собственности, стабильное финансовое право, зачатки трудового законодательства. Таким образом, цепь политических событий и правовых преобразований – от захвата Англии Вильгельмом Завоевателем в 1066 г. до Славной революции 1688 г. – привела к появлению экономической науки именно в этом регионе Европы.

Ситуация для взаимодействия правовой и экономической мысли в дальнейшем упрощалась еще и потому, что профессионально экономической по-прежнему занимались преимущественно юристы по образованию (начиная от А. Смита). В силу этого особой необходимости в изучении раздельно правовой и экономической мысли и не было. Разрыв между экономикой и правом начал расширяться в 20–40-е гг., усилился в 50-е гг. [10, с. 37–56], превратившись почти в пропасть к концу 70-х гг. XX в. Естественно, это движение началось уже после 1870 г. и связано с т. н. «маржиналистской революцией», когда предметом экономики стало «человеческое поведение как отношение между данными целями и ограниченными средствами, имеющими альтернативную возможность применения» [11, с. 146]. Экономическая наука стала концентрироваться на принципах, согласно которым осуществляется эффективное распределение ресурсов при условии, что и ресурсы, и потребности известны заранее. Впрочем, маржинализм был достаточно неоднородным, да и его ответвления в дальнейшем были крайне разнообразны. Однако в любом случае произошел переход от классической микро- и макроэкономики к неоклассической микроэкономике.

Более того, до недавнего времени среди мейстримовских экономистов-неоклассиков был популярным (а у некоторых остался и сейчас) «экономический империализм». За этим милым названием скрывается научное направление, основанное на том, что законам и аксиомам экономики подчиняется человеческое поведение не только в сфере экономики, но и во всех сферах общественной жизни и они должны быть положены в основу изучения предмета любой гуманитарной науки – от истории и философии до социальной психологии и антропологии. Дело дошло до того, что история экономической мысли, написанная экономистами, достаточ-

но сильно отличается от истории экономической мысли, подготовленной историками. Мы уже не говорим про многочисленные изыски экономистов в духе «экономики права», «экономики истории», а равно «экономики всего на свете» (скромники – экономисты ограничиваются «экономикой почти всего на свете»).

Это тем более странно, что экономисты, к сожалению, далеко не всегда могут разобраться со своей традиционной проблематикой, возможно излишне увлекаясь разъяснением другим жизненной важности экономического подхода. Свидетельство тому – разночтения в оценке как прошлого, так и относительно недавних событий, например экономический кризис 2008 г., который по одной версии окончился в 2012 г., а по другой – медленно перерастает в новый. В этой связи стоит согласиться с корейским экономистом и кембриджским профессором Х. Д. Чангом в том, что 95 % экономической теории – это всего лишь здравый смысл, которому придали сложный вид с помощью специальной терминологии и математики. От себя добавим, что степень этой сложности и математизация зачастую чрезвычайно излишни и скрывают либо эфемерное содержание, либо очередную банальность. Кроме того, «экономическая теория страдает манией величия – разве способна наука, которая не в состоянии разобраться даже в собственной сфере применения, заявлять, что она объясняет все или почти все?» [12, с. 8, 15]. В этой связи стоит вспомнить и слова французского антрополога и социолога Л. Дюмона: «Мы, по всей видимости, слишком долго рассматривали экономические вопросы в качестве вопросов цели и теперь настал момент вернуть экономике статус средства, служащего истинным человеческим целям, а именно целям социальным» [13, с. 121].

Опыт второй половины XX в. пестрит примерами неудачного взаимодействия в интеллектуальной сфере экономистов с другими гуманитариями, когда сторонники радикальной рыночной экономики не могли ужиться в рамках одной структуры вообще ни с кем, включая социально ориентированных экономистов. Так, Лондонская школа экономики и политических наук, созданная в 1895 г., задумывалась своими основателями как центр социальных исследований с целью «улучшения общества». Примечательно, что среди этих основателей были Б. Вебб и С. Вебб, являвшиеся сторонниками британской версии социализма. Однако постепенно ведущее место в ней заняли радикальные экономисты-рыночники, как, например, Л. Роббинс и Ф. А. Хайек. В итоге в 30-х гг., а затем в 70–80-х гг. XX в. эта школа стала британским центром рыночных фундаменталистов, а затем и идейных вдохновителей тэтчеризма. Эти экономисты оказались самыми «громкими» в медийной сфере, затмив социологов, юристов и политологов, которые в значительной степени и составили высокую репутацию вуза, вошедшего в 1900-е г. в структуру Лондонского университета и много лет стабильно котирувавшегося в числе первых трех университетов Англии. Дело дошло до того, что и само название на обыденном уровне уполовинили до «Лондон-

ской школы экономики», превратив остальные «политические науки» в разновидность экономических.

Еще более показателен опыт общества «Мон Пелерин», созданного в 1947 г. в Швейцарии в качестве международной организации интеллектуалов – сторонников идей индивидуальной свободы, рыночной экономики и либеральной демократии. В числе учредителей общества и первых активных деятелей, помимо экономистов, было немало других известных гуманитариев, таких как философы и социологи Р. Арон, Б. де Жувенель, М. Полани, К. Поппер, историк В. Веджвуд (единственная женщина среди учредителей) и др. Да и инициатор создания этого общества Ф. А. Хайек был к тому времени уже скорее социологом, политологом и даже философом права, чем экономистом. Однако ко второй половине 60-х гг. XX в. «Мон Пелерин» превратилось почти что в секту радикальных экономистов, «новых консерваторов», постепенно вытеснивших из своих рядов сначала почти всех неэкономистов, а затем и социально ориентированных собратьев вроде немецкого экономиста А. Рюстова.

По мнению уже упомянутого француза Б. де Жувенеля, «Мон Пелерин» к середине 60-х гг. «все больше исповедует какое-то манихейство, согласно которому государство не способно сделать ничего хорошего, а частное предпринимательство – ничего плохого». Его члены отождествляли частное предпринимательство с индивидуальной свободой, благоговели перед абстрактной идеей корпораций, «у которых нет души, чтобы спасти, и нет тела, чтобы наказать». По мнению французского ученого, организация пала жертвой «идеологической страсти» и в результате «из свободного сообщества людей» превратилась в «сплоченную группу бойцов». По его утверждению, готовность «отважно сражаться достойна восхищения, но эти люди выковывают из интеллектуальной группы монолитную болванку» [14, с. 174, 175]. Совсем не случайно «Мон Пелерин» в дальнейшем ассоциировалось только с экономистами – сторонниками рыночного фундаментализма, прежде всего американцами М. Фридманом, Д. Стиглером, Г. Беккером.

Между тем правоведение нуждается в исследовании пограничных с экономикой предметных зон, в том числе в историческом аспекте. Актуальность таких исследований будет только возрастать, но при равноправных и взаимно обогащающих подходах. Рискнем предположить, что потребности историков экономической мысли в этой части ничуть не меньше. Современные же попытки некоторых экономистов захватить «чужие территории» выглядят, как минимум, странно, а их рекомендации, обращенные к другим гуманитариям, по преобладающему мнению, либо банальны, либо смешны. Кстати, на взгляд практически всех специалистов по гуманитарным дисциплинам, да и большинства экономистов, экономика никогда не была и не будет естественной или точной наукой в силу того, что имеет дело не с молекулами, атомами, цифрами или физическими телами. Имен-

но фигура человека во всех его проявлениях (а не убогая пародия в лице «человека экономического»), а равно феномен человеческого сотрудничества делают экономику гуманитарной наукой, наряду со всеми остальными. Отчасти и поэтому основанные на математических моделях предсказания экономических гуру редко по точности отличаются от гадания на кофейной гуще, а сами предсказатели тратят гораздо больше времени на объяснения, почему их предсказания не сбылись.

Все вышесказанное позволяет заключить, что изучение истории правовой и экономической мысли во взаимодействии позволит со временем обогатить как знания в области права, так и в области экономики.

Ссылки

1. Лушников А. М. Право и экономика. М.: Проспект, 2019. 192 с.
2. Зантум У. Невидимая рука: экономическая мысль вчера и сегодня. М.: Мысль, 2017. 448 с.
3. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-Стрит. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 544 с.
4. Шмоллер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. М.: Изд.-во К. Т. Солдатенкова, 1902. 368 с.
5. Бернацкий М. В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб.: Типо-литография Шредера, 1911. 489 с.
6. Туган-Барановский М. И. Очерки по новейшей истории политической экономики и социализма. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1907. 284 с.
7. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 687 с.
8. Ронкалья А. Богатство идей. История экономической мысли. М.: ИД ВШЭ, 2018. 656 с.
9. Тейлор Д. А. Адам Смит и неолиберальная экономика. СПб.: СПбГУ, 2016. 100 с.
10. Блауг М. Формалистическая революция 1950-х годов // Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. М.: ИД ВШЭ, 2015. С. 37–56.
11. Тироль Ж. Экономика для общего блага. М.: Изд.-во И-та Гайдара, 2020. 696 с.
12. Чанг Х. Д. Как устроена экономика. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2018. 320 с.
13. Дюмон Л. Homo Aequalis. I. Генезис и расцвет экономической идеологии. М.: NotaBene, 2000. 240 с.
14. Бёргин Э. Великая революция идей. М.: Мысль, 2017. 327 с.

J. S. Mill and the formation of the doctrine of the legal regulation of wages

A. M. Lushnikov¹, M. V. Lushnikova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-202-209

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to a whole range of topical problems associated with understanding the legal regulation of wages as one of the main institutions of labor law. In preparing this article, the authors relied on historical, comparative legal and systemic structural methods. The authors linked the genesis of the teaching on wages with the work of the British scientist J.S. Mill. It is reasonably argued that his broad approach, based on a sociological, philosophical, economic and legal analysis of this phenomenon, allowed him to come to very significant conclusions regarding the economic incentives for labor. In the opinion of the authors, the decisive contribution of the British scientist lies in the fact that he separated the «laws» of production from the «laws» of distribution. This opened the way to the possibility of establishing state standards for wages, as well as its legal regulation at three levels: state, social partnership and individual contractual. For the British scientist, the mechanism for fixing wages was a compromise between the interests of workers and employers, taking into account the interests of the state and society. The authors concluded that this approach meets modern realities and is consistent with the important role of collective agreements and local acts in establishing the remuneration system.

Keywords: wages; J. S. Mill; utilitarianism; political economy

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikov, Andrey M. | E-mail: amlu0909@yandex.ru
Doc. Sc. (Jurisprudence), Doc. Sc. (History), Professor,
Head of the Chair

Lushnikova, Marina V. | E-mail: mvlushnikova@mail.ru
Doc. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

Funding: Yaroslavl State University, Project VIP–014.

Дж. С. Милль и формирование учения о правовом регулировании заработной платы

А. М. Лушников¹, М. В. Лушникова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-202-209
УДК 330.8; 349.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена целому комплексу актуальных проблем, связанных с осмыслением правового регулирования заработной платы как одного из основных институтов трудового права. При подготовке этой статьи авторы опирались на исторический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. Авторы связали генезис учения об оплате труда с творчеством британского ученого Дж. С. Милля. Обоснованно утверждается, что его широкий подход, основанный на социологическом, философском, экономическом и правовом анализе данного феномена позволил прийти ему к очень значимым выводам касательно экономического стимулирования труда. На взгляд авторов решающий вклад британского ученого заключается в том, что он разделил «законы» производства и «законы» распределения. Это открыло путь к возможности установления государственных стандартов оплаты труда, а также ее правового регулирования на трех уровнях: государственном, социально-партнерском и индивидуально-договорном. Для британского ученого механизм установления заработной платы представлял собой достижение компромисса между интересами работников и работодателей с учетом интересов государства и общества. Авторами сделан вывод, что такой подход отвечает современным реалиям и согласуется с важной ролью коллективных договоров и локальных актов в установлении системы оплаты труда.

Ключевые слова: заработная плата; Дж. С. Милль; утилитаризм; политическая экономия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович | E-mail: amlu0909@yandex.ru
Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

Лушникова, Марина Владимировна | E-mail: mvlushnikova@mail.ru
Доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP–014.

© Лушников А. М., Лушникова М. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Институт заработной платы имеет наиболее тесное взаимодействие с экономикой, причем это касается не только определения размера фонда оплаты труда, но и видов заработной платы, ее структуры, схем стимулирования творческого отношения к труду и др. В этой связи совсем не случайно этот комплекс проблем активно изучали ученые-экономисты. Одним из них являлся англичанин Дж. С. Милль (1806–1873), который более известен как философ-утилитарист и социолог. Именно его разносторонний подход и позволил рассмотреть заработную плату в более широком социальном контексте. В данном аспекте нас интересует прежде всего его главное экономическое исследование «Основания политической экономии с некоторыми из их приложений к общественной философии» (1848), часто сокращаемое как «Основы политической экономии» [1]. Эта работа неоднократно переиздавалась, в том числе в советский период [2].

Начнем с констатации очевидного: без рассмотрения философских, социологических, а отчасти и правовых воззрений невозможно понять взгляды Дж. С. Милля на экономику и на «стыковые» проблемы заработной платы. Один из примеров именно такого подхода дает работа итальянца А. Ронкалья, где различные ипостаси Милля-исследователя даны в органическом сочетании [3, с. 281–293]. В конце концов, Дж. С. Милль является не только автором нового прочтения утилитаризма, но и ключевой фигурой сначала «философского радикализма», затем одним из первых идеологов социального либерализма, теоретиком феминизма и даже демократии в ее современном прочтении как власти большинства (собственно, власти народа), но с учетом и при защите интересов меньшинства. Его можно считать сторонником расширения влияния государства на общественные процессы, но исключительно посредством права и правоприменения. Неслучайно выдающийся британский экономист Дж. М. Кейнс связал именно с «временем Джона Стюарта Милля» отказ от почти религиозной веры в стихийную упорядоченность экономических отношений при рыночной экономике без всякого вмешательства государства, усиление симпатий к социализму [4, с. 268].

Нам же интересно прежде всего то, что является действительно революционным в его учении о заработной плате и на что экономисты неоклассического направления обычно вообще не обращают внимание. На наш взгляд, главной заслугой в данном аспекте стало разделение «законов» производства и «законов» распределения. На это обычно в позитивном контексте обращают внимание только экономисты-кейнсианцы, причем с расставлением различных акцентов. Напротив, австриец Ф. А. Хайек ожидаемо заявил в беседе с британцем Л. Роббинсом, что считает такое разделение губительным. Впрочем, последний, даже будучи последовательным либералом, вступился за соотечественника [5, с. 301].

Дж. С. Милль смело утверждал, что человеческое общество может использовать произведенные блага по своему усмотрению. Он писал, что «распределение богатства зависит от законов и обычаев общества.

Правила, которые определяют распределение богатства, таковы, какими их делает мнение и желания правящего части общества и весьма различны в разных странах и в разные эпохи...». В этой связи «общество может подчинять распределение богатства любым правилам, какие оно считает наилучшими; но какие практические результаты проистекают из действия этих правил – это должно быть открыто, подобно любым другим физическим или отвлеченным истинам, посредством наблюдения или исследования» [2, т. 1, с. 137–139].

Такой вывод принципиально не соответствует позиции как последователей Д. Рикардо, так и современных сторонников экономического детерминизма (в духе «экономического империализма»), утверждающих, что экономика определяет всё и против «законов» распределения идти бесполезно.

Напротив, для Дж. С. Милля не были «естественными» и «экономически обоснованными» ни нищета большинства рабочих, ни то, что заработная плата распределялась обратно пропорционально трудовому вкладу (кучка собственников получала почти все, а рабочие – прожиточный минимум). Если это действительно «естественно», то общество посредством реформирования законодательства может изменить такую ситуацию. Это может быть осуществлено через целый комплекс мер, в том числе через установление императивного минимума заработной платы, определение ее соотношения с культурными запросами и прожиточным минимумом и др.

При этом не стоит отрицать, что производство и распределение связаны между собой и распределять в больших масштабах произведенное – верх абсурда (или, по меньшей мере, неумеренное раздувание дефицита бюджета). Однако Дж. С. Милль открыл путь не к волюнтаризму, а окно возможностей, пространство для маневра, вариативность действий в рамках имеющихся ресурсов и действующей правовой системы. Можно сказать, что британец доказал возможность реформирования капитализма на его собственных принципах (с сохранением частной собственности, используемой в производственной деятельности, свободы предпринимательства, рыночной экономики). Он утверждал, что при сложившейся ситуации главной целью «является не ниспровержение системы частной собственности, но ее улучшение и перераспределение такого полного права каждому члену общества участвовать в приносимых ею выгодах» [2, т. 1, с. 360, 361].

Дж. С. Милль разделял труд на производительный и непроизводительный с учетом вклада, вносимого этими видами труда в экономическую общественную активность. Он признавал сложность такого разграничения, однако считал его обоснованным именно в контексте заработной платы, так как именно производительный труд создает чистую добавленную стоимость, а не производительный связан уже с перераспределением. К непроизводительному труду он относил труд госслужащих, военных, врачей, учителей, музыкантов, танцоров, домашней прислуги. Однако любой труд он считал

полезным и достойным адекватного вознаграждения, но для экономического роста более важным считал производительный труд. Это явно устаревшая позиция, однако заслуга нашего героя заключается в том, что в число видов производительного труда он включил труд, способствующий производительному (труд по обучению трудовым навыкам, труд госслужащих, обеспечивающих организацию производства, охрану собственности и др.).

Подход британца к проблемам заработной платы вытекал из его общих мировоззренческих установок, а он был гуманист и сторонник прогресса, защитник равноправного сотрудничества людей, свободы и терпимости как абсолютных ценностей. В этой связи даже такой проницательный исследователь, как голландский экономист М. Блауг, несколько упрощенно трактует его предложение законодательно регулировать продолжительность рабочего дня рабочих. Для Дж. С. Милля продолжительное свободное (вне рабочее) время было именно «общественным благом», а не голым, но далеко идущим расчетом на то, что в перспективе уменьшение рабочего времени может привести к увеличению индивидуальной выработки. Такая изрядная экономизация правового и нравственного подхода современным ученым [6, с.198–199] не представляется нам обоснованной. Акцентируем внимание на том, что предложение уменьшить рабочее время сопровождалось требованием не уменьшать заработную плату.

Сам Дж. С. Милль последствия сокращения рабочего времени связывал с тем, что у рабочих «будет столько же возможностей для всякого рода умственной культуры, морального и общественного прогресса, сколько будет места совершенствованию Искусства жизни». При всем уважении к труду британец считал его средством обеспечения достойной жизни, а не сводил к нему всю жизнь. В частности, он писал, что «труд ... не хорош сам по себе. Нет ничего похвального в труде ради самого труда...Ценность труда, безусловно, не в том, чтобы оно приводило к еще большему количеству труда и так далее, до бесконечности... В противовес “евангелию труда” я бы предложил евангелие безделья и считал бы, что человеческие существа не могут достичь высших свойств своей природы посредством жизни, заполненной трудом». При этом «по справедливости, каждый человек обязан выполнить свою долю труда и у общества есть неоспоримое право заявлять каждому, что если он не выполнит эту долю, то не будет и есть. Общество пока не реализовало это право, временно отложив вопрос о справедливости ради других дел» [7, с. 56–58]. Таким образом, продолжительность рабочего времени для него представляет проблему справедливости, а не экономической целесообразности. При этом в любом случае заработная плата должна обеспечивать одобряемый обществом стандарт жизненного уровня.

С этим же связано его внимание к обязательному образованию детей, как первичному условию их подготовки к взрослой профессиональной деятельности и карьерному росту. Свободное время для рабочих он считал за-

логом их дальнейшего образовательного и культурного роста, последующей полноценной и органичной жизни [2, т. 3, с. 367 и др.]. В свою очередь, более высокий уровень образования открывал путь для более квалифицированной работы, а та способствовала культурному росту. Это была своеобразная игра «на повышение», но по выбору самого работника.

Стоит отметить, что Дж. С. Милль отверг разработанную британским экономистом Д. Рикардо «доктрину фонда заработной платы (рабочего фонда)», согласно которой зарплата рабочих не может увеличиваться, так как некий закон природы ограничивает их долю внутреннего национального продукта размером физического выживания. Выглядело это примерно так: объективно сформированный «фонд заработной платы» (который в принципе не мог быть увеличен, но связан с ростом инвестиций в предшествующий выплата зарплат период и зависит от технических условий производства) делился на число работников в соответствии с их прожиточным минимумом, обеспечивающим физическое выживание. Следовательно, размер заработной платы определялся только численностью работников (в связи с чем и стоит снижать рождаемость), тогда как «фонд» формировался объективно, хотя имеет при этом тенденцию к повышению по мере роста экономики. Отсюда очевидный вывод: бесполезно требовать повышения заработной платы через профсоюзы, в индивидуально-договорном порядке или устанавливать ее минимум в законе. В этом заключался «козырной» аргумент работодателей всех времен и народов при отказе увеличить зарплату.

Это был печально известный «железный закон заработной платы», названный так позднее Ф. Лассалем (1825–1864). Еще в «Основах политической экономии» британец постепенно отходил от вышеназванной «доктрины фонда заработной платы», в частности допуская давление профсоюзов на ее повышение или увеличение фонда заработной платы за счет уменьшения трат на роскошь собственников капитала. Действительно, до настоящего времени, и особенно в России, ведущий аргумент против повышения заработной платы состоит в том, что это уменьшит инвестиции в производство, будет препятствовать найму новых работников, уменьшит затраты на научные исследования и др. Вероятно, в российских реалиях это скорее помешает очередному «эффективному менеджеру» или «звезде приватизации» 90-х гг. прошлого века купить новую виллу на Лазурном Берегу во Франции, очередную квартиру в Лондоне либо поместить на офшорный счет сумму со многими нулями в иностранной валюте.

В 1869 г. Дж. С. Милль окончательно отказался от «доктрины фонда заработной платы» в пользу того, что ее размер, в том числе минимальный, определяется не только экономическими факторами, но и расстановкой классовых сил, переговорной силой работодателей и профсоюзов, наконец, законодательным порядком. Это открыло путь усилению роли профсоюзов в распределении доходов предприятий и в конечном итоге к правовому регулированию заработной платы как одному из ключевых институтов тру-

дового права. Отсюда и вывод о том, что профсоюзы – не помеха рынку труда, а необходимый элемент такого рынка.

Британец вплотную подошел к теории циклического развития экономики и теории кризисов, однако его взгляд на положение рабочих при этом был в целом оптимистичным. Даже если чисто экономические факторы могут ухудшить их материальное состояние, это может сглаживаться интеллектуальным, социальным и нравственным развитием, которые относительно автономны. Даже рост производства он связывал не только с повышением благосостояния, но и с сокращением потребности в занятости, появлением у рабочих времени для интеллектуального развития. Для него прогресс выражался скорее не в непрерывном росте экономики, а в возрастании роли нематериальных ценностей. По его мнению, бедные не должны зависеть от богатых, причем последние должны иметь право выбора своей собственной судьбы. С этим связан отказ от патернализма работодателей в отношении работников. Он не считал достаточным и обеспечение свободы трудовых договоров, ибо работодатели в одностороннем порядке всегда навязжут устраивающие их условия, в том числе относительно заработной платы. Соответственно, работники и работодатели должны взаимодействовать без социального напряжения, в духе солидарности, с учетом представительства интересов работников профсоюзов.

В целом решение «рабочего вопроса» виделось ему на пути достижения компромисса, классового мира и даже, говоря современным языком, социального партнерства. Работодателям не следует смотреть на работников как на «слуг», а работникам на работодателей как «на источник добычи и наживы». Более того, на базе идеи общественной солидарности Дж. С. Милль вплотную подошел к необходимости в случае потери работником заработка выплачивать ему публично установленное пособие по безработице. Так, одно из наиболее цитируемых изречений британца в российской юридической литературе было следующее: «Независимо от всяких метафизических взглядов на сущность нравственности или общественного союза, каждый согласится, что люди должны помогать друг другу... Поэтому пособие, проистекающее из крайней бедности, есть одно из сильнейших прав, какие только могут существовать...» [8, с. 6–7]. Естественно, что безработица признавалась одной из главных причин бедности.

При большой разности во взглядах подход к заработной плате Дж. С. Милля имеет некоторое сходство с подходом К. Маркса, хотя бы в части требований об увеличении фонда оплаты труда. При этом, насколько нам известно, ни с работами К. Маркса, ни с самим германским ученым он не был знаком, притом что последний крайне критически относился к Дж. С. Миллю и его социальным и экономическим воззрениям, во многом благодаря компромиссной позиции последнего. Это несколько странно, с учетом того что «Основы политической экономии» Дж. С. Милля и «Манифест Коммуни-

стической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса вышли в один год (1848), а затем авторы многие годы жили в одном городе – Лондоне.

При этом в отношении Милля К. Маркс оговаривался, что его нельзя отнести к «вульгарным экономистам-апологетам [9, с. 624–625]». Немец критиковал своего британского коллегу за эклектизм, за отсутствие строго научной точки зрения, за то, что его «Основы политической экономии» – это «банкротство буржуазной политической экономии», что он создал «компромиссную политическую экономию», призванную согласовать интересы капиталистов с притязаниями работников. Отчасти соглашаясь с этой критикой, отметим, что это скорее не слабая, а сильная сторона его творчества. Эклектика Дж. С. Милля может считаться попыткой синтеза, а половинчатость и склонность к компромиссам – вполне обоснованной позицией с учетом противоположности классовых интересов. Совсем неслучайно социальный либерализм стал основой реформирования трудового и социально-обеспечительного законодательства в начале XX в., причем первоначально в Великобритании и Франции, а затем и в других экономически развитых государствах. Учение Дж. С. Милля о заработной плате также является компромиссным, каковым оно быть и должно. В этой части компромисс между интересами работников и работодателей с учетом интересов общества и государства просто необходим.

Ссылки

1. Милль Дж. С. Основания политической экономии с некоторыми из их приложений к общественной философии: в 2 т. СПб.: Изд. А. Н. Пыпина, 1865. Т. 1. 564 с.; Т. 2. 507 с.
2. Милль Дж. С. Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1980. Т. 1. 495 с.; Т. 2. 480 с.; 1981. Т. 3. 447 с.
3. Ронкалья А. Богатство идей: история экономической мысли. М.: ИД ВШЭ, 2018. 656 с.
4. Кейнс Дж. М. Конец Laissez-faire // Истоки. М.: Высшая школа экономики, 1998. Вып. 3. С. 260–279.
5. Роббинс Л. История экономической мысли. М.: Изд.-во Ин-та Гайдара, 2017. 488 с.
6. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994. 720 с.
7. Милль Дж. С. Негритянский вопрос. Письмо редактору «Журнала Фрейзера», написанное в ответ на «Речь по поводу негритянского вопроса» Карлейля в «Журнале Фрейзера для города и деревни» за январь 1850 г. // Истоки: Экономика – «мрачная наука»? М.: ИД ВШЭ, 2019. С. 50–64
8. Дерюжинский В. Ф. Заметки об общественном призрении. М.: Кн. маг «Гросман и Кнебель», 1897. 115 с.
9. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. 907 с.

Submission of items and documents as a way of gathering evidence in preliminary investigation of a criminal case

S. B. Rossinskiy¹

¹Moscow State Kutafin Law University, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow 125993, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-210-219

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to the consideration of the representation as a simpler, in comparison with investigative actions, a purely «technical» method of collecting objects and documents to be attached to a criminal case as material evidence, other documents, expert opinions, the results of operational investigative and administrative activities of law enforcement agencies for the purpose of subsequent use to substantiate enforcement decisions. Methodologically, starting from his previous scientific publications devoted to the issues of criminal procedural proof in general and the collection of evidence in particular, the author investigates the phenomenon of the presentation of objects and documents, defines the circle of subjects initiating this procedure, considers the procedure for its implementation, notes the shortcomings of its legislative regulation. Particular attention is paid to the practical issues of the presentation of objects and documents in pre-trial proceedings in a criminal case. The most acceptable methods and applied technologies of acceptance and transfer of potential evidence presented to the bodies of inquiry and preliminary investigation by suspects, accused, victims are analyzed and other interested participants, materials of operational-search activities, as well as items and documents submitted by «third» parties, that is, various government bodies, local local governments, their officials, enterprises, institutions and individuals.

Keywords: preliminary investigation; production; retrieval of evidence; presentation of evidence; collecting evidence; criminal procedural proof

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Rossinskiy, Sergey B.	E-mail: s.rossinskiy@yandex.ru Dr. Sci. (Jurisprudence), Professor of the Criminal Procedure Dept.
-----------------------	--

Представление предметов и документов как способ собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу

С. Б. Россинский¹

¹Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина,
ул. Садовая-Кудринская, 9, Москва, 125993, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-210-219
УДК 343.14, 343.01

Научная статья
Полный текст на русском языке

Настоящая статья посвящена рассмотрению представления как более простого по сравнению со следственными действиями, сугубо «технического» способа собирания предметов и документов, подлежащих приобщению к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, результатов оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов с целью последующего использования для обоснования правоприменительных решений. Методологически отталкиваясь от своих прежних научных публикаций, посвященных вопросам уголовно-процессуального доказывания в целом и собирания доказательств в частности, автор исследует феномен представления предметов и документов, определяет круг субъектов-инициаторов данной процедуры, рассматривает порядок ее осуществления, отмечает недостатки ее законодательного регулирования.

Особое внимание уделяется практическим вопросам представления предметов и документов в досудебном производстве по уголовному делу. Анализируются наиболее приемлемые способы и прикладные технологии приема-передачи потенциальных доказательств, представляемых органам дознания и предварительного следствия подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим и другими заинтересованными участниками, материалов оперативно-розыскной деятельности, а также предметов и документов, представляемых «третьими» лицами, то есть различными органами государственной власти, местного самоуправления, их должностными лицами, предприятиями, учреждениями и отдельными гражданами.

Ключевые слова: досудебное производство; истребование доказательств; представление доказательств; собирание доказательств; уголовно-процессуальное доказывание

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Россинский, Сергей Борисович

E-mail: s.rossinskiy@yandex.ru

Доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовно-процессуального права

© Россинский С. Б., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Потребность в успешном и продуктивном осуществлении органами дознания и предварительного следствия возложенных на них уголовно-процессуальных функций невольно побуждает законодателя к формированию целой системы правовых, в том числе юрисдикционных, механизмов, обеспечивающих накопление полезной информации, подлежащей дальнейшему использованию при обосновании правоприменительных решений. Важнейшее место среди таких механизмов, вне всяких сомнений, занимают следственные действия, то есть познавательные приемы, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и связанные с собиранием полноценных доказательств и их депонированием для предстоящего судебного разбирательства.

Вместе с тем, как уже неоднократно отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, далеко не все существующие виды доказательств появляются именно в ходе производства следственных действий [1, с. 71–72]; наряду с показаниями (ст. 76–79 УПК РФ) и протоколами (ст. 83 УПК РФ) законодатель предусматривает и другие средства доказывания, в частности вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста. Более того, в современной следственной и судебной практике достаточно активно используются результаты оперативно-розыскной и административной деятельности органов исполнительной власти, которые, не будучи отнесенными к автономным видам доказательств, тем не менее оказывают неоценимую пользу для установления различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Все подобные доказательства «рождаются» вне процессуальных правоотношений и поступают в распоряжение органов предварительного расследования как уже сложившиеся познавательные ресурсы – в состоянии некоей «готовности к употреблению», поэтому просто приобщаются в качестве доказательств («вводятся» в уголовный процесс), или не приобщаются – в случае невозможности или целесообразности их признания средствами процессуального доказывания.

В этой связи механизмы досудебного производства по уголовному делу объективно требуют более простых, сугубо «технических» способов собирания доказательств. И одним из таких способов, как известно, является *представление доказательств, состоящее в добровольной передаче следователю различных предметов и документов для приобщения к уголовному делу*.

Советский уголовно-процессуальный закон наделял правом представления доказательств достаточно широкий круг субъектов. Наряду с участниками уголовного судопроизводства такой возможностью обладали любые граждане, учреждения, предприятия и организации. Однако действующий УПК РФ пошел по несколько иному, как бы усеченному, пути. На сегодняшний день правом представления предметов и документов (доказательств) прямо наделены только подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие, гражданские истцы, гражданские ответчики, а также защитники, представители и законные представители (в судебном заседании этим правом также наделены государственные и частные обвинители). Иными словами, возможность представ-

ления доказательств как бы увязана с формально-определённым статусом соответствующего субъекта-инициатора, а также с его обязательной принадлежностью к стороне обвинения или стороне защиты.

Подобная ограниченность перечня субъектов – инициаторов представления предметов и документов – представляется несколько странной, в особенности на общем фоне прямо противоположной тенденции развития уголовно-процессуального законодательства, выраженной, в распространении предусмотренных УПК РФ диспозитивных возможностей на максимально широкий круг лиц. Так, согласно ч. 1 ст. 123 УПК РФ правом на обжалование действий (бездействия) решений субъектов уголовной юрисдикции наряду с участниками уголовного судопроизводства обладают и любые другие лица (например, поручитель, залогодатель, собственник изъятого или поверженного в ходе обыска или выемки имущества и т. д.). Эта же тенденция находит отражение и в положениях, определяющих право на апелляционное обжалование (ч. 1 ст. 398.1 УПК РФ), право на кассационное обжалование (ч. 1 ст. 401.2 УПК РФ) и т. д.

В настоящее время уже достаточно сложно сказать, что явилось причиной сужения круга лиц, уполномоченных представлять доказательства. Вполне вероятно, что к этому шагу законодателя в очередной раз подтолкнуло имевшее место в 1990-е годы «заигрывание» с принципом состязательности в англосаксонском варианте, предполагающем возложение основной нагрузки по доказыванию обстоятельств уголовного дела не на суд, а именно на стороны. Возможно выдвинуть и иную гипотезу. Она состоит в том, что указанный шаг вообще был обусловлен оставлением разработчиками УПК РФ этих вопросов без должного внимания или банальным недопониманием тонкостей работы органов предварительного расследования. Не исключены и другие объяснения возникновения существующих подходов к составу субъектов, наделенных правом представления доказательств.

Вместе с тем, какая из указанных причин оказалась решающей, в сущности не так уж и принципиально. Гораздо важнее другое, а именно то, что действующий УПК РФ не позволяет удовлетворить реальные потребности правоприменительной практики, искусственно сужая круг субъектов-инициаторов, желающих представить какие-либо предметы или документы для приобщения к материалам уголовного дела.

На сегодняшний день к таким не попавшим в поле зрения законодателя субъектам можно отнести несколько категорий лиц. Во-первых, это предусмотренные гл. 8 УПК РФ «иные»¹ участники уголовного судопроизводства, которые, не имея собственной функциональной направленности, оказывают процессуальное содействие суду, органам предварительного расследования и сторонам в реализации возложенных на них полномочий (предоставленных

¹ Термин «иные» применительно к обозначению обособленной группы участников уголовного судопроизводства, предусмотренных гл. 8 УПК РФ, преднамеренно берется в кавычки. Тем самым подчеркивается, что он предполагает определенную уголовно-процессуальную категорию, а не используется в значениях «другие», «остальные» и т. д.

им правомочий). Наиболее ярким участником указанной группы в контексте представления предметов и документов является свидетель, который в силу своей прямой или косвенной взаимосвязи с обстоятельствами, подлежащими установлению (доказыванию) по уголовному делу, нередко становится обладателем каких-либо материальных объектов, имеющих важное доказательственное значение. Данный тезис можно подтвердить множеством примеров из практики. Так, при совершении уличного грабежа преступники похитили у потерпевшего кошелек, который после извлечения из него денег незамедлительно выбросили в ближайший мусорный бак. Случайным свидетелем произошедшего оказался местный пенсионер, наблюдавший за преступлением из окна своей квартиры. Позднее он вышел на улицу, достал из мусорного бака кошелек и лично отнес его в районный отдел внутренних дел. В другой ситуации вызванная на допрос в качестве свидетеля мать обвиняемого принесла с собой и попросила приобщить к материалам уголовного дела удостоверение о нескольких государственных наградах сына, полученных им во время прохождения воинской службы в одной из «горячих точек».

Во-вторых, это правоохранительные органы, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, результаты которой подлежат представлению в орган дознания или следователю для дальнейшего использования в процессе доказывания. Кстати, правовой изъян, выраженный в отсутствии системного единства между нормами УПК РФ и положениями законодательства об оперативно-розыскной деятельности, вообще не выдерживает никакой критики и уже неоднократно поднимался в специальной литературе [2, с. 148; 3, с. 125; 4, с. 18], в том числе в публикациях автора настоящей статьи [1, с. 72]. Закон «Об ОРД»² и предопределённая им Инструкция «О порядке представления результатов ОРД»³ вроде бы предусматривают право соответствующих правоохранительных органов на представление для приобщения к уголовному делу материалов, фиксирующих ход и результаты проведенных ими оперативно-розыскных мероприятий, а также добытых оперативным путем предметов либо документов. Однако сам УПК РФ почему-то не содержит ни единого намека на подобную возможность, равно как и на встречную обязанность субъекта уголовной юрисдикции (следователя, а в судебном производстве – суда) принять представленные результаты оперативно-розыскной деятельности и «ввести» их в уголовное дело.

И, наконец, в-третьих, это любые другие государственные либо муниципальные органы, их должностные лица, а также физические лица либо организации, располагающие определёнными предметами или документами

² Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

³ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утв. совместным приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

и желающие добровольно представить их в орган предварительного расследования. Современная правоприменительная практика просто изобилует подобными ситуациями. Особое место среди них занимают случаи, связанные с передачей для приобщения к материалам уголовного дела (к материалам доследственной проверки) различных результатов административной деятельности, полученных в процессе реализации своих полномочий неоперативными подразделениями органов внутренних дел, налоговыми, таможенными, антимонопольными и многими другими органами, осуществляющими контрольные и надзорные функции.

В этой связи представляется, что в сложившейся ситуации законодателю надлежит кардинально пересмотреть свое несколько поверхностное отношение к кругу субъектов, наделенных правом представления предметов и документов для приобщения к уголовному делу в качестве доказательств. Такое право предлагается распространить на все вышерассмотренные категории лиц независимо от формально-определённого уголовно-процессуального статуса и тем более от принадлежности к участникам со стороны обвинения или стороны защиты.

Далее следует рассмотреть сам процессуальный порядок представления предметов и документов. В юридической литературе уже неоднократно предлагались процессуальные технологии осуществления данного способа собирания доказательств, сводящиеся, как правило, к заявлению, рассмотрению и разрешению соответствующих ходатайств [5, с. 12; 6, с. 224; 7, с. 66–67]. А наиболее подробно указанный порядок рассмотрен в работах В. А. Семенцова. Автор полагает, что представление предметов и документов состоит в поэтапном осуществлении следующих действий: а) доставления представляемого объекта в орган предварительного расследования (в суд); б) заявления субъектом-инициатором (лицом, доставившим предмет либо документ) соответствующего ходатайства; в) принятия (непринятия) данного предмета или документа [8, с. 109].

В целом такой алгоритм является вполне приемлемым. Однако он все же вызывает ряд возражений. Во-первых, вряд ли стоит включать в сферу уголовно-процессуального регулирования, то есть считать элементом процессуальной формы действия, связанные с доставлением субъектом – инициатором представляемых предметов или документов. Ведь указанная позиция полностью противоречит общей концепции публичных уголовно-процессуальных отношений, предполагающих обязательное участие органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда как лиц, наделенных государственно-властными полномочиями. Следуя подобной логике, в предмет уголовно-процессуального регулирования придется также вводить и все иные действия-доставления (например, доставление задержанного подозреваемого, доставление результатов контроля и записи переговоров, информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и т. д.).

Во-вторых, сложно согласиться с точкой зрения, предполагающей возможность представления потенциальных доказательств не иначе как посредством заявления соответствующего ходатайства. Данное требование приведет к усложнению порядка передачи предметов или документов в распоряжение субъектов уголовной юрисдикции, предопределит необходимость составления еще целого ряда процессуальных документов (самого ходатайства, постановления об его удовлетворении / отказе в удовлетворении). Кроме того, правом заявления ходатайств вообще наделены строго определённые участники, как правило отстаивающие в деле собственные либо представляемые (защищаемые) интересы (ч. 1 ст. 119 УПК РФ). Причем, указанный законодательный подход является весьма разумным, поскольку появление такой возможности у более широкого или даже неограниченного круга лиц, безусловно, вызовет процессуальный хаос и негативно повлияет на количество злоупотреблений – на органы предварительного расследования и суд буквально обрушится шквал требующих обязательного рассмотрения и разрешения ходатайств.

В этой связи порядок представления предметов и документов требует дифференциации – в зависимости роли субъекта-инициатора в уголовном деле и наличия у него определённого процессуального статуса. К слову, идею такой дифференциации высказывали еще Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин, которые писали даже не о двух, а трех различных способах представления доказательств: а) подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями; б) общественными и самодеятельными организациями трудящихся; в) отдельными гражданами, не участвующими в уголовном судопроизводстве [9, с. 155–157].

Для подозреваемого, обвиняемого, защитника потерпевшего и иных заинтересованных участников уголовного судопроизводства, наделенных правом доступа к правосудию, наиболее рациональным действительно является предлагаемый В. А. Семенцовым алгоритм передачи потенциальных доказательств посредством заявления соответствующего ходатайства. Однако в части других субъектов-инициаторов подобную процедуру разумнее свести к более простым формам, обусловленным общими правилами обращения в органы государственной власти и технологиями делопроизводства. Например, для передачи органам предварительного расследования материалов, содержащих результаты оперативно-розыскной деятельности, целесообразнее всего придерживаться «традиционной» технологии, вытекающей из содержания Инструкции «О порядке представления результатов ОРД» – на основании специального сопроводительного письма, включающего сведения о назначении направляемых материалов, их опись и обстоятельства их получения (приложение № 1 к Инструкции). Подобный порядок может быть использован и для представления предметов и документов иными государственными либо муниципальными органами, их должностными лицами, а также различными предприятиями, учреждениями, организациями.

Для граждан либо иных физических лиц, не являющихся заинтересованными в исходе дела участниками уголовного судопроизводства, лучше использовать несколько иную технологию передачи следователю представляемых предметов или документов – посредством подачи заявления как юридического приема, отвечающего общим правилам «первичного» обращения в государственные органы. Кстати, подобные позиции, но с определёнными оттенками можно встретить и в работах некоторых других авторов [7, с. 67; 10, с. 10; 11, с. 69]. Ввиду необходимости создания режима наибольшей комфортности для лиц, желающих представить какие-либо объекты в распоряжение органа предварительного расследования, разумно предусмотреть как письменную, так и устную форму заявления; последнюю, в частности, возможно использовать в ходе производства следственного действия и фиксировать в соответствующем протоколе (например, для передачи предмета либо документа свидетелем во время допроса или лицом, присутствующим при производстве следственного осмотра, обыска и т. д.).

Ну, и наконец, в-третьих, излишним видится предлагаемое В. А. Семеновым обязательное протоколирование передачи предметов или документов, посредством которого автор предлагает фиксировать завершающий этап процедуры представления – принятие (непринятие) потенциальных доказательств субъектом уголовной юрисдикции. Эта идея обосновывается необходимостью отражения в материалах уголовного дела всех участвующих лиц, самой процедуры представления, описания индивидуальных признаков передаваемых объектов и других существенных обстоятельств [8, с. 115]. Близкие позиции можно встретить в публикациях С. А. Шейфера, В. В. Кальницкого и Е. Г. Ларина, а также некоторых иных ученых [12, с. 139; 13, с. 103].

Однако, на наш взгляд, такой механизм будет являться неоправданно «тяжелым» и лишь приведет к излишним бюрократическим формальностям. Да и вообще необходимость полноценного протоколирования представления предметов и документов во многом уподобляет его следственным действиям, то есть как бы сводит на нет поддерживаемые теми же С. А. Шейфером, В. А. Семеновым и другими авторами совершенно разумные идеи о более простом характере данного способа собирания доказательств. Все-таки протокол – это не заурядное «техническое» свидетельство, удостоверяющее факт получения чего-либо адресатом; это не расписка, не акт приема-передачи, не отметка о вручении на сопроводительном письме и т. д. По смыслу закона уголовно-процессуальные протоколы (в частности протоколы следственных действий) – это документы, фиксирующие какие-либо новые сведения, имеющие значение для уголовного дела, в первую очередь полученные в результате поисково-познавательной деятельности органов предварительного расследования. Вместе с тем процедура представления не подразумевает процессуального познания, не связана с формированием новых доказательств, а сводится к сугубо «технической» передаче «готовых к употреблению» информационных ресурсов в распоряжение субъектов уголовной юрисдикции. Конечно, представляемые предметы и документы в дальнейшем становятся

объектами тщательного следственного и судебного познания (исследования, проверки), предполагающего то самое полноценное восприятие их формы, содержания и других индивидуальных признаков, о котором пишет В. А. Семенов, – в противном случае они просто не могут быть признаны доказательствами и использоваться для основания правоприменительных решений. Но это уже следующий этап работы с указанными предметам и документами, обусловленный их нахождением в законном ведении следователя.

Конечно, для справедливости стоит отметить, что авторы, ратующие за обязательное протоколирование процедуры представления, зачастую руководствуются совершенно иными соображениями. Они пытаются сконструировать дополнительные процессуальные гарантии индивидуализации приобщаемых к уголовному делу предметов или документов и, таким образом, минимизировать риски возможных следственных ошибок либо фальсификаций. Эта процедура, писал С. А. Шейфер, необходима для предотвращения вероятных нареканий о подмене объекта или жалоб на необоснованный отказ в его приобщении к делу [13, с. 103].

Однако, на наш взгляд, столь серьезная юридическая «страховка» требуется далеко не всегда. В большинстве случаев процессуальная доброкачественность представляемых предметов или документов вполне может быть обеспечена и более простыми способами, сводящимися к общим правилам делопроизводства и документооборота. В частности, необходимые для индивидуализации признаки (реквизиты документа, общее описание предмета и т. д.) обязательно указываются в сопроводительном письме государственного (муниципального) органа, должностного лица либо организации; эти же признаки могут содержаться и в ходатайстве подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего или иного заинтересованного участника уголовного судопроизводства и в заявлении любого другого физического лица. А в случае представления предмета либо документа в ходе производства следственного действия эти признаки надлежит фиксировать прямо в соответствующем протоколе. Кроме того, в следственной практике может быть использован и дополнительный «страховочный» документ – специальный акт приема-передачи, составляемый по желанию как передающей, так и принимающей стороны.

Между тем все же не следует полностью исключать ситуации, объективно требующие более существенные правовые гарантии обеспечения сохранности добровольно передаваемых следователю объектов и, таким образом, предопределяющие необходимость составления некоего протокола в порядке, предусмотренном ст. 166 УПК РФ. В частности, А. М. Ларин в свое время относил к подобным объектам предметы и документы, являющиеся незаменимыми ввиду индивидуальных свойств и признаков, а также составляющие материальную или духовную ценность (творческие рукописи, дневники, личные письма, сувениры и пр.) [14, с. 67]. С предлагаемым перечнем согласиться достаточно сложно хотя бы потому, что на сегодняшний день он уже во многом утратил свою актуальность и требует существенного пересмотра

с учетом реалий жизнедеятельности современного общества и государства. Но в главном автор был абсолютно прав: представление органу предварительного расследования особо «ценных» объектов должно предполагать обязательное протоколирование. При этом ученый предлагал ввести в предмет уголовно-процессуального регулирования новое следственное действие – «принятие представленного предмета (документа)». Однако, на наш взгляд, для решения указанных задач как нельзя лучше подходит выемка, которая уже неоднократно рассматривалась нами как еще один сугубо технический прием, направленный на «введение» различных предметов и документов в уголовное дело; к проблемам ее сущности и производства мы планируем возвращаться и в дальнейшем.

Ссылки

1. Россинский С. Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 10 (143). С. 70–84.
2. Ежова Е. В. Проблемы раскрытия преступлений в современной России. Уфа: БашГУ, 2008. 226 с.
3. Николок В. В. Проблемы взаимосвязей уголовно-процессуального законодательства с иными законами о противодействии преступности // *Правовые проблемы укрепления Российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Томск: ТГУ, 2018. Ч. 79. С. 123–126.
4. Смирнов А. В. «Серебряное блюдо» оперативно-розыскной деятельности // *Уголовный процесс*. 2012. № 10. С. 12–18.
5. Воронина Л. В. Протоколы и иные документы как источники доказательств в советском уголовном процессе (по материалам Казахской ССР): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1987. 23 с.
6. Демурчев Л. Г. Представление документов и предметов участниками уголовного процесса на предварительном расследовании // *Общество и право*. 2011. № 2 (34). С. 223–226.
7. Костенко Р. В. Сущность представления доказательств в российском уголовном процессе // *Библиотека криминалиста: научный журнал*. 2012. № 2 (3). С. 65–73.
8. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве. М.: Юрлитинформ, 2017. 256 с.
9. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1965. 367 с.
10. Кондратьева Т. Х. Представление доказательств участниками уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: КубГАУ, 2009. 29 с.
11. Мамедов Р. Я. Представление вещественных доказательств всистемспособособираниядоказательстввдосудебномуголовномсудопроизводстве // *Апробация*. 2015. № 4 (31). С. 68–71.
12. Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Следственные действия: учеб. пособие. Омск: ОмА МВД России, 2015. 172 с.
13. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 240 с.
14. Ларин А. М. Истребование и представление предметов и документов в стадии расследования // *Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий: сб. науч. тр.* Ташкент: Ташкентская ВШ МВД СССР, 1982. С. 62–68.

About some incredible adventures of the “elusive” duty construction

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-220-231

Research article
Full text in Russian

The article gives “biographies” of the construction of duty in atypical situations. The first of them is illustrated by the example of family legal relations between parents and children, in which parents are at the same time responsibilities for upbringing (the structure of right-duty). The doctrine accepts such a feature of the aforementioned type of legal relationship by no means to everyone – a reference to the classical interaction of the pair “right and duty” and their distribution between the subject. An additional argument is the arguments in favor of the child’s incapacity and, consequently, the inadmissibility of imposing any responsibilities on him. As counterarguments, considerations are expressed about the possibility of the existence of exceptions from classical constructions, as well as about the presence of certain elements of legal capacity in the child, which make it possible to assign certain responsibilities to him, including in relation to parents or persons substituting for them. As additional argumentation, examples are given of assigning children of different ages (6, 10, 14 years) to responsibilities in the field of education, family, civil turnover. It is proposed to provide for the obligation of children to respect their parents in the general principles of family law. The second atypical situation arises when the so-called declarative obligations are fixed in the text of the law. It is emphasized that they, either directly or indirectly, are associated with certain legal consequences of their non-compliance, therefore, they possess, albeit not in the classical execution, the properties of a legal obligation.

Keywords: duty; right-duty; declarative norm; specifics of consolidation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID 0000-0001-8827-5532
	Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor

Funding: Yaroslavl State University, project VIP-014.

О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-220-231
УДК 340.132.1

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье даются «жизнеописания» конструкции обязанности в нетипичных юридических ситуациях. Первая из них иллюстрируется на примере семейных правоотношений между родителями и детьми, в которых права родителей по воспитанию одновременно являются и обязанностями (конструкция право-обязанности). В доктрине принимается такая особенность означенного вида правоотношений далеко не всеми – со ссылкой на классическое взаимодействие пары «право и обязанность» и их распределенность между субъектами. Дополнительным аргументом служит соображение о недееспособности ребенка и, следовательно, недопустимости возложения на него каких бы то ни было обязанностей. В качестве контраргументов высказываются соображения о возможности существования исключений из классических конструкций, а также о наличии у ребенка отдельных элементов дееспособности, позволяющих возложить на него определенные обязанности, в том числе и по отношению к родителям или лицам, их замещающим. В качестве дополнительной аргументации приводятся примеры закрепления за детьми разного возраста (6, 10, 14 лет) обязанностей в сфере образования, семьи, гражданского оборота. Предлагается предусмотреть обязанность детей уважать своих родителей в общих началах семейного законодательства. Вторая нетипичная ситуация возникает, когда в тексте закона фиксируются так называемые обязанности декларативного типа. Подчеркивается, что и они – либо прямо, либо опосредованно – связаны с определенными правовыми последствиями своего несоблюдения, следовательно, обладают, пусть и не в классическом исполнении, свойствами юридической обязанности.

Ключевые слова: обязанность; право-обязанность; декларативная норма; специфика закрепления

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID 0000-0001-8827-5532
	Кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP-014.

© Тарусина Н. Н., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Несмотря на интригующе-агрессивный контекст заголовка статьи, речь пойдет о вполне мирных элементарных частицах юридического пространства – о конструкции права-обязанности и о конструкции так называемых декларативных обязанностей. Демонстрация первой будет осуществлена на примере из области гражданского процесса и сферы семейного права, а второй – в рамках медицинского и семейного законодательства.

На факт «сдвоенности» права-обязанности в семейно-правовой сфере обращал внимание еще Г. Ф. Шершеневич: «Для родителей составляет право и вместе обязанность воспитание детей» [1, с. 625]. Другого классика цивилистики, О. С. Иоффе, также не смущала эта странность, явная нетипичность положения. В то же время он пытался ее встроить в обычные рамки: противоречие канонам, полагал автор, лишь кажущееся, ибо очевидно, что правам родителей соответствуют обязанности, а родительским обязанностям – правомочия детей, то есть наличествует классическая корреспонденция прав и обязанностей [2, с. 238–239]. Однако данную классику некоторым образом разрушает то обстоятельство, что в семейном законе об обязанностях детей речи вовсе нет. Впрочем, на данном этапе размышлений нам придется эту констатацию отодвинуть в сторону, ибо рассуждение о вопросе наличия/отсутствия у детей семейно-правовых обязанностей запланирован нами во второй части сочинения.

В доктрине высказываются соображения и совершенно иного порядка. Так, А. М. Нечаева разрешает означенную дихотомию в каком-то смысле с помощью филологии: воспитание является родительским правом, а надлежащее воспитание – обязанностью [3, с. 105–106]. Пытаясь найти «свет в конце тоннеля», автор в более поздней работе подчеркивает, что данное право родителей сближает с их же обязанностью наличие в первой компоненте меры дозволения, так как право отнюдь не безгранично [4, с. 18]. Однако, полагаем, хотя этот аргумент верен, в том числе в силу своей очевидности, это его качество лишь характеризует субъективное право, которое всегда имеет своим собственным антиподом (или возможным вариантом своего развития в процессе реализации) злоупотребление правом [5, с. 46–47]. И не характеризует это право в спайке с обязанностью: да, обладатель субъективного права – в нашем случае права на воспитание ребенка – не должен выходить за законные пределы его возможностей, кои, как правило, очерчены с помощью конструкции «интересы ребенка», пусть не вполне определенной, но вполне способной дать пищу для собственного толкования – на уровне общего размышления о ее содержании и применительно к частному (конкретному) случаю. Благо, неизбежность правоприменительного (административного, судебного) усмотрения никто не оспаривает, особенно в сфере семейного права, средоточии норм с относительно определенным (относительно неопределенным) содержа-

нием [6, с. 73–76; 7, с. 50–53]. Но злоупотребления правом отнюдь не свидетельствуют о его «переходе в состояние обязанности».

В. Н. Леженин, опираясь на формулу теории права «либо право, либо обязанность», утверждает: право на воспитание есть результат свободного, добровольного возложения на себя соответствующих правомочий (статика), а обязанность возникает при осуществлении права (динамика) [8, с. 58–59]. По сути, автор повторяет сентенцию В. П. Грибанова [5] – только в привязке к своей задаче объяснить невозможность сдвоенности конструкции.

Однако ни упование на уточняющий термин «надлежащее» (воспитание), ни разобщение на пассивную стадию (наличие права) и активную стадию (осуществление права воспитания – обязанность) не позволяют получить ясную картину этой части родительско-детского мира. Означенная статика скорее «вовлекает» нас в пространство правоспособности (как одной из предпосылок правоотношения) и правового статуса (как совокупности прав и обязанностей). Динамика же есть неотъемлемое качество субъективного права в его рабочем состоянии (для чего оно, собственно, и предназначено): свобода распоряжения, возможность как оставить субъективное право в состоянии покоя (неосуществления), так и привести его в «боевое состояние» осуществления составляет классику теории права [9, с. 127].

А. М. Рабец, не отрицая традиции признания феноменом семейно-правовой сферы означенную нами «спайку», тем не менее, вслед за В. Н. Лежениным, полагает его противоречащим аксиоме теории права о парности конструкции права и обязанности как самостоятельных характеристик правового статуса родителей, а также представляющим практическую опасность: неспособные к воспитанию родители могут без вины подвергнуться жестким мерам семейно-правового воздействия (ст. 69, 73 СК РФ), поэтому следует сместить акценты в пользу права [10]. Весьма странная логика: если граждане не способны выполнять обязанности, следует «передвинуть стрелки» в пользу права... Однако подобная неспособность как раз и является основанием применения мер защиты интересов ребенка – оперативных мер воздействия к родителям, а при отсутствии вины – мер, адекватных обстоятельствам (например, временное отобрание ребенка). При этом «смещение акцентов» не приведет к разрешению проблемы: «двойняшки» останутся.

Н. Д. Егоров, полагая ситуацию с означенными «двойняшками» недоразумением, распределяет данные состояния по двум различным правоотношениям – абсолютным и относительным: право родителей на воспитание детей существует в рамках абсолютного, что предполагает воздержание неопределенного круга лиц от действий препятствующего

характера, а их обязанность – в рамках относительного правоотношения, которой корреспондируют права детей. При этом классическая дихотомия «права-обязанности» автором исключается как нелепость, ибо малолетние дети к обязанности призываться не могут [11, с. 296]. Однако его соавторы не разделяют данной позиции, допуская, как и О. С. Иоффе, обсуждаемое единство в качестве исключения из общего правила для столь специфических правоотношений, в которых непосредственным участником является ребенок: праву родителей соответствует обязанность детей не чинить им препятствия в его осуществлении, а обязанности родителей – право детей требовать надлежащего воспитания [11, с. 307]. Усиливая данную позицию, Н. И. Матузов отмечает, что в ряде случаев подобное слияние является следствием объективного характера взаимосвязей, а не недостатком законодательства и правовой системы [12, с. 59]¹. Полагаем, что на этом пока можно поставить «запятую», продолжив размышление во второй части сочинения, которая и посвящена проблеме нетипичных обязанностей. Дополним лишь уже предложенные рассуждения вполне очевидным соображением о том, что «двойной эффект» характерен также и для ряда других семейных правоотношений, сущностно близких родительско-детским, – правоотношениям попечительства и усыновления/удочерения. Так что «...ходит песенка по кругу»: право-обязанность-обязанность-право. За пределами данного круга остаются отношения по фактическому воспитанию, ибо в них, пока законодатель не примет иного решения, не возникает ни субъективных прав, ни юридических обязанностей, а лишь этико-бытийные их аналоги.

В теории гражданского процесса дискутируемая конструкция также себя обнаруживает. Так, например, считается, что применение судебного усмотрения при разрешении гражданского дела (если в его юридической основе лежат ситуационные или т. п. нормы) является и правом, и обязанностью суда [14, с. 23]. При этом следует заметить, что некоторые гражданско-процессуальные нормы обладают лишь видимостью диспозитивности и дихотомическим единством, а в действительности относятся к императивным, то есть к обязанностям, – проблема в некорректных формулировках. Например, правило п. 1 ст. 43 ГПК РФ сообщает суду и участникам процесса о возможности привлечения в процесс третьих лиц. Очевидно, что возможность есть характеристика правомочия. Однако, по сути, суд обязан осуществить данное действие, ибо манкирование им подвергнет сомнению преюдициальность судебного решения. Аналогичные комментарии можно дать и относительно большинства других «усмотренческих»

¹ Более подробный анализ см. в других наших трудах [13]. Следует заметить, что в некоторых зарубежных законодательствах такой «сдвоенности» нет. Так, например, в ч. 1 ст. 68 Семейного кодекса Болгарии закреплены именно обязанности родителей заботиться о детях и готовить их к общественно полезному труду.

полномочий суда: характер нормы с относительно определенным содержанием не предлагает, а требует конкретизации, применения аналогии или субсидиарного использования других норм. И т. д. Следовательно, необходимо, наряду с признанием некоторого числа исключений (конструкции права-обязанности)², подвергнуть нормы неопределенного типа (в слабость их формулировки³) простой филологической операции – приведением терминологии в соответствие с императивным смыслом.

Во второй части сочинения поразмышляем о декларативных обязанностях или «необязанностях». Данные несколько мифические конструкции также характеризуют родительско-детские отношения. С одной стороны, наличие у родителей прав в отношении своих детей должно предполагать обязанности последних. С другой стороны, не только Семейный кодекс РФ не упоминает о таковых обязанностях, но и большинство доктринальных толкователей его содержания не допускают их юридического существования, объявляя противоположное «нелепостью», «недоразумением» или «опасным дисбалансом» (см. предыдущие рассуждения). Однако, как мы уже отметили ранее, ряд цивилистов не видят никакого «юридического ужаса» в допущении у детей юридических обязанностей. Так, О. С. Иоффе, продолжая свои размышления о специфике семейно-правового статуса родителей, подчеркивает: «Упоминание в кодексе о правах родителей по отношению к детям уже само по себе должно было бы свидетельствовать о возложении на детей обязанностей, соответствующих этим правам». Поскольку, продолжает автор, родителям, как бы по умолчанию, разрешается «применять к детям любые непротивоправные и не противоречащие принципам морали методы» и коль скоро они тем самым получают защиту закона, «налицо правовая охрана возлагаемых на детей обязанностей» [2, с. 238–239].

О. С. Иоффе формулировал свою позицию на основе прежнего законодательства (даже не КоБС РСФСР 1969 г.). Нововведения СК РФ 1995 г. ее, безусловно, для автора усилили бы, так как в действующем законе не только имеется специальная глава о правах детей, но и фиксированы такие их возможности, как право на административную и судебную защиту (причем с 14 лет самостоятельно осуществляемую), право на мнение в форме дачи согласия на совершение ряда семейно-правовых актов (ст. 57 СК РФ), которое, кстати, по своей сущности и последствиям весьма напоминает ситуацию с обсужденными ранее «двойняшками», поскольку означенная конструкция согласия предполагает два варианта – позитив-

² Кстати, подобные конструкции-«двойняшки» вполне укладываются в концепцию М. А. Гурвича о гражданском процессе как сложном (комплексном) правоотношении.

³ Употребление «в силу» здесь неуместно, хотя обыкновения русского языка именно таковы.

ный и негативный и не предполагает «ухода в песок», то есть игнорирования правила.

Конечно, «нелепость» (в филологии оппонентов) принадлежности ребенка, ввиду его недееспособности, к обязанным субъектам права имеет существенно различную степень своего напряжения – в зависимости от возраста. При этом данные возрастные границы либо явным образом фиксированы (6 лет, 10 лет, 15 лет, 16 лет), либо размыты. Однако в определенном смысле можно утверждать, что обязанность, по крайней мере претерпевать заботу и воспитательное воздействие родителей, нижней возрастной планки не имеет: появился на свет – претерпевай.

Но данной констатацией содержание конструкции «детской обязанности» не исчерпывается. Так, мы неоднократно, с опорой на зарубежные образцы, предлагали закрепить в СК РФ обязанность детей уважительно относиться к своим родителям и участвовать, по мере сил и способностей, в делах семьи [14, с. 9–11]. Действительно, например, нормы Семейного кодекса Болгарии призывают детей уважать своих родителей, бабушку и дедушку и помогать им (ст. 69–70). Правило ст. 1619 Гражданского уложения Германии сообщает детям, что они должны посильным способом помогать родителям в домашнем хозяйстве и их делах. Норма ст. 87 польского Семейного и Опекунского кодекса предписывает родителям и детям уважать и поддерживать друг друга, ст. 95 предусматривает обязанность ребенка повиноваться родителям, а по вопросам, где он вправе принимать решения, – выслушивать мнения и рекомендации родителей, сформулированные для его же блага. В параграфах 854 и 885 Гражданского кодекса Чехии подтверждены обязанности родителей и детей взаимно уважать и поддерживать друг друга. Норма ст. 21 и 23 Закона КНР «О браке» также предписывает детям оказывать помощь родителям; дети также должны уважать право родителей на брак, не вмешиваться в вопрос о заключении повторного брака и в дальнейшую жизнь взрослых после его заключения. И т. д.⁴

После десятилетий законодательного замалчивания вопроса об обязанностях детей «первой ласточкой» наступающего сезона, свидетельствующей о некотором изменении подхода, явилась конституционная поправка, закрепленная в ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ, об уважении детей к старшим. Конечно, данное положение должно было дополнить содержание конституционной нормы ст. 38, как и заявление о понимании брака в качестве союза мужчины и женщины (поправка – к ч. 1 п. ж ст. 72). Однако это – уже совсем другой вопрос⁵. Главное, что первое из них является

⁴ Несколько подробнее, а также и о других нормативных положениях см. труды других авторов [15].

⁵ Процедурные аспекты внесения конституционных поправок критиковались и критикуются. См., например, статью С. П. Казанкова в данном номере Вестника.

фундаментальной предпосылкой для внесения необходимых дополнений в общую часть СК РФ, то есть в начала семейного законодательства.

Соответствующая проектная поправка к ст. 1 СК РФ уже появилась. К сожалению, она избыточно общим образом описывает проблему должного взаимоотношения родителей и детей, ограничиваясь указанием на взаимную уважительность (и при этом – как бы между делом). Между тем не означенный в ней призыв к детям участвовать в делах семьи – вполне актуален и целесообразен, соответствует тем ценностным ориентирам, которым пытается следовать российский законодатель сегодняшнего дня. То, что подобные формулировки будут выглядеть как рецепция европейского законодательства, смущать не должно сразу по двум причинам. Первая: они принадлежат периоду далекому от постмодерна и отражают ценности, аналогичные российским. Вторая: даже и в настоящее время, несмотря на образцы экзотических решений в сфере семьи, мы не можем отказать европейскому праву в некоторой разумности по отдельным позициям⁶.

Возвращаясь к долженствующей составляющей дееспособности ребенка – в целом, а не только семейно-правовой, – вынуждены подчеркнуть, что семейное законодательство, а равным образом и цивилистическая доктрина находятся не только в противоречии с самими собой, но и в определенном несоответствии по данному вопросу с рядом других отраслей российского права (и их доктрин). Во-первых, положения ч. 2 ст. 28 ГК свидетельствуют о частичной дееспособности ребенка с 6 лет: если он вправе заключать мелкие бытовые сделки, то, значит, и нести обязанности по ней (например, произвести оплату товара). Во-вторых, нормативы ст. 43 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» не только предписывают обязанности школьников выполнять учебные задания, соблюдать учебную дисциплину, но и разрешают администрации школы привлекать их по завершении начального обучения, то есть примерно с 10 лет, к дисциплинарной ответственности. Какие-то странные у нас «разноотраслевые» дети.

Можно также поставить риторический вопрос: а дети в дошкольном учреждении не обязаны выполнять законные указания воспитательницы? И аналогичный: а дети, участвующие в киносъёмках, не обязаны действовать по воле режиссера? (Контракт, заключенный их родителями, это предполагает). И т. д., и т. п. Достижение же несовершеннолетними 14 лет обогащает их статус и правом выбирать место жительства, и правом на заключение брака (при наличии регионального на то закона), и правом на самостоятельную судебную защиту по семейно-правовым вопросам,

О поправках см. также статью в первом номере Вестника за текущий год [16].

⁶ Хотя в принципе готовы, совместно с К. Богомоловым, отцепить российский вагон от безумного поезда западного направления следования.

и право-обязанностями в отношении своих детей, рожденных вне брака... Более того, 14 лет – минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности за ряд тяжких преступлений. Или речь идет о праве быть привлеченным к одной ответственности???... Между тем даже для детей данного возраста в СК РФ нет указания на какое бы то ни было должностовование. Нонсенс и еще раз нонсенс. Все это свидетельствует о необходимости разумной корректировки семейного закона с учетом возрастных ступеней детства.

Одним из аргументов против закрепления общего положения об уважении детьми родителей (других воспитателей?) в началах семейного законодательства и главе 11 СК РФ является отрицание за декларацией юридичности: нет конкретной ответственности за неисполнение обязанности – нет и самой обязанности. Да, по общему правилу это так. Однако что-то мы такое слышали про исключения из общего правила, которые его подтверждают... Кроме того, декларации-обязанности обычно все же подкреплены последствиями своего неисполнения, пусть и опосредованно, косвенным образом. Так, следствием декларации о взаимной поддержке членов семьи (ст. 1 СК РФ) может быть возникновение алиментного обязательства, или отступление от равенства долей при разделе общесупружеского имущества, или, наконец, следствием ненадлежащего поведения ребенка – помещение его в специнтернат. И т. д.

Кроме того, нравственные конструкты, в том числе конструкты-декларации, в ряде отраслей российского права традиционно внедрены в его ткань и юридически значимы, являясь в том числе предпосылкой для формулирования аналогичных предписаний в конкретных институтах. Например, в цивилистике (и гражданско-правовой, и семейно-правовой сферах) флагманом подобного рода выступает конструкция добросовестности, добрых нравов. В пространстве же семейного права таких конструктов неизмеримо больше – «достойное поведение», «взаимоуважение», «нравственное развитие» и др. [6, с. 53–65; 17, с. 57–58]. Следовательно, опасливое отношение к декларативным юридическим формулировкам не имеет под собой безусловного основания [18].

Из иных декларативных образцов наиболее актуальным является конструкция из области медицинского законодательства – обязанности гражданина заботиться о сохранении своего здоровья. Данная обязанность предусмотрена нормой ч. 1 ст. 27 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Она фрагментарно конкретизирована в правилах ч. 2 (об обязательных медосмотрах в предусмотренных законом случаях; обязанности медобследования в связи с опасными заболеваниями, соответствующего лечения и профилактики) и ч. 3 (об обязанности соблюдать режим лечения в период временной нетрудоспособности).

Данная обязанность конкретизируется также многочисленными ведомственными нормативно-правовыми актами. Однако за пределами данной конкретизации обязанность остается не просто декларативной, а спорной с точки зрения ее права на существование. Главным контрагратом в данном вопросе выступает конструкция права распоряжаться своей жизнью, которая, в свою очередь, является частью содержания права на жизнь. Последнее включает в себя «право родиться» (также не бесспорное или, по крайней мере, не абсолютное, так как ему противостоит право женщины принимать решение о вынашивании плода), право рисковать своей жизнью (в результате выбора профессии с опасными условиями труда, занятий опасными видами спорта или незапрещенными видами развлечений, участия в испытаниях и исследованиях технических средств, вакцины и пр.), в каком-то условном смысле – «право на самоубийство» и право на эвтаназию по законодательству некоторых стран (непременно – Нидерландов и Бельгии) [19]. Соответственно праву на жизнь корреспондирует обязанность государства и других граждан воздерживаться от нанесения ущерба здоровью и от покушения на жизнь конкретного человека.

Очевидно, что если хотя бы в определенной мере гражданин обладает законной возможностью рисковать своей жизнью, то у него неизбежно возникают правомочия, кроме специальных случаев (ст. 27 означенного ФЗ), не проявлять заботы о своем здоровье (в понимании указанного ФЗ), а следовательно, и не быть субъектом рассматриваемой обязанности⁷. В доктрине предпринимаются попытки найти тонкую грань между обязанностью и необязанностью [20]. В частности, отмечается, что выходить в толковании первой за пределы случаев, прямо предусмотренных законом, опасно, чревато недоразумениями. Так, если квалифицировать ее как всеобщее долженствование, то придется изобретать меры воздействия на граждан, не принимающих зимой и ранней весной витамины (а ведь – авитаминоз!), игнорирующих утреннюю гимнастику (сними подтверждающее видео, в противном случае – делай зарядку в перерыв от работы, под контролем ответственного сотрудника), одевающих не по погоде (а как быть с купающимися в проруби?), поглощающих вредную пищу (заколотим двери кафе с фастфудом), употребляющих алкоголь сверх рекомендованной врачом персональной нормы (25 г коньяка после работы – для кардиокомфорта)... А для обеспечения механизма контроля за соблюдением такой комплексной обязанности – всех сосчитать,

⁷ Кстати, возможно, и в этой ситуации следует размышлять о своеобразной конструкции право-обязанности.

оцифровать и зачипировать. И создать специальное Ведомство – в духе Оруэлла или Замятина⁸.

Однако поупражняться в трепетной заботе о здоровье граждан можно и в пространстве обязывающих нормативов, предусмотренных ст. 27 ФЗ: предусмотреть, например, ежегодное подтверждение инвалидности для человека, лишенного ног (лишь недавно ушло в историю медицины); обязывать раз в три дня посещение больным поликлиники для продления больничного; требовать обязательного предварительного посещения терапевта (с записью на прием за месяц), чтобы проконсультироваться у другого врача; настаивать на выполнении норматива о ежегодном прохождении медицинского осмотра для продления трудового договора в период пандемии⁹... И т. д. Список можно продолжать еще долго. Впрочем, это уже разговор не о наличии/отсутствии обязанности, а о бюрократической потребности обесточить ее от духовного начала.

Таким образом, конструкция обязанности предполагает несколько сущностей (классическую, декларативную, квазидекларативную) и вариантов взаимодействия в рамках пары «право-обязанность». Она также явным образом нуждается как в расширении сферы своего применения (например, распространении на детей, с дифференциацией по возрасту), так и уточнении ее (дабы юридическая сила обязанности не обрушилась на не подозревающего о таковой опасности гражданина).

⁸ Если декларативная обязанность детей уважать своих родителей и помогать им ассоциируется с темой «ангел пролетел...», то обязанность по сохранению своего здоровья, в ее декларативной части, чревата ассоциацией с «улыбкой сатаны».

⁹ В том числе для 65 плюс, о которых – забота особая: постоять в очереди в регистратуру вместе с «бесимптомной» молодежью, зачем-то нанести визит, согласно записи в медкнижке, к стоматологу (с кариесом работать по профессии нельзя) и т. п.

Ссылки

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1905. 795 с.
2. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Т. 3. М., 1965. 495 с.
3. Нечаева А. М. Обязанности по воспитанию детей в свете новой Конституции СССР // Развитие законодательства о браке и семье. М., 1978. 159 с.
4. Нечаева А. М. Семейное право. Актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2007. 280 с.
5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 411 с.
6. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.

7. Тарусина Н. Н. Семейное законодательство: «50 оттенков неопределенности» // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 50–53.
8. Леженин В. Н. Правовые вопросы семейного воспитания детей. Воронеж, 1992. 151 с.
9. Явич Л. С. Сущность права. Л., 1985. 208 с.
10. Рабец А. М. Проблемы укрепления нравственных начал в нормах о личных неимущественных правах и обязанностях родителей и детей // Научные труды РАЮН. М., 2003. № 3. С. 161–163.
11. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. СПб. Т. 3. 784 с.
12. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. 512 с.
13. Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009, 616 с.
14. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. М.: Проспект, 2019. 176 с.
15. Матвеева Н. А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 25–28.
16. Тарусина Н. Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 1. С. 64–75.
17. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Начала правового регулирования семейных отношений: проектные предположения // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 56–61.
18. Тарусина Н. Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 1. С. 254–273.
19. Тарусина Н. Н. Право распоряжаться своей жизнью: актуализация социально-политического контекста в условиях пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 166–181.
20. Шишков С. Н., Полубинская С. В. Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность // Государство и право. 2020. № 10. С. 81–89.

Constitutional amendments and revision of the Constitution of the Russian Federation: features of the 2020 procedure

S. P. Kazankov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-232-241

Research article
Full text in Russian

The article discusses the issue of the procedure for changing the Constitution of the Russian Federation. Examples of norms of foreign constitutions are given, which constitutionalists recognize as rigid constitutions in the order of their amendment. The ways of changing the Constitution of the Russian Federation are considered: revision, adoption of amendments, amendment of Art. 65. Identified problems such as the form of the amendment to the Constitution, the moment of entry into force of the amendment, the introduction by the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 2020 a nationwide vote as an additional condition for the entry into force of the amendment, as well as additional powers of the Constitutional Court of the Russian Federation to verify compliance with Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation that have not entered into force, as well as the procedure for the entry into force of Art. 1 of the Amendment Act. The critical notes are offered. In particular, the author comes to the conclusion that the approval of the constitutional amendment by the parliaments of the constituent entities of the Russian Federation is not a moment, but a condition for its entry into force, therefore, the law on the amendment cannot introduce additional conditions for the entry into force of constitutional amendments, since this leads to a violation requirements of Art. 136 of the Constitution, which cannot be amended by the federal parliament in the manner prescribed by chapter 9 of the Constitution.

Keywords: revision of the Constitution; adoption of an amendment to the Constitution; the law on an amendment

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kazankov, Sergey P. | E-mail: sergeykazankov@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Конституционные поправки и пересмотр Конституции РФ: особенности процедуры 2020 года

С. П. Казанков¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-232-241
УДК 342.4

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье рассматривается вопрос о порядке изменения Конституции Российской Федерации. Приводятся примеры норм иностранных конституций, которые конституционалисты признают жёсткими конституциями по порядку их изменения. Проанализированы способы изменения Конституции РФ: пересмотр, принятие поправок, изменение ст. 65. Особое внимание уделено процедуре принятия поправок к Конституции РФ. Выявлены такие проблемы, как форма поправки к Конституции, момент вступления поправки в силу, введение Законом РФ о поправке к Конституции РФ 2020 г. общероссийского голосования как дополнительного условия вступления поправки в силу, а также дополнительных полномочий Конституционного Суда РФ по проверке соответствия главам 1, 2 и 9 Конституции РФ положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ, не вступивших в силу, а также порядка вступления в силу ст. 1 Закона о поправке. Высказываются соответствующие критические замечания. В частности, автор приходит к выводу, что одобрение конституционной поправки парламентами субъектов РФ является не моментом, а условием вступления в её в силу. Следовательно, закон о поправке не может вводить дополнительных условий вступления в силу конституционных поправок, поскольку это ведёт к нарушению требований ст. 136 Конституции, которые не могут быть изменены федеральным парламентом в порядке, предусмотренном главой 9 Конституции.

Ключевые слова: пересмотр Конституции; принятие поправки к Конституции; закон о поправке

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казанков, Сергей Петрович | E-mail: sergeykazankov@mail.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Совершенно очевидно для доктрины, законотворчества и правоприменения, что изменение нормы конституции любого государства как ее основного закона влечёт за собой модификацию целой цепочки норм различного

© Казанков С. П., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

уровня и формирование новой практики её реализации. Этот процесс может быть достаточно длительным – до момента, пока сформируется практика реализации новых конституционных норм. А это порождает ситуацию длительной правовой неопределённости в регулировании общественных отношений. Понимание этого явственным образом подтверждает необходимость ее стабильности как основного закона и достаточно осторожного подхода при решении вопроса о возможности её изменения, тем более изменения значительного.

Требование стабильности обуславливает то, что многие современные конституции являются жёсткими – предусматривают более сложный порядок их изменения по сравнению с обычными законами, с тем чтобы сиюминутные политические интересы (например, стремление продлить срок полномочий государственного органа, расширить его компетенцию, перераспределить полномочия между органами государственной власти, нарушив баланс между ними, и т. д.) не могли реализовываться без одобрения большей частью общества, нежели простое представительное большинство. Для этих целей предусматривается либо проведение референдума, что соответствует учредительному характеру конституции, либо принятие документа представительным органом (в качестве такового может выступать регулярный парламент или специально созданный орган – собрание, конвент), как правило, квалифицированным большинством голосов его членов. К таковым можно отнести конституции Франции, ФРГ, Италии, КНР, Бразилии [1, с. 310, 437, 537, 750, 1046].

Так, например, для изменения французской конституции предусмотрены два этапа: принятие поправок и их одобрение на референдуме либо принятие их Парламентом, созываемым в формате Конгресса (ст. 89 Конституции Франции 1958 г.)¹. Согласно ст. 79 (2) Основного Закона ФРГ² порядок его изменения не слишком сложный, тем не менее любой закон о поправке принимается двумя третями членов Бундестага и двумя третями голосов членов Бундесрата. Достаточно непросто изменить итальянскую Конституцию: её ст. 138 предусматривает, что законы, вносящие поправки в Конституцию и другие конституционные законы, должны обсуждаться палатами дважды; во время второго обсуждения одобрение закона осуществляется абсолютным большинством голосов; если в течение трёх месяцев после их опубликования одна пятая членов Палаты или пятьсот тысяч избирателей или пять областных советов сделают запрос о необходимости проведения референдума, то рассматриваемые законы выносятся на референдум

¹ Конституция Французской Республики 1958 г. // Конституционный Совет Французской Республики. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur> (дата обращения: 23.02.2021).

² Основной Закон Федеративной Республики Германии 1949 г. // Федеральный Конституционный Суд Федеративной Республики Германии. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html#p0414 (дата обращения: 23.02.202).

и принимаются большинством голосов. Только после соблюдения означенной процедуры следует их официальное опубликование³.

Конституция США (ст. V) также является одной из самых жёстких в мире [2, с. 56]. Проект поправок к ней оформляется в виде объединённой резолюции, для принятия которой необходимо одобрение либо двумя третями голосов членов Сената и двумя третями голосов членов Палаты представителей Конгресса США, либо, если такое требование выдвинуто законодательными органами двух третей штатов, – специальным Конвентом. После этого следует процедура ратификации проекта поправок законодательными органами трёх четвертей штатов либо конвентами трёх четвертей штатов. Одобрение поправок штатами завершает процедуру. На практике применялся первый вариант. Только для принятия XXI поправки был использован второй способ. История соответствующих конституционных поправок и их немногочисленность явным образом подтверждают крайне осторожное отношение американского политического истеблишмента к изменению основного закона своей страны.

К жёстким относится и Конституция Российской Федерации 1993 года. Порядок её пересмотра, принятия поправок и изменения определён главой 9, которая относится к одной из трёх «защищённых» глав (наряду с главами 1 и 2) и, согласно ч. 1 ст. 135, ни при каких обстоятельствах не может быть пересмотрена федеральным парламентом. Последний может лишь поддерживать предложение о пересмотре положений глав 1, 2 и 9 квалифицированным большинством (тремя пятими голосов от общего числа сенаторов и депутатов Государственной Думы), что становится основанием для созыва Конституционного Собрания в соответствии с федеральным конституционным законом, который до сих пор не принят. При этом Конституционное Собрание не изменяет главы 1, 2 и 9, а обладает двумя полномочиями: 1) подтвердить неизменность Конституции РФ, 2) разработать проект новой Конституции. В случае принятия второго решения проект принимается либо самим Конституционным Собранием двумя третями голосов от общего числа его членов, либо всенародным голосованием. Конституция не предусматривает возможности изменения раздела II, касающегося вопросов перехода от прежней конституции к новой, а также преамбулы. Таким образом, глава 9 допускает принятие поправок к главам 3–8 Конституции (ст. 136) и изменение её статьи 65, которая определяет состав РФ. Изменения в ст. 65 вносятся федеральным конституционным законом (далее – ФКЗ); если в состав РФ принимается и в составе РФ образуется новый субъект Федерации, изменяется конституционно-правовой статус субъекта. В слу-

³ Конституция Итальянской Республики 1947 г. // Конституционный Суд Итальянской Республики. URL: https://www.cortecostituzionale.it/documenti/download/pdf/The_Constitution_of_the_Italian_Republic.pdf (дата обращения: 23.02.2021).

чае когда изменяется наименование субъекта РФ, новое наименование вводится в статью указом Президента РФ (ст. 137)⁴.

В 1998 г. был принят Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации»⁵ (далее – ФЗ 1998 г.), предметом правового регулирования которого стали порядок и условия внесения, принятия, одобрения и вступления в силу поправок к главам 3–8 Конституции Российской Федерации, а также порядок внесения изменений в её статью 65. Можно предположить, что столь сложная процедура для конституционных поправок, к тому же дифференцированная в зависимости от их содержания, была обусловлена как объективными (соображения о необходимости стабильности конституционной основы российской государственности), так и субъективными причинами (в том числе ориентацией в означенный период времени на те или иные западные конституционные образцы). Однако с этой процедурой необходимо считаться. Если политические задачи и ориентации существенно меняются, ситуация в стране требует реформирования основного закона, следует предельно корректно, пусть и более затратно по времени и энергетике, осуществлять организацию соответствующего процесса.

Остановимся более подробно на порядке принятия поправок к главам 3–8, поскольку процедура принятия поправок в 2020 году, определённая Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁶ (далее – Закон о поправке 2020 г.), подверглась некоторым изменениям, в связи с чем данный вопрос приобрёл ещё большую актуальность. Как справедливо отмечается в доктрине, в процедуре принятия поправок к Конституции можно обнаружить элементы, введённые *ad hoc*, без достаточно веских оснований; данное решение «оставляет на представлениях об учредительной власти отпечаток чрезвычайного характера» [3, с. 14].

Как мы установили ранее, ст. 136 Конституции определяет порядок принятия поправок к её главам 3–9. Во-первых, этот порядок должен быть аналогичным порядку принятия ФКЗ. Во-вторых, для вступления поправок в силу требуется их одобрение парламентами минимум двух третей субъектов Российской Федерации. Федеральный закон 1998 г. раскрывает

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1995 № 15-П «По делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49, ст. 4868.

⁵ Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Российская газета. 1998. 10 марта.

⁶ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2020).

понятие поправки – это любое изменение текста глав 3–8: исключение, дополнение, новая редакция любого положения названных глав.

Поправки принимаются в форме закона РФ о поправке к Конституции РФ. Следует отметить, что последняя не предусматривает такой вид закона. В связи с неопределенностью в понимании ст. 136 Конституции по запросу Государственной Думы Конституционный Суд РФ дал её толкование в части определения наименования и правовой формы документа, которым оформляется поправка к Конституции. Суд обнаружил наличие пробела в ст. 136, поскольку она не называет документ, которым вносятся конституционные поправки. Норма о том, что поправка принимается в порядке, предусмотренном для принятия ФКЗ, не означает, что этим документом должен быть именно ФКЗ. И Суд обосновал данное предположение: ФКЗ принимается во исполнение Конституции, на основе её бланкетных норм, то есть в случаях, прямо ею предусмотренных, поэтому использование документа означенной формы привело бы к невозможности внести поправки в Конституцию, поскольку поправка изменяет Основной закон, становится его частью, что нельзя сказать о ФКЗ. Конституционный Суд пришёл к выводу, что поправка должна вноситься специальным правовым актом о конституционной поправке, который имеет особый статус и отличается от уже имеющихся видов законов. Так, в порядке официального толкования Конституционным Судом ст. 136 Конституции РФ в России «появился» четвёртый вид закона – закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации (далее – закон РФ о поправке)⁷. При этом, как отмечает Н. Е. Таева, Суд выделил его специальные юридические свойства: 1) особый порядок принятия; 2) особая юридическая сила; 3) особый предмет правового регулирования [4, с. 45]. Важное значение для нашего исследования будет иметь особый предмет правового регулирования данного закона, представление о котором со временем подверглось изменению в практике Конституционного Суда РФ. Позиция Суда была отражена в ФЗ 1998 г., который подробно урегулировал порядок принятия закона РФ о поправке.

Следует обратить внимание на то, что согласно ст. 136 Конституции РФ поправки вступают в силу после их одобрения парламентами минимум двух третей субъектов РФ. Такая же формулировка содержится в Постановлении Конституционного Суда РФ 1995 г. Это даёт основание некоторым учёным полагать, что закон о поправке вступает в силу сразу после установления Советом Федерации результатов рассмотрения закона о поправке субъектами РФ (вынесения постановления об этом) [5, с. 19; 6, с. 18]. В то же время, как следует из ФЗ 1998 г., Государственная Дума «одо-

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.1995 № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 45, ст. 4408 (далее – постановление КС РФ 1995 г.).

брюет» проект закона РФ о поправке (ст. 5), в Совете Федерации закон РФ о поправке «считается принятым» (ст. 6), Председатель Совета Федерации в соответствии с предписаниями ст. 7 и 8 публикует и направляет для рассмотрения в парламенты субъектов РФ уже закон РФ о поправке. Вступает в силу закон со дня его официального опубликования Президентом РФ после установления результатов рассмотрения субъектами РФ (ст. 13). При этом следует обратить внимание, что в самих ранее принятых законах РФ о поправке указывается об «одобрении» их палатами российского парламента. Имеет место несоответствие формулировок законов о поправке терминологии ФЗ 1998 г. Тем не менее очевидно, что в данном случае одобрение поправки не менее чем двумя третями субъектов РФ является не моментом, а условием вступления поправки в силу.

В чём состоят особенности процедуры, определённые Законом РФ о поправке 2020 года? Собственно поправки в Конституцию содержатся в ст. 1 указанного закона, который был принят в соответствии с порядком, установленным ст. 136 Конституции РФ и ФЗ 1998 г.: 11 марта 2020 г. одобрен Государственной Думой и Советом Федерации Федерального Собрания РФ, 14 марта Совет Федерации установил, что 85 субъектов РФ рассмотрели и одобрили Закон РФ о поправке и постановил направить закон Президенту РФ для подписания и обнародования⁸. В тот же день 14 марта 2020 г. Президент РФ, как это предусмотрено п. 2 ст. 12 ФЗ 1998 г., подписал и обнародовал данный закон (на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>), который сразу вступил в силу. Воистину данный скоростной режим впечатляет...

Следует заметить, что 14 марта 2020 г. вступили в силу не поправки к Конституции РФ (статья 1), а нормы ст. 3, которые определяют порядок вступления в силу статьи 1, по существу наделяющие Конституционный Суд РФ новыми полномочиями проверить соответствие положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ положений данного Закона, которые не вступили в силу, а также о соответствии Конституции порядка вступления в силу статьи 1 Закона. В случае положительного заключения Конституционного Суда должна была вступить в силу ст. 2 Закона о поправке, которая содержит нормы избирательного права, регулирующие порядок проведения всероссийского голосования, назначаемого по инициативе Президента РФ и указом Президента РФ (ч. 2 ст. 2). 16 марта 2020 г. такое заключение Конституционным Судом было дано. Суд установил, что процедура принятия закона о поправке, предусмотренная ст. 136 Конституции, соблюдена,

⁸ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 14.03.2020 № 98-СФ «Об установлении результатов рассмотрения законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2020).

с чем трудно не согласиться. Конституционный Суд данной нормой не указан в качестве субъекта, участвующего в процедуре изменения Конституции, однако признал своё участие допустимым по двум причинам: во-первых, Суд выступает в данном случае гарантом защиты норм об основах конституционного строя и важнейших прав и свобод человека; во-вторых, он обеспечивает непротиворечивость текста Конституции⁹.

Конституционный Суд признал своё право осуществлять предварительный конституционный контроль положений закона РФ о поправке, не вступивших в силу (абз. 4, 5 п. 2 Заключения). Он также указал, что не оценивает, насколько согласованы нормы Закона РФ о поправке 2020 г. и ФЗ 1998 г. в части вступления в силу конституционных поправок со дня опубликования результатов голосования при условии, если такие поправки будут одобрены. При этом Суд отметил, что Закон 2020 г. в части процедуры является правовым актом специальным и более новым, обладающим большей юридической силой. В этой связи согласимся с мнением Н. Е. Таевой, которая полагает, что не следует рассматривать Закон 1998 г. и Закон о поправке 2020 г. как общий и специальный; между ними недопустимо установление соотношения по юридической силе в зависимости от времени принятия, поскольку данные акты имеют разный предмет правового регулирования [4, с. 51; 7].

Что касается введённого Законом 2020 г. всероссийского голосования как условия вступления в силу поправок, Конституционный Суд заключил, что проведение голосования, не предусмотренного действующими нормами права, допустимо. При этом определил возможную цель такого нововведения – конституционная легитимация решения законодателя, а также принцип народовластия, которым законодатель руководствовался при принятии данного решения (абз. 5 п. 2.1 Заключения). В доктрине отмечается, что проведённое в 2020 г. голосование имеет особую юридическую природу, не является референдумом или общественным обсуждением проектов законов, преследует цель дополнительной легитимации изменений Конституции [8, с. 70].

Однако следует отметить, что в п. 185 Доклада о конституционных поправках (CDL-AD (2010) 001) указано: референдумы должны использоваться, если это соответствует конституционному строю государства в целом, они не должны проводиться, если это прямо не предусмотрено конститу-

⁹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.03.2020).

ции¹⁰. Несмотря на то что проведённое голосование референдумом не является, его вряд ли следовало проводить без прямого указания на то в Конституции РФ. Вызывает сомнение и введение всероссийского голосования в обход уже существующих норм избирательного права. Впрочем, в контексте поставленных политических задач это, конечно, имеет вполне очевидное объяснение.

Таким образом, закон о поправке, который был принят в соответствии с главой 9 Конституции, не вносил изменения в Конституцию. После принятия в соответствии с данной процедурой «активировались» положения этого Закона, содержащие нормы избирательного права, а также касающиеся полномочий Конституционного Суда РФ. Вместе с тем нелишне подчеркнуть, что любой нормативный правовой акт имеет предмет своего правового регулирования, который может быть заранее определён конституцией или законом. Например, федеральные законы могут приниматься как в случаях, прямо указанных в Конституции РФ, так и в иных случаях, если вопрос относится к ведению федеральных органов государственной власти или совместному ведению РФ и субъектов РФ в соответствии со ст. 1 и 72 Конституции РФ. Федеральные конституционные законы, как уже было отмечено выше, принимаются в случае наличия бланкетной нормы Конституции, то есть когда это прямо Конституцией предусмотрено. Правда, имела место практика, согласно которой ФКЗ принимаются и по иным вопросам, когда необходимо соответствующим нормам придать более высокую юридическую силу.

В любом случае и федеральные, и федеральные конституционные законы предусмотрены в качестве видов законов РФ действующей Конституцией. Этого нельзя сказать о законе РФ о поправке. Данный вид закона, как мы установили, не был предусмотрен Конституцией, а был «выведен» Конституционным Судом РФ в порядке толкования. В Конституции РФ имелся пробел, который был Судом восполнен. В названии закона указан и предмет его правового регулирования – поправка к Конституции. Не порядок внесения поправки, а именно норма, которая вносится в Конституцию, а закон выступает в качестве формы внешнего выражения этой нормы. Не может быть предметом правового регулирования закона РФ о поправке порядок принятия поправки, поскольку это предмет правового регулирования «защищённой» от изменений главы 9. В определении от 17.07.2014¹¹ Конституционный Суд допустил, что закон РФ о поправке может содер-

¹⁰ Доклад о конституционных поправках (CDL-AD (2010) 001), принятый Венецианской комиссией на 81-м пленарном заседании (Венеция, 11–12 декабря 2009 г.). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2010\)001-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2010)001-rus) (дата обращения: 11.02.2021).

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1567-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верхов-

жать «положения переходного характера», которые не включаются в текст Конституции. Однако положения, наделяющие Конституционный Суд новыми полномочиями, а также вводящие избирательные процедуры и дополнительные для вступления поправок в силу условия, вряд ли можно признать положениями переходного характера. По нашему мнению, эти положения не соответствуют требованию 136 Конституции РФ о том, что поправки вступают в силу после того, как будут одобрены парламентами двух третей субъектов РФ, и, по сути, изменяют положения главы 9 Конституции, что вряд ли можно признать допустимым. Полагаем, что проанализированные нами и темпоральная, и сущностная составляющие деятельности по реформированию даже той части конституционных основ, которые в принципе могли быть подвергнуты изменению, нуждаются в более тонкой настройке. Процесс (перефразируя известную формулу доктрины), возможно, не всегда является «формой жизни материального закона», однако даже некоторое пренебрежение процедурой чревато повторением аналогичного пренебрежения в будущем. И если будущее нас интересует, то мы должны иметь это в виду.

ном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.07.2014).

Ссылки

1. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть: учебник / отв. ред. Б. А. Страшун. М.: Норма, 2008. 1136 с.
2. Шумилов В. М. Правовая система США. М.: Международные отношения, 2006. 408 с.
3. Джагарян А. А. Исправленному верить? Субъективные заметки в связи с Заключением Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 9–17.
4. Таева Н. Е. Закон Российской Федерации о поправках Конституции Российской Федерации: эволюция юридических свойств // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 43–54.
5. Тарибо Е. В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта: монография. М.: Норма, 2018. 256 с.
6. Евдокимов В. Б., Тухватуллин Т. А. Некоторые проблемы внесения поправок в Конституцию Российской Федерации (теория и практика) // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 4. С. 15–19.
7. Таева Н. Е. Закон Российской Федерации о поправках Конституции Российской Федерации: эволюция юридических свойств // Государство и право. 2021. № 2. С. 7–15.
8. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. 240 с.

Content of the term “corruption“ in international criminal law

L. L. Blashkova¹

¹Ugra State University, 16 Chekhova str., Khanty-Mansiysk 628012, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-242-247

Research article
Full text in Russian

The development of the processes of international integration and cooperation has led to the need to develop common rules for interstate interaction aimed at combating corruption crimes that pose a threat not only to national but also to international interests. This paper presents an analysis of the provisions of a number of sources of modern international criminal law on combating corruption. Attention is drawn to the absence in modern international law of a qualitatively formulated definition of corruption, as well as a system of its legally significant features. The absence of this definition creates difficulties in defining a strictly defined list of types of corruption crimes both in international and national criminal law.

Keywords: corruption; corruption crimes; international criminal law; legal signs of corruption; anti-corruption activities; UN Convention against Corruption

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Blashkova, Ludmila L. | E-mail: blashkovaugra@yandex.ru
Senior Lecturer

Содержание термина «коррупция» в международном уголовном праве

Л. Л. Блашкова¹

¹Югорский государственный университет, ул. Чехова, 16, Ханты-Мансийск, 628012,
Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-242-247
УДК 343.3

Научная статья

Полный текст на русском языке

Развитие процессов международной интеграции и сотрудничества привело к необходимости выработки общих правил межгосударственного взаимодействия, направленного на борьбу с коррупционными преступлениями, представляющими опасность не только для национальных, но и для международных интересов. В настоящей работе представлен анализ положений ряда источников современного международного уголовного права о противодействии коррупции. Обращается внимание на отсутствие в современном международном праве качественно сформулированного определения коррупции, равно как и системы ее юридически значимых признаков. Отсутствие данной дефиниции порождает трудности установления как в международном, так и в национальном уголовном праве строгого перечня конкретных видов коррупционных преступлений.

Ключевые слова: коррупция; коррупционные преступления; международное уголовное право; юридические признаки коррупции; антикоррупционная деятельность; Конвенция ООН против коррупции

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Блашкова, Людмила Леонидовна | E-mail: blashkovaugra@yandex.ru
Старший преподаватель

Высокая общественная опасность коррупции была известна ещё в эпоху Древнего мира. По мнению отдельных исследователей, высокоорганизованная коррупция стала действительной причиной уничтожения многих некогда процветающих античных государств [1; 2, с. 1074]. Однако достаточно продолжительный период мировой истории каждое государство пыталось решить проблему противодействия коррупции собственными силами, используя преимущественно уголовно-правовые и административные средства. Ситуация стала принципиально меняться вследствие развития буржуазных отношений и международного сотрудничества в экономи-

© Блашкова Л. Л., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ческой, военной, культурной и иных сферах деятельности. Эффективность обеспечения прав и законных интересов представителей различных сторон в международных отношениях стала иметь основополагающее значение в межгосударственных интеграционных процессах.

Международное право в области противодействия коррупции в настоящее время включает в себя значительное количество источников, принимаемых со второй половины XX века. Их анализ позволяет классифицировать все нормативные акты международного антикоррупционного законодательства на 1) общие; 2) региональные; 3) локальные (двусторонние).

Безусловно, наибольшее правовое значение, в т. ч. в области международно-правовой регламентации противодействия коррупции, имеют источники первой группы, которая включает в себя акты международного права, принятые в результате деятельности Организации Объединённых Наций (далее – ООН) – международной организацией, в состав которой входит наибольшее количество государств – субъектов международных отношений. Общий характер международные нормативные акты, принимаемые Генеральной Ассамблеей ООН, носят также в связи с глобальностью целей, ради достижения которых создана и функционирует эта организация: поддержание международного мира и обеспечение безопасности; развитие дружеских отношений между нациями; осуществление всеобщего международного сотрудничества и т. д. [3].

В части обеспечения безопасности и развития международного сотрудничества Генеральной Ассамблеей ООН приняты два специальных нормативных акта о противодействии коррупции. Первым из них является Декларация от 16.12.1996 о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях. Несмотря на всеобщий характер положений данного акта, для каждого государства, принявшего на себя обязательство по соблюдению его положений, а также для всех государств, которые являются участниками иных международных и региональных объединений, всё же он носит узкопрофильный характер, поскольку распространяет своё действие лишь на субъектов международной коммерческой деятельности [4].

Применительно к раскрытию содержания коррупции указанная Декларация не может признаваться источником, характеризующимся высоким техническим качеством нормативных предписаний. Толкование её норм позволяет сделать вывод о разнородности понятий «коррупция» и «взяточничество», хотя в действительности последнее является составной частью коррупции. В целом данный нормативный акт содержит описание общих направлений деятельности государств по предупреждению и профилактике «всех форм коррупции, взяточничества и связанных с ними противоправных действий в международных коммерческих организациях» [4]. Разработчики рассматриваемой декларации оставили разрешение

вопросов о содержании коррупции, преступлений и иных правонарушений, имеющих коррупционный характер, представителям законодательных органов власти государств – участников ООН.

Универсальным нормативным актом, определяющим основные начала противодействия коррупции во всём мировом сообществе, является заключенная в г. Нью-Йорк Конвенция ООН от 31.10.2003 против коррупции [5–6] (далее – Конвенция). В ст. 2 Конвенции содержатся имеющие юридическое значение термины, которые используются в тексте иных норм и, очевидно, должны быть имплементированы в законодательство тех государств, которые признали для себя обязательность положений этого международного акта. Судя по названию, коррупция является тем социально опасным явлением, для обеспечения регламентации противодействия которому и была разработана Конвенция ООН 2003 года. Но определения «коррупция» или «коррупционное преступление» Конвенция не содержит, что не позволяет однозначно решить вопрос о содержании указанных правовых категорий.

Бесспорная юридическая ценность Конвенции, которая многими исследователями признаётся в качестве основополагающего нормативного акта международного права в области борьбы с коррупцией [7, с. 96; 8, с. 34; 9, с. 71–72], заключается в обозначении круга криминализируемых деяний, содержащих в себе признаки данного социально негативного явления. Виды данных посягательств перечислены в статьях гл. 3 Конвенции «Криминализация и правоохранительная деятельность». Но с учётом недопустимости нарушения суверенитета государств, ратифицировавших Конвенцию, содержание норм, закрепляющих виды преступных посягательств, носит общий ориентирующий характер и не раскрывает всех юридически значимых признаков составов коррупционных преступлений. Так, в соответствии с Конвенцией видами криминальных деяний, формирующих основу коррупции, признаются следующие: подкуп (ст. 15, 16, 21), хищение или иное нецелевое использование имущества (ст. 17, 22), злоупотребление влиянием (ст. 18) или служебным положением (ст. 19), незаконное обогащение (ст. 20), легализация преступных доходов (ст. 23), сокрытие (ст. 24), воспрепятствование осуществлению правосудия (ст. 25). Перечень видов коррупционных посягательств, криминализация которых необходима для выполнения обязательств, взятых государствами при ратификации Конвенции, является исчерпывающим.

Выше мы указали, что приведенные нормативные акты ООН являются специальными источниками международного антикоррупционного права. Но было бы неверным оставить без внимания Конвенцию ООН от 15.11.2000 против транснациональной организованной преступности, принятую в г. Нью-Йорке. Этот нормативный акт не является специальным документом, регламентирующим организацию международного противодействия

коррупционной преступности, но и его нормами частично раскрывают содержание рассматриваемого явления. Так, в ст. 8 Конвенции от 15.11.2000 определены правила криминализации коррупции – действий, которые составляют сущность данного социально опасного явления. Толкование положений приведённой нормы позволяет признать наличие коррупционной составляющей в таких умышленно совершаемых деяниях, как:

а) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу «неправомерного преимущества» в обмен на совершение этим должностным лицом какого-либо действия или бездействия при выполнении своих служебных обязанностей;

б) вымогательство или принятие должностным лицом «неправомерного преимущества» в обмен на совершение какого-либо действия или бездействия при выполнении своих служебных обязанностей;

в) аналогичные перечисленным действия, которые совершаются иностранным публичным должностным лицом или международным гражданским служащим;

г) иные действия, которые в соответствии с Конвенцией ООН от 15.11.2000 каждое ратифицировавшее ее государство готово признать в качестве «других форм» коррупционных преступлений [10, с. 3–33].

Учитывая изложенное, можно констатировать, что в международных актах ООН, возможность ратификации которых предоставлена всем представителям международного сообщества, не содержится определения коррупции как социально опасного явления и обобщающей правовой дефиниции коррупционного преступления. В приведённых нормативных актах описываются лишь частные случаи коррупционного поведения, отдельные признаки составов преступлений, формирующих коррупцию. Дополнительно обращает на себя внимание использование законодательного приёма открытого перечня деяний, которые могут быть признаны в качестве коррупционных преступлений на уровне национального права, а могут и не признаваться таковыми законодателем конкретной страны.

С учетом специфики функций международного права это в принципе не может привести к блокированию антикоррупционной деятельности на уровне отдельного государства, ратифицировавшего соответствующие конвенции, равно как и к невозможности осуществления международного (межгосударственного) сотрудничества в области противодействия коррупции. Соблюдение принципов невмешательства во внутренние дела и уважения государственного суверенитета не позволяют ни ООН, ни иным международным организациям навязывать участникам международных отношений строго определённый перечень видов преступлений, которые обязательно должны были бы быть признанными коррупционными на уровне национального уголовного права. В этой части международ-

ное право выполняет только ориентирующую функцию для законодателя, представляющего государство – члена международного сообщества.

В то же время качественно сформулированное и закреплённое в нормах международного права определение коррупции, установление закрытого перечня её юридически значимых признаков обеспечило бы добротную юридическую основу для единообразного понимания сущности коррупции и фиксации видов коррупционных преступлений на уровне национального права. Согласованность норм международного и национального права, в свою очередь, обеспечило бы повышение степени эффективности противодействия коррупции, включая международное сотрудничество в области антикоррупционной деятельности.

Ссылки

1. Моммзен Т. История Рима: в 5 т. Т. 2, кн. 4 / под общ. ред. Н. А. Машкина. М.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1937. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1292333981> (дата обращения: 20.12.2020).
2. Tarn W, Griffith G. Hellenistic Civilization. London, 1952. 1090 с.
3. Устав Организации Объединённых Наций: принят в Сан-Франциско 26 июня 1945 года. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 20.12.2020).
4. Декларация Организации Объединённых Наций о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях: принята Резолюцией № 51/191 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1996 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bribery.shtml (дата обращения: 20.12.2020).
5. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции: принята Резолюцией № 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 20.12.2020).
6. Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединённых Наций против коррупции» // Российская газета. 2006. 21 марта.
7. Берестень В. И. Коррупция и её общественная опасность. Минск: РИВШ, 2005. 166 с.
8. Епифанов А. Е., Симон А. Л. Противодействие коррупции в международном сообществе (вопросы права) // Право и практика. 2011. № 1. С. 30–42.
9. Кулуева Ф. Г. Национальная стратегия противодействия коррупции и национальный план противодействия коррупции // Наука, техника и образование. 2020. № 1. С. 71–75.
10. Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности: принята Резолюцией № 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 3–33.

Strategies of behavior in conflict as indicators of satisfaction with the professional activity of university teachers

K. F. Mirakyan¹, A. A. Karpov²

¹Kursk State University, 33 Radishchev Str., Kursk 305000, Russian Federation

²P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-248-255

Research article
Full text in Russian

The realities of the time require the teacher to quickly respond to changes taking place in the education system, the dynamism of transformations increases, and it can contribute to increasing mental tension, in general, and increasing conflict tension, in particular. All this leads to an increasing interest in the psychology of pedagogical conflicts, both from the point of view of phenomenology and structure, and from the point of view of their influence on satisfaction with professional and pedagogical activity. The article presents the results of an empirical study to identify the specifics of correlations of strategies of behavior in conflicts and the level of satisfaction with the professional activities of university teachers, taking into account the stages of professionalization. The provisions on strengthening the influence of the role of behavioral strategies in conflicts in the assessment of professional satisfaction at the third and fourth stages of professionalization are formulated.

Keywords: strategies of behavior in conflict; professionalization; pedagogical activity; satisfaction with activity

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mirakyan, Karina F. | E-mail: telfi@yandex.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Karpov, Alexander A. | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
Doc. Sc. (Psychology), Professor

Стратегии поведения в конфликте как показатели удовлетворенности профессиональной деятельностью педагогов вузов

К. Ф. Миракян¹, А. А. Карпов²

¹Курский государственный университет, ул. Радищева, 33, Курск, 305000, Российская Федерация

²Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-248-255
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Реалии времени требуют от педагога быстрого реагирования на изменения, происходящие в системе образования; повышается динамичность преобразований, что может способствовать усилению психической напряженности в целом и увеличению конфликтной напряженности в частности. Все это обуславливает возрастающий интерес к психологии педагогических конфликтов как с точки зрения феноменологии и структуры, так и с позиций их влияния на удовлетворенность профессионально-педагогической деятельностью. В статье представлены результаты эмпирического исследования по выявлению специфики корреляций стратегий поведения в конфликтах и уровня удовлетворенности профессиональной деятельностью педагогов вуза с учетом этапов профессионализации. Сформулированы положения об усилении иногда влияния изучая роли очень стратегий опыт поведения веснин в конфликтах труда в оценке этого удовлетворенности анализ профессиональной более деятельностью на третьем только и четвертом этапах профессионализации.

Ключевые слова: поведение; конфликт; профессионализация; педагогическая деятельность; удовлетворенность деятельностью

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Миракян, Карина Федоровна | E-mail: telfi@yandex.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Карпов, Александр Анатольевич | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
Доктор психологических наук, профессор

Постановка проблемы. Современные условия реализации педагогической деятельности требуют от специалиста-педагога быстрого реагирования на изменения, развитие не только методических, дидактических, коммуникативных навыков, но и знание основ реализации электронного обучения,

© Миракян К. Ф., Карпов А. А., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

владение информационно-коммуникационными технологиями и многое другое. Вполне очевидно это может способствовать усилению психической напряженности в целом и увеличению конфликтной напряженности в частности. Все это усиливает интерес к психологии педагогических конфликтов как с точки зрения феноменологии и структуры, так и с позиций влияния данного феномена на удовлетворенность профессионально-педагогической деятельностью.

Наличие таких проблем обуславливают актуальность и необходимость осуществления разработок в области педагогической конфликтологии, которая изучает принципы, правовые нормы, институты в контексте их использования для предупреждения и разрешения конфликтов в педагогической деятельности. Это актуализирует разработку теоретико-методологических подходов, последовательных процедур разрешения основных конфликтов в системе педагогических отношений в общем и в высшей школе в частности.

Целью исследования является выявление специфики корреляций стратегий поведения в конфликтах и уровня удовлетворенности профессиональной деятельностью педагогов вуза.

Процедура и методы исследования. В ходе исследования были применены следующие эмпирические методы: наблюдение, беседа, тестирование, психодиагностические методы (Тест-опросник К. Томаса на поведение в конфликтной ситуации; Методика оценки интегральной удовлетворенности трудом (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов) [1], а также совокупность методов математико-статистической обработки данных.

Общий объем выборки составил 60 человек. Все испытуемые участвовали в исследовании на основе информированного согласия. Исследование осуществлялось в индивидуальной форме. Длительность исследования составляла 35–40 минут. В качестве дополнительной переменной была избрана длительность профессиональной деятельности. Все испытуемые были разделены на 4 группы (до 1 года; 1–3 лет; 3–5 лет; 5–10 лет).

Организация исследования осуществлялась последовательно в три этапа в соответствии с очередностью выделенных нами задач в рамках поставленной цели. На первом этапе осуществлялся анализ показателей стратегий поведения в конфликте педагогов вуза с учетом стажа деятельности. Задачей второго этапа исследования являлось изучение уровня удовлетворенности профессиональной деятельностью и уровень субъективного благополучия. Далее осуществлялся анализ значимости различий в проявлениях стратегий поведения в конфликте в зависимости от стажа деятельности. Задача третьего этапа – изучение системы взаимосвязей стратегий поведения в конфликте и уровня удовлетворенности профессиональной деятельностью методом корреляционного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. В исследовании удалось определить уровень удовлетворенности педагогической деятельностью, рассмотреть применяемые стратегии поведения в конфликте, выявить взаи-

мосьязь между этими феноменами, с одной стороны, и изучить особенности проявления данных феноменов в аспекте длительности педагогической деятельности – с другой. Результаты исследования позволяют делать выводы о профессиональном развитии педагогических работников высшей школы.

Осуществляя библиометрический анализ по ключевым словам «конфликт» на базе РИНЦ за последнее десятилетие (2010–2020гг.), было выявлено более 8 700 научных публикаций, что указывает на значительный исследовательский интерес к изучению различных аспектов феномена конфликт. Одновременно с этим наблюдается увеличение количества научных публикаций за анализируемый период, что еще более подтверждает актуальность данной проблематики.

При рассмотрении педагогических конфликтов большинство исследователей [2–3] обращает внимание только на обучение в школе, поскольку они могут быть классифицированы по трем обобщенным группам. В первую входят мотивационные конфликты, возникающие между педагогами и учащимися по причине слабой учебной мотивации учащихся, или, проще говоря, из-за того, что те либо не хотят учиться, либо учатся без интереса, по принуждению. Во вторую группу входят конфликты, связанные с организацией учебного процесса. Третью группу педагогических конфликтов составляют конфликты взаимодействия учащихся между собой, педагогов и школьников, педагогов друг с другом, педагогов и администрации школы.

В каждом случае для разрешения конфликта должны быть использованы различные приемы и способы, необходимо использовать множество разнообразных стилей разрешения конфликта: конкуренцию, приспособление, сотрудничество, компромисс и пр. Согласно положениям, изложенным в работах К. Томаса и Р. Килманна [4], стратегии поведения в конфликте определяются сочетанием установок на удовлетворение собственных интересов и на удовлетворение установок оппонента. Сообразно этим двум основным измерениям К. Томас описывает 5 стратегий регулирования конфликтов: противоборство (соперничество, удовлетворение своих интересов в ущерб интересам противоборствующей стороны); уступчивость (приспособление, ущерб собственным интересам ради интересов соперника); компромисс (соглашение между участниками конфликта, достигнутое путем взаимных уступок); избегание (уход, игнорирование, отсутствие стремления и к кооперации, и к достижению собственных целей); сотрудничество, (удовлетворение интересов обеих сторон). Любой из этих стилей может быть выбран в зависимости от той или иной ситуации, однако чаще всего используются приоритетные, привычные стили реагирования.

Сферой протекания педагогического конфликта является образовательная среда (образовательный процесс). В настоящее время в различных профессиональных сферах, включая педагогическую, актуальность приобретают различные аспекты удовлетворенностью деятельностью. Изучают

ся как внутренние, так и внешние факторы, обеспечивающие удовлетворенность профессиональной деятельностью.

Психологический анализ удовлетворенности может быть сосредоточен на модусе определения содержания данного понятия, с одной стороны, и изучении факторов и механизмов ее повышения – с другой.

Как уже было отмечено ранее, удовлетворенность трудом зависит от ряда факторов: оплата труда, санитарно-гигиенические условия, престиж профессии, стабильность занятости и др., все эти нашло свою представленность в научных работах отечественных и зарубежных авторов (А. Я. Кибанов, А. П. Егоршин, E. Lawler, L. Porter, J. R. Hackman, M. A. Keeley, H. Levinson и др.) [5–10].

Существует ряд данных о наличии взаимосвязи удовлетворенности трудом и стратегий разрешения конфликтов, однако они весьма противоречивы. Поскольку в педагогической деятельности существуют различные варианты возникновения конфликтов, а исход всегда должен удовлетворить все стороны, то существует большое влияние данного феномена на удовлетворенность и субъективное благополучие преподавателя. При этом в современной литературе представлено значительное число исследований о взаимовлиянии удовлетворенности профессиональной деятельностью и реакциях сотрудников организации на конфликт [11–12].

В проведенном нами исследовании доказывалась гипотеза о наличии связи между способами реагирования в конфликте и удовлетворенностью профессиональной деятельностью.

Для обработки результатов нами были использованы методы общей статистики – значения средней тенденции (табл. 1).

Таблица 1

Показатели значений средней тенденции стратегий поведения в конфликте

Стратегии поведения в конфликте	Стаж профессиональной деятельности			
	1 год	3 года	5 лет	10 лет
	Показатели средних начений $\bar{X} \pm \delta$			
Соперничество	3,5±0,7	2,0±0,4	3,1±1,7	2,3±0,1
Приспособление	7,6±1,8	5,3±1,4	4,2±0,4	6,6±0,2
Компромисс	8,2±1,3	10,6±0,3	8,9±1,1	11,2±1,3
Избегание	3,7±0,2	8,0±2,3	9,5±2,3	9,7±1,5
Сотрудничество	4,1±1,1	3,7±1,9	7,3±0,2	8,2 ±0,7

На начальном этапе (один год в доле соотношении) преобладали стратегии компромисса (высокие показатели выявлены у 33 % испытуемых) и приспособления (высокие показатели выявлены у 12 % испытуемых). Соперничество, как самый неадаптивный вариант реагирования в конфликте,

выявлен у 4 % испытуемых. По другим параметрам показатели находились в зоне средних и низких значений.

На втором этапе (3 года), когда прошел период адаптации к условиям труда) в долевом соотношении преобладали стратегии компромисса (высокие показатели выявлены у 27 % испытуемых), приспособление (высокие показатели выявлены у 12 %), избегания (высокие показатели выявлены у 7 %). Соперничество выявлено у 2 % испытуемых, что, по всей видимости, положительно влияет на конструктивность взаимодействия. По остальным стратегиям показатели располагаются в зоне средних и низких значений.

На третьем этапе (5–10 лет) в долевом соотношении также преобладала стратегия компромисса (высокие показатели выявлены у 47 % испытуемых). Среди предпочитаемых также отмечались стратегии избегания (высокие показатели выявлены у 4 % испытуемых), сотрудничества (высокие показатели выявлены у 2 % испытуемых). По другим параметрам показатели находятся в зоне средних и низких значений, хотя отмечается усиление соперничества (высокие показатели выявлены у 3 % испытуемых). Относительно других стратегий показатели находились в зоне средних и низких значений.

На четвертом этапе (более 10 лет) в долевом соотношении также преобладали стратегии компромисса (высокие показатели выявлены у 76 % испытуемых), избегания (высокие показатели выявлены у 9 % испытуемых), сотрудничества (высокие показатели выявлены у 6 % испытуемых). По другим стратегиям показатели находились в зоне средних и низких значений.

Выявлены специфические закономерности в профиле стратегий поведения в конфликте (рис. 1).

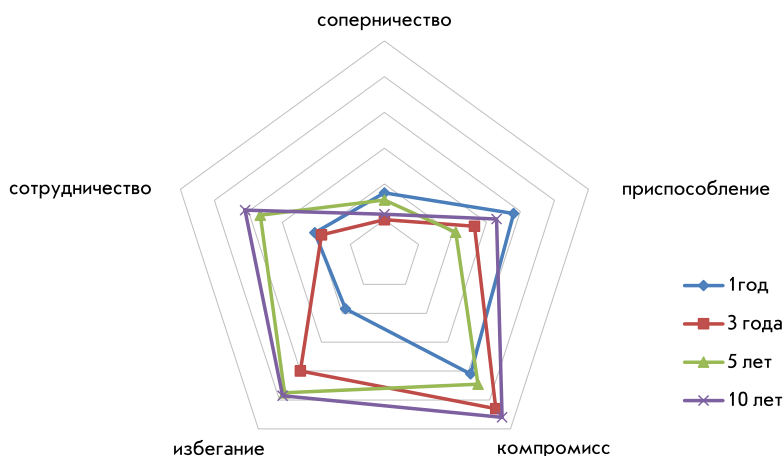

Рис. 1. Профили стратегий поведения в конфликте в зависимости от длительности профессиональной деятельности

Известно, что удовлетворенность профессиональной деятельностью рассматривается как состояние удовлетворения, возникающее у чело-

века после осознания им, что желаемая цель достигнута. Определение субъективного благополучия включает три признака. Первый признак – это так называемая добродетельная, «правильная» жизнь. Критерием благополучия является система ценностей, принятая в данной культуре. Вторым признаком соответствует удовлетворенности жизнью и связывается со стандартами респондента в отношении того, что рассматривается как хорошая жизнь. Третий признак связан с приятными эмоциональными переживаниями, которые либо объективно преобладают в жизни человека, либо человек субъективно склонен к ним [13].

В результате исследования уровня выраженности удовлетворенности профессиональной деятельностью в условиях педагогической деятельности с учетом ее организации были построены усредненные критериальные профили. При исследовании общего уровня удовлетворенности профессиональной деятельностью педагогов высшей школы выявлен средний уровень его выраженности ($X = 19,78 \pm 2,99$).

По результатам корреляционного анализа между показателями удовлетворенности профессиональной деятельностью и стратегиями поведения в конфликте с учетом длительности педагогической деятельности выявлены качественные особенности взаимодействия. Так, на первом этапе (до 1 года) выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи интегративного показателя удовлетворенность деятельности и показателей компромисс и приспособление ($K = 0,52; 0,39, p \leq 0,5$) и обратно пропорциональные взаимосвязи с показателем соперничество ($K = -0,69, p \leq 0,5$). На втором этапе (от 1 года до 3 лет) выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи интегративного показателя удовлетворенность деятельности и показателя компромисс ($K = 0,71, p \leq 0,5$). На третьем этапе (от 3 до 5 лет) выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи интегративного показателя удовлетворенность деятельности и показателей сотрудничество, приспособление ($K = 0,63; 0,51, p \leq 0,5$); обратно пропорциональные взаимосвязи с показателями избегание, соперничество ($K = -0,56; -0,49, p \leq 0,5$). На четвертом этапе (от 5 до 10 лет) выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи интегративного показателя удовлетворенность деятельности и показателей компромисс, сотрудничество ($K = 0,73; 0,47, p \leq 0,5$).

Выводы

1. В результате исследования установлено, что в зависимости от стажа (под влиянием вхождения в профессию) осуществляется трансформация профиля предпочитаемых стилей поведения в конфликте от неконструктивных стратегий к конструктивным.

2. После окончания профессиональной адаптации преподаватели сохраняют направленность на компромисс и сотрудничество; но чаще, чем на других этапах карьеры используют соперничество. Это может свидетельство-

вать о необходимости психологического сопровождения профессиональной адаптации и обучению конструктивным стратегиям конфликто разрешения.

3. Следует констатировать целесообразность проведения психологического сопровождения на начальных этапах профессиональной деятельности, поскольку структура взаимосвязей между удовлетворенностью трудом и стратегиями поведения в конфликте на этих этапах слабо интегрирована. Вместе с тем на третьем и четвертом этапах усиливается влияние роли стратегий поведения в конфликтах в оценке удовлетворенности профессиональной деятельностью, что повышает вероятность возникновения профессиональных деформаций (наибольшее количество статистически значимых корреляций выявлено на этих этапах).

Ссылки

1. Козлов В. В., Мазиллов В. А., Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М.: МАПН; Изд-во Института психотерапии, 2018. 716 с.
2. Козлов А. С., Левина Е. В., Эстрова П. А. Конфликтология социальных групп и организаций. М.: Ленанд, 2015. 272 с.
3. Hackman J. R., Lawler E. E. Employee Reactions to Job Characteristics // *Journal of Applied Psychology*. 1971. Vol. 55. P. 259–286.
4. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
5. Егоршин А. П., Гуськова И. В. Высшее образование России: состояние, проблемы и перспективы // *Бизнес. Образование. Право*. 2016. № 2 (35). С. 24–28.
6. Карпов А. А. Современная организационная психология. М.: МПСУ, 2018. 256 с.
7. Кибанов А. Я. Еще раз о парадигме и философии управления персоналом организации // *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2015. Т. 4, № 2. С. 6–8.
8. Lawler E. E., Rhode J. G. Information and control in organizations. Goodyear, 1976. 245 p.
9. Levinson H. Appraisal of What What Performance? // *Harvard Business Review* (July–August, 1976). P. 30.
10. Porter L. W., Lawler E. E. Managerial Attitudes and keeley Performance. Irwin-Dorsey, 1969. 182 p
11. Родина О. Н. Внешняя и внутренняя оценка успешности профессиональной деятельности // *Ежегодник Российского психологического общества*. 1995. Т. 1, № 2. С. 168.
12. Рыбакова М. М. Конфликт и взаимодействие в педагогическом процессе. М.: Просвещение, 1991. 128 с.
13. Пономарева Е. Ю. Психологические особенности удовлетворенности личности профессиональной деятельностью // *Проблемы современного педагогического образования*. Сер.: Педагогика и психология: сб. статей. Ялта: РИО ГПА КФУ, 2015. Вып. 48, ч. 1. С. 437–446.

Ethnic identity and peculiarities of coping behavior of people from interethnic marriages

S. A. Trifonova¹, V. V. Kozlov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-256-267

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of an empirical study of self-identification, ethnic identity and peculiarities of the transformation of ethnic identity among people from inter-ethnic marriages (Russian-Tatar families). A socio-psychological analysis of the specifics of coping behavior strategies among immigrants from families of ethnically mixed families, as well as immigrants from Russian and Tatar families is given.

Keywords: self-identification; ethnic identity; transformation of ethnic identity; marginality; coping behavior

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Trifonova, Svetlana A. | E-mail: sv-trif@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Kozlov, Vladimir V. | E-mail: kozlov@zi-kozlov.ru
Doc. Sc. (Psychology), Professor

Этническая идентичность и особенности совладающего поведения выходцев из межэтнических браков

С. А. Трифонова¹, В. В. Козлов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-256-267
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты эмпирического исследования самоидентификации, этнической идентичности и особенностей трансформации этнической идентичности у выходцев из межэтнических браков. Дается социально-психологический анализ специфики копинг-стратегий поведения у выходцев из смешанных по этническому признаку семей, а также у выходцев из русских и татарских семей.

Ключевые слова: самоидентификация; этническая идентичность; трансформация этнической идентичности; маргинальность; копинг-поведение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трифопова, Светлана Алексеевна | E-mail: sv-trif@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Козлов, Владимир Васильевич | E-mail: kozlov@zi-kozlov.ru
Доктор психологических наук, профессор

Межэтнические отношения являются для России важнейшим элементом социальной и политической реальности. Глобальные социально-экономические, политические и культурные изменения трансформируют этносоциальную реальность. К ее характерным признакам относятся: изменение этнополитических статусов этнических групп; процесс поиска новой адекватной реальности этнической, культурной и конфессиональной идентификации у представителей «титутельных» этносов и этнических меньшинств; рост этнических миграций и осознание необходимости аккультурации в новых культурных и политических условиях и др. [1]. Все это в той или иной степени привело к изменению социальной и этнической идентичности. Этот кризис требует разрешения, т. е. формирования гармонии на новом уровне с учетом изменившейся социальной реальности, удовлетворения потребности индивида в смысле, в понимании нового социального контекста и своего места в социуме.

© Трифонова С. А., Козлов В. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В связи с этим задача изучения этнической идентичности и ее трансформаций в условиях межэтнической напряженности особенно актуальна у молодежи, т. е. поколения, которое будет определять социальное и политическое развитие ближайшего будущего России как полиэтнического государства.

Кроме этого, количество людей, которые одновременно является носителями двух культур, становится все больше. При этом речь идет и о биологической метисации, и о жизни человека, социализация которого проходила в разных культурах, и о деклассированных элементах. Все эти случаи можно отнести к случаям маргинальности. При этом в своем исследовании мы будем исходить из определения маргинальной личности, данного Э. Стоунквистом, согласно которому «Маргинальный человек – это личность, покидающая в результате миграции, брака, получения образования одну группу или культуру. Не найдя приспособления к другой культуре, такая личность оказывается на периферии каждой из культур и не является членом ни одной из них, становясь пограничным человеком» [2]. Какими способами в ситуации социальной изменчивости человек, у которого нет «надежной группы поддержки», справляется с трудными ситуациями в своей жизни, как он их разрешает? На наш взгляд, изучение того, каким образом человеку удастся справиться с жизненными трудностями, к каким стратегиям прибегают люди, чтобы совладать с ними или предотвратить порождаемые ими эмоциональные нарушения, представляет большой теоретический и практический интерес. Выявление особенностей совладающего поведения в разных этнических группах и у выходцев из смешанных браков приблизит нас к пониманию механизмов, способствующих адаптации человека к жизненным ситуациям, в том числе и этническим, динамично меняющегося мира.

Понятие совладания – *coping behavior* – используется для описания характерных способов поведения человека в различных трудных ситуациях. Особое внимание уделяется выделению различных стратегий копинга, оценке их эффективности, формированию представлений о стилях и особенностях совладания представителей различных социальных и психологических категорий. Психологическое предназначение совладающего поведения состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать человека к требованиям ситуаций путем овладения, ослабления или смягчения этих требований, тем самым редуцируется стрессовое воздействие ситуаций [3–6].

Особый интерес для нас представляют исследования копинг-поведения у представителей различных этнических групп, в частности маргиналов. Так, А. А. Налчаджян, анализируя типы психологических защит, используемые маргинальными людьми, отмечает, что наиболее часто у маргинальных людей встречается механизм компенсации. Комплекс неполноценности у маргиналов компенсируется комплексом превосходства над другими людьми, хотя у людей данной категории встречаются и другие компенсаторные реакции: люди с разными личностными чертами реагируют на свою маргинальную ситуацию по-разному. Однако формирование у личности нового защитно-адекватного комплекса – комплекса превосходства над другими людьми – типичный случай сложной комплексной самозащиты. Другой за-

щитный механизм, используемый маргинальными людьми, – рационализация. С его помощью они «объясняют» свои конфликты и неудачные попытки стать членом господствующей эталонной группы, весь свой кризисный опыт. Одна из разновидностей рационализации – попытка части маргинальных людей «объяснять» свои трудности своей расовой и национальной принадлежностью. Наконец, агрессия – нередко используемый механизм в поведении маргинальных людей. Часть таких людей стремится к самовыражению и самоутверждению таким образом, что представители господствующего этноса определяют как «агрессивность» и «захватничество» [7].

В связи с этим важно проанализировать, на чем строится поведение в трудных ситуациях у выходцев из межэтнических браков, особенно этнических «маргиналов», которые «живут» в двух этнических культурах, возможно не причисляя себя ни к одной из них. Они часто испытывают внутренний конфликт. Ситуация этнической маргинальности для многих является трудной жизненной ситуацией, с которой они пытаются совладать, справиться, адаптироваться к ней. Этот конфликт создает психологическое напряжение, от которого человек-маргинал пытается избавиться с помощью неосознаваемых защит и сознательных копинг-стратегий.

Таким образом, целью исследования стало изучение особенностей этнической идентичности и ее трансформации, а также специфики копинг- и защитных стратегий поведения выходцев из смешанных по этническому признаку семей в сравнении с выходцами из моноэтнических семей.

В исследовании приняли участие 53 девушки и 37 юношей в возрасте 18–25 лет. Респонденты вошли в три группы: татары (15 девушек, 15 юношей), у которых оба родителя татары; русские (12 девушек, 18 юношей) – выходцы из семей, где оба родителя русские; этнические «маргиналы» (17 девушек, 13 юношей) – выходцы из русско-татарских семей. Работа проводилась в гг. Елабуге, Набережных Челнах и Нижнекамске. Выбирая данную возрастную группу, мы исходили из того, что именно для этого возраста характерна высокая степень готовности к новым образцам поведения и именно этот возраст является ключевым периодом формирования этнической идентичности и, следовательно, усвоения форм поведения, принятых в этносе [8–9].

В исследовании были использованы следующие методики: тест Куна-Макпартленда «Кто Я?», методика Г. У. Солдатовой «Типы этнической идентичности» [10, с. 189–194], опросник SACS – «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла, а также методы математической статистики (критерий χ^2 Пирсона, сравнение по среднеарифметическим показателям).

Результаты исследования. Ответы по тесту «Кто Я?» были подвергнуты контент-анализу. Основными смысловыми единицами, которые были подвергнуты контент-анализу, были объективные и субъективные социально-психологические характеристики. В число объективных вошли характеристики, связанные с социальным статусом, семейными ролями, полом, то есть с группами людей, к которым либо нельзя не принадлежать, существуя в обществе, либо принято принадлежать. Они разделяются на базовые (общечеловеческая, семейная, половая, возрастная, профессиональная при-

надлежности) и этнополитические (этническая, гражданская, религиозная, субкультурная) категории. Отдельно выделены специфические объективные характеристики, которые в России за последние десятилетия пополнили число групповых категорий, например беженец, безработный, бомж. В число субъективных характеристик входят самоидентификации, которые являются результатом особых жизненных обстоятельств, личностными признаками, позитивными и негативными самооценками (работяга, труженик, засоня, интернационалист).

Так, общечеловеческие характеристики («Я – человек», «живое существо», «*homo sapiens*») в своих ответах указали 20 % татар, 46,6 % русских и 80 % этнических «маргиналов». Все респонденты исследуемых групп указали семейный статус (все группы 100 %): «дочь», «сестра» или «сын», «муж». Профессиональные характеристики указали 60 % татар, 70 % русских, 50 % выходцев из смешанных браков: «будущий юрист», «педагог», «начинающий медбрат» и т. д. Свою половую принадлежность – «я девушка», «женщина» «мужчина» – обозначили 13 % татар, 30 % русских, 20 %. Среди указавших этническую характеристику – «я татарин», «русский» – 43 % татар, 23 % русских. У выборки выходцев из смешанных браков этническая характеристика не указана вовсе.

При ответе на дополнительный вопрос: «Какой вы национальности?» – все в татарской выборке определили себя как «татарин», «татарка», в русской выборке все назвали себя «русский», «русская». 10 % выходцев из межэтнических браков определили себя как русских, 16,7 % указали свою принадлежность к татарам. 73,3 % затруднились ответить на вопрос. После некоторого раздумья они говорили: «я человек двух наций», «у меня нет национальности», «я не знаю, какой я национальности и, наверное, никто не знает», «я полурусская и полутатарка» и т. д. (табл. 1).

Таблица 1

Процентное распределение показателей исследуемых групп по объективным характеристикам «Я образа»¹

Объективные характеристики	Русские		Татары		«Маргиналы»	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Общечеловеческая («человек», « <i>homo sapiens</i> »)	14	47	6	20	24	80
Семейная («дочь», «сестра», «мать», «сын»)	30	100	30	100	30	100
Профессиональная («юрист», «частный предприниматель», «педагог»)	21	70	18	60	15	50
Половая («девушка», «женщина»)	9	30	4	13	6	20
Этническая («русский», «татарин»)	7	23	13	43	0	-

¹ Остальные характеристики, указанные респондентами, являются субъективными (например, «оптимист», «мечтатель»).

Для ухода от переживаний, связанных с принадлежностью к этнической группе или с ее неопределенностью, индивиды могут использовать определенные стратегии: либо подчеркивать личностные особенности, т. е. предпочитать этнической и социальной идентичности личностную идентичность, либо опираться на гражданскую, космополитическую идентичность. Таким образом может быть достигнуто ощущение психологической стабильности и безопасности.

Результаты свидетельствуют именно о такой стратегии поддержания позитивного образа себя: при неясности, невозможности отнесения себя к той или иной этнокультурной группе маргиналы предпочитают выбирать общечеловеческие категории («я человек») и социальные группы, отличающиеся стабильностью и надежностью (семья).

Статистическая обработка методики Г. У. Солдатовой «Типы этнической идентичности» показала ряд интересных закономерностей (табл. 2).

Таблица 2

Среднеарифметическое распределение показателей типов трансформации этнической идентичности относительно позитивной этнической идентичности (нормы), в баллах, max балл = 25

Типы трансформации этнической идентичности	Выборка татар	Выборка русских	Выборка «маргиналов»
Этнонигилизм	8,7	9,2	7,6
Этническая индифферентность	12,2	16,8	21,6
Позитивная этническая идентичность (норма)	23,2	21,9	19,6
Этноэгоизм	10,1	9,6	9,9
Этноизоляциялизм	10,6	9,4	8,7
Национальный фанатизм	15,2	14,7	9,8

Вполне естественно индивидам демонстрировать позитивную этническую идентичность как норму отношения к собственной и другим этническим группам. Она характеризуется толерантностью и готовностью к межэтническим контактам. Однако это не предполагает эмоциональной однозначности отношений. Так, высокие показатели по данной шкале сочетаются с весьма весомыми оценками по шкале национального фанатизма в русской и татарской выборках. Татарская и русская выборки превосходят выборку выходцев из смешанных браков по показателям национального фанатизма ($X^2=59,1$, $p \leq 0,01$ и $X^2=57,2$, $p \leq 0,01$) соответственно. В группе «маргиналов» высокие показатели позитивной этнической идентичности сочетаются с еще большими показателями по шкале этническая индифферентность. Выборка выходцев из межэтнических браков превосходит русских ($X^2=52,6$, $p \leq 0,01$) и татар ($X^2=63,4$, $p \leq 0,01$) по данному показателю, то есть «маргиналы» стараются не замечать проблемы этнической идентичности, считают их незначимыми. Данное противоречие можно объяснить включением социально-психологических механизмов защиты, вытеснением этнических характе-

ристик из поля социальной идентичности личности и, как следствие, восприятием этнических проблем как незначачих для индивида.

Различия между татарами и русскими ($X^2=53,8$, $p\leq 0,01$) по шкале этнической индифферентности также значимы.

Таким образом, в группе татар более ярко выражено стремление к поддержанию позитивной этнической идентичности. Это стремление является естественным, поскольку позитивная этническая идентичность дает ощущения психологической безопасности, стабильности. Эти результаты косвенно подтверждаются достаточно значимыми показателями по шкале национального фанатизма. О стремлении поддерживать позитивную этническую идентичность говорят и результаты теста «Кто Я?». В татарской выборке наибольшее число респондентов, указавших этническую характеристику (43 %).

Согласно статистическим данным этнотрансформационные процессы в выборке русских и выборке «маргиналов» проходят по типу этнической индифферентности. Выборка русских отличается от татар значениями по шкале этническая индифферентность ($X^2=53,8$, $p\leq 0,01$), «когда люди практически равнодушны к проблемам этничности и межэтнических отношений» [11]. Этническая индифферентность русской выборки прослеживается в более редких, по сравнению с татарами, указаниях этнической характеристики (23 %) в тесте «Кто Я?». Маркер этничности заменяется общечеловеческой (47 %), семейной (100 %) и гендерной (30 %) идентичностями, то есть в структуре социальной идентичности этническая идентичность заменяется другими, более значимыми для этих людей в данной ситуации категориями. На наш взгляд, это может быть связано с оценкой титульной группы (татар) как имеющей более высокий статус, чем русская, или с тем, что этническая идентичность в этой выборке является значительно менее актуализированной, нежели другие социальные идентичности [12], потому что в регионе отсутствует ситуация межэтнической напряженности.

Выборка выходцев из межэтнических браков происходит превосходит русских ($X^2=52,6$, $p\leq 0,01$) и татар ($X^2=63,4$, $p\leq 0,01$) по показателю этнической индифферентности. Возможно, это связано с тем, что выходцы из межэтнических браков живут в двух разных культурах – русской и татарской и не могут отдать предпочтение какой либо из них. Об этом свидетельствует и то, что 73 % из них не определились со своей этнической принадлежностью.

В. П. Левкович, А. Д. Кузмикайте считают, что немаловажную роль в процессе выбора национальности выходцами из разнонациональных семей играет стремление принадлежать к одной из групп этнического большинства в регионе [13]. Татарстан – республика, в которой существуют две группы этнического большинства – русская и татарская, и, вероятно, поэтому выходцам из смешанных семей трудно выбрать одну национальность из двух. Скорее всего, именно поэтому самосознание у «маргиналов» трансформировались по типу этнической индифферентности – равнодушные к проблеме собственной этничности. Однако количество этнических «маргиналов», ука-

завших свою принадлежность к татарам, больше (16,7 %), чем к русской группе (10 %). Наверное, это связано с тем, что татары – титульный народ и имеет все-таки более высокий статус в обществе. А. Н. Дробижина считает, что принятие той или иной национальности выходцами из смешанных семей отражает не только направление этнокультурных процессов, но и ситуацию в межнациональных отношениях, ибо при принятии решения о выборе национальности людьми играет роль не только самосознание, сложившееся на основе реальной культуры, но и известный общественный престиж нации [14].

«Равнодушие к проблеме этничности» было выявлено и по тесту «Кто Я?», когда никто из выходцев из смешанных браков не указал этническую характеристику. Причиной этого может служить то, что для выходцев из национальных семей этническая идентичность – это реакция на события внешней жизни, а для выходцев из национально-смешанных семей – это часть их внутреннего мира. Она (этническая идентичность) не всегда осознается ими, а иногда, вызывая определенный дискомфорт, даже *подавляется, отодвигается* на подсознательный уровень. Отрицание значимости этнического фактора и этнической принадлежности, по мнению Т. Г. Стефаненко, как в своей жизни, так и в обществе целом является стратегией сохранения личностного благополучия для «маргиналов» [15]. Разные формы подобной стратегии могут проявляться в реструктуризации социальной идентичности. В нашем случае социальная идентичность выходцев из смешанных браков опирается на семейную идентичность (100 %) и идентификацию себя с более большими общностями (80 %) – «я человек», «*homo sapiens*» и др. То есть ситуация этнической маргинальности (по сути, одновременная принадлежность к двум этническим культурам, порождающая двойственное этническое сознание) подталкивает самосознание ее участника к замещению этнической самоидентификации другой социальной идентификацией как вариант ухода от возможного внутриличностного конфликта [16].

Выборки русских ($X^2=57,2$, $p\leq 0,01$) и татар ($X^2=59,1$, $p\leq 0,01$) превосходят «маргиналов» по показателю национального фанатизма – идентичность, при которой доминирование этнических интересов и целей сопровождается готовностью идти на любые жертвы. Как нам кажется, это можно объяснить тем, что «маргинал», не зная, к какой этнической группе он принадлежит, не может защищать этнические права народа. Для того чтобы бороться за благополучие своего народа, сначала необходимо идентифицироваться с ним.

Человеку, живущему в инонациональной среде, требуется прилагать гораздо больше усилий, чтобы разобраться, к какой культуре он принадлежит, идентифицировать себя с определенном этносом, чем человеку, живущему в однородной этнической среде, тем более если имеет место принадлежность одновременно к двум этническим культурам.

Согласно результатам, полученным с помощью опросника SACS, татарская выборка отличается предпочтением активных, просоциальных и не-прямых стратегий преодоления, что прослеживается в большей выраженности показателей ассертивных действий (18 %), вступления в социальные

контакты (12,9 %), поиска социальной поддержки (12,3 %) и манипулятивных действий (11,6 %).

Для русской выборки характерно использование просоциальной стратегии в преодолении трудностей. Об этом свидетельствует предпочтение группой таких моделей поведения, как вступление в социальный контакт (13,1 %) и поиск социальной поддержки (11,3 %). Также для этой группы характерно использование в одинаковой мере как активных (ассертивные действия – 13,8 %), так и пассивных (осторожные действия – 12 %, избегание – 10,7 %), прямых (импульсивные действия – 10,7 %) и непрямых (манипулятивные действия – 9,5 %) стратегий преодоления.

Выходцы из межэтнических браков используют для преодоления жизненных трудностей просоциальные, пассивные, прямые и непрямые стратегии. Об этом свидетельствует предпочтение вступления в социальный контакт в 17,3 % случаев, поиска социальной поддержки – в 10,8 %, осторожных действий – в 15,7 %, избегания – 12 %, манипулятивных – 8,4 %, и импульсивных действий – в 8,4 % (табл. 3).

Таблица 3

Распределение среднеарифметических показателей степени выраженности моделей копинг-поведения в исследуемых группах

Стратегии преодоления	Модель поведения (действия)	Степень выраженности преодолевающих моделей поведения					
		Русские		Татары		«Маргиналы»	
		Средн. гр. знач.	Доля, %	Средн. гр. знач.	Доля, %	Средн. гр. знач.	Доля, %
Активная	Ассертивные действия	22	13,8	28	18	16	9,6
Просоциальная	Вступление в социальный контакт	21	13,1	20	12,9	28	17,3
	Поиск социальной поддержки	18	11,3	19	12,3	18	10,8
Пассивная	Осторожные действия	19	12	13	8,4	26	15,7
	Избегание	17	10,7	14	9	20	12
Прямая	Импульсивные действия	17	10,7	16	10,3	14	8,4
Непрямая	Манипулятивные действия	15	9,5	18	11,6	14	8,4
Асоциальная	Асоциальные действия	17	10,7	12	7,8	13	7,8
	Агрессивные действия	13	8,2	15	9,7	17	10

В результате статистической обработки были выявлены значимые различия между татарами и «маргиналами» по субшкале «ассертивные дей-

ствия» ($X^2=56,8$, $p\leq 0,01$), то есть уверенные, активные действия при возникновении трудных ситуаций более характерны для татарской выборки, чем для этнических «маргиналов». Выходцы из межэтнических браков при возникновении стрессогенных ситуаций отдают предпочтение осторожным действиям, об этом свидетельствуют статистические значимые различия между татарами и «маргиналами» ($X^2=52,8$, $p\leq 0,01$) по данной субшкале.

Этнические «маргиналы» превосходят русских ($X^2=49,7$, $p\leq 0,01$) и татар ($X^2=50,1$, $p\leq 0,01$) по показателю вступления в социальный контакт, то есть при возникновении трудностей жизненных ситуаций для выходцев из смешанных по национальному признаку семей характерно положительное использование социальных контактов.

Статистически значимых различий между русской и татарской выборками в использовании моделей преодолевающего поведения не выявлено.

Исследование стратегий и моделей преодолевающего поведения показало, что татарская выборка отдает предпочтение активным, просоциальным и непрямым стратегиям, которые выражаются в ассертивных действиях (18 %), во вступлении в социальные контакты (12,9 %), в поиске социальной поддержки (11,6%) и использовании манипулятивных действий.

По нашему мнению, использование активных ассертивных действий и просоциальной стратегии для преодоления трудностей можно объяснить тем, что татары, являясь титульным народом, чувствуют себя более уверенно в республике. «Татарам и людям, знающим язык (татарский), везде открыты дороги... Татары имеют больше шансов в жизни» [17, с. 2].

На наш взгляд, поддержание позитивной этнической идентичности татарами, которая сопровождается адекватно высокой самооценкой, чувством уверенности, гордости за достижения своего народа, способствует выбору «здоровых» форм преодоления. Активное преодоление в совокупности с положительным использованием социальных ресурсов повышает стрессоустойчивость человека.

Использование не прямых стратегий, возможно, связано с национальной особенностью татар. Так, Е. Хабенская отмечает, что существовавшая веками необходимость приспособляться к тяжелым условиям жизни (когда все смелые бунтари уничтожались, а у остальных формировалось приспособленчество) выработала в татарах такие черты характера, как осторожность и хитрость [16]. Скорее всего, предпочтение не прямых стратегий преодоления трудностей связано именно с этим.

Для русской выборки характерно использование просоциальных и в одинаковой мере как активных (ассертивные действия), так и пассивных (осторожные действия, избегание), прямых и не прямых стратегий преодоления. Возможно, большое количество моделей преодоления у данной выборки можно объяснить тем, что русские, живя в республике в соседстве с титульным народом, имеющим более высокий статус, чувствуют себя несколько уязвимо. Об этом свидетельствуют происходящие у русских этнотрансформационные процессы - этническая индифферентность и «ощущение этнической неполноценности».

Скорее всего, предпочтение большого количества стратегий для преодоления жизненных трудностей русскими связано с оценкой своей этнической группы, как имеющей более низкий статус. Использование большого количества стратегий преодоления помогают им компенсировать свою неуверенность.

Выходцы из межэтнических браков используют для преодоления жизненных трудностей просоциальные, пассивные, прямые и непрямые стратегии.

Для этнических «маргиналов», вследствие *вытеснения* этнической характеристики, типично отождествление себя с семьей и социальной структурой более высокого уровня, т. е. им постоянно необходимо вступать в социальные контакты для снятия личностного противоречия и, возможно, именно этим и объясняется использование просоциальной стратегии преодоления «маргиналами» чаще чем татарами ($X^2=50,1$, $p \leq 0,01$) и русские ($X^2= 49,7$, $p \leq 0,01$).

Различия между татарами и «маргиналами» по субшкале ассертивных действий ($X^2=56,8$, $p \leq 0,01$), согласно которым для татар при возникновении трудных ситуаций более характерно использование уверенных действий, можно объяснить тем, что татары как титульный народ имеют более высокий статус и отличаются позитивной этнической идентичностью, которая характеризуется чувством уверенности, гордости за свой народ.

При возникновении стрессогенных ситуаций выходцы из межэтнических браков отдадут предпочтение осторожным действиям. Об этом свидетельствуют статистически значимые различия между татарами и «маргиналами» ($X^2=52,8$, $p \leq 0,01$). Считается, что для «маргиналов» с их неопределенным статусом и неустойчивым положением характерна внешняя и внутренняя противоречивость и, как следствие, потенциальная поливекторность действий [18]. Возможно, именно этим и объясняется то, что наряду с использованием просоциальной стратегии (вступление в социальные контакты) используются и пассивные стратегии, выражающиеся в избегании и осторожных действий в стрессогенных ситуациях.

Таким образом, используемые татарами, русскими и выходцами из межнациональных семей стратегии преодоления различны.

В заключение отметим, что проблема этнокультурной двойственности, этнической маргинальности имеет огромное значение при изучении процессов межэтнического взаимодействия [19]. Переживание этнической маргинальности у выходцев из смешанных в межэтническом плане браков действительно может стать трудной жизненной ситуацией, требующей совладания с ней. При этом представители различных этнических групп (татары, русские) и выходцы из межнациональных браков используют разные стратегии совладающего поведения. Татары используют просоциальные, активные и непрямые стратегии, русские отличаются большим количеством моделей преодолевающего поведения, маргиналы характеризуются использованием просоциальных, пассивных, прямых и непрямых стратегий.

Ссылки

1. Лебедева Н. М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах // Идентичность и толерантность: сб. статей / отв. ред. Н. М. Лебедева. М., 2002. С. 10–34.
2. Стефаненко Т. Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность: сб. статей / отв. ред. Н. М. Лебедева. М., 2002. С. 35–48.
3. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 1, № 1. С. 3–19.
4. Балабанова Е. С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями: Экономическая социология // СОЦИС. 2002. № 11. С. 26–47.
5. Голованевская В. И. Характеристики Я-концепции и предпочтения стратегий совладающего поведения // Вестник МГУ. Психология. 2003. № 4. С. 30–36.
6. Приходько А. И. Когнитивные факторы совладающего поведения безработных // Психологический журнал. 2001. № 2. С. 109–111.
7. Налчаджян А. А. Этнопсихологическая защита и агрессия. Ереван, 2000. 408 с.
8. Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г. Этническая социализация подростка. М.; Воронеж: МОДЭК, 2000. 208 с.
9. Филиппов Ю. В. Ритмы этнической социализации // Мир психологии. 2002. № 3 (31). С. 118–128.
10. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
11. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999. 271 с.
12. Сергеева З. Х. Маргинальная личность: Эволюция концепций. Казань, 1998. 20 с.
13. Левкович В. П., Кузминайте Л. Д. Формирование этнического сознания подростка в семье // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 6. С. 35–42.
14. Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР: (Историко-социологический очерк межнациональных отношений). М.: Мысль, 1981. 261 с.
15. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2003. 320 с.
16. Хабенская Е. Татарский национальный характер: какой он? // Татарский мир. 2003. № 5 URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=211§ion=0&heading=0> (дата обращения: 15.02.2021).
17. Ключева Н. Татары и русские... Коротко и ясно // Ленинская правда. 7 июня 2003, № 112 (7961).
18. Сергеева А. О. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 104–114.
19. Трифонова С. А. Особенности трансформации этнической идентичности у выходцев из межэтнических браков // Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: сб. материалов II Межд. науч.-практ. конф., 11 ноябр. 2020 г. Краснодар: КубГТУ, 2020. С. 373–377.

Features of the correction of the emotional sphere of nurses

E. A. Vinarchik¹

¹Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, 87 Gorky street,
Vladimir 600000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-268-275

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of research and correction of the emotional sphere of medical personnel. The nurses features of emotional experiences with different experience of professional activity have been studied. A correction program was developed and carried out and reliable shifts were identified.

Keywords: snurse; emotions; experience; aggression; altruism

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vinarchik, Elena A. | E-mail: elena-vinarchik@rambler.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Коррекция эмоциональной сферы медицинских сестер с разным стажем профессиональной деятельности

Е. А. Винарчик¹

¹Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, ул. Горького, 87, Владимир, 600000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-268-275
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты исследования и коррекции эмоциональной сферы младшего медицинского персонала. Изучены особенности эмоциональных переживаний у медицинских сестер, имеющих разный стаж профессиональной деятельности. Разработана и проведена программа коррекции, выявлены достоверные изменения в уровне выраженности эмпатии.

Ключевые слова: медицинская сестра; эмоции; стаж; агрессия; альтруизм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Винарчик, Елена Анатольевна | E-mail: elena-vinarchik@rambler.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Постановка проблемы исследования. Медицина – это та сфера деятельности, где доминируют отрицательные эмоциональные состояния. Пациенты ожидают от медицинского персонала заботливости, сочувствия [1]. Для лучшего понимания состояния больного медицинский персонал должен обладать высокой эмпатийностью. Чтобы избежать эмоционального выгорания, медперсоналу приходится выстраивать некий барьер психологической защиты от пациентов и «выключать» эмпатию. Не в меру сильная эмоциональность или эмоциональная заторможенность – это преграда для реализации конкретных и быстрых действий. Риск появления синдрома эмоционального выгорания [2] у медицинских сестер достаточно велик. Условия, в которых работает медперсонал, зачастую служат причиной развития выгорания. Медицинская сестра в процессе рабочего дня тесно взаимодействует с больными, которым нужны и внимание, и забота.

© Винарчик Е. А., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Методики и организация исследования. Психологическая диагностика проводилась с помощью следующих методик: опросник «Определение общей эмоциональной направленности» Б. И. Додонова; опросник уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки; самооценочный тест «Характеристики эмоциональности» Е. П. Ильина; шкала дифференциальных эмоций (ШДЭ) К. Изарда; шкала эмоциональной возбудимости (ШЭВ); методы статистической обработки данных: анализ достоверности различий связанных выборок с использованием Т-критерия Вилкоксона [3].

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГБУЗ ВО «Областная клиническая больница» в 2020 г. среди медицинских сестер с разным стажем профессиональной деятельности. В исследовании приняли участие 45 медицинских сестер – по 15 медсестер в каждой группе. Возраст испытуемых – от 21 года до 65 лет: 1-я группа – стаж до 10 лет; 2-я группа – стаж от 11 до 20 лет; 3-я группа – стаж свыше 20 лет.

Результаты и их обсуждение. Нами были получены следующие результаты первичного эмпирического исследования.

С целью исследования общей эмоциональной направленности нами был проведен опрос по методике Б. И. Додонова. Установлено, что у медицинских сестер со стажем до 10 лет доминируют коммуникативные эмоции. Из этого следует, что для медицинских сестер характерна ярко выраженная потребность в общении (среднее значение – 6,73 балла). Необходимо также отметить высокие показатели по шкалам: альтруистические эмоции (для медсестер характерно стремление делать людям добро – среднее значение 5,47 балла); практические эмоции (стремление активно действовать, реализовывать поставленные цели, достигать своих желаемых результатов – среднее значение 5,60 балла); романтическая эмоция (стремление к необычному, таинственному – среднее значение 5 баллов); гедонистические эмоции (потребность душевного и физического комфорта – среднее значение 6 баллов). Средние значения по остальным шкалам были такими: глорические эмоции (стремление получить признание, чувство гордости и превосходства над другими – среднее значение 2,00 балла); пугнические эмоции (потребность преодоления опасности, острых ощущений, азарте борьбы – среднее значение 1,00 балл); акизитивные эмоции (потребность коллекционировать – среднее значение 1,60 балла); гностические эмоции (потребность в новых знаниях – среднее значение 2,13 балла); эстетические эмоции (потребности воспринимать прекрасное – среднее значение 3,53 балла).

У медицинских сестер со стажем от 10 до 20 лет доминирует коммуникативная эмоция. Следовательно, для медицинских сестер характерно ярко выраженная потребность в коммуникации (среднее значение 6,60 балла). Также важно отметить высокие показатели: альтруистические эмоции (среднее значение 6,20 балла), практические эмоции (среднее значение 5,60 балла), романтические эмоции (среднее значение 5,80 балла), эстетиче-

ские эмоции (среднее значение 6,20 балла); средние значения: глорические эмоции (среднее значение 1,93 балла), пугнические эмоции (среднее значение 4,27 балла), гностические эмоции (среднее значение 4,67 балла), гедонистические эмоции (среднее значение 2,33 балла); акизитивные эмоции (среднее значение (-1,40) балла).

У медицинских сестер со стажем работы более 20 лет доминирует альтруистическая эмоция (среднее значение 6.00 баллов). Также следует отметить высокие показатели: практические эмоции (среднее значение 5,60 балла); средние значения: глорические эмоции (среднее значение (-0,27) балла), пугнические эмоции (среднее значение (-2,27) балла), романтические эмоции (среднее значение 1,27 балла), акизитивные эмоции (среднее значение -1,20 балла), гедонистические эмоции – (среднее значение 2,53 балла), гностические эмоции (среднее значение 0,53 балла), эстетические эмоции (среднее значение 2,40 балла), коммуникативные эмоции (среднее значение 4,67 балла).

Для изучения уровня агрессивности нами была использована методика А. Басса – А. Дарки. В результате исследования установлено, что у медицинских сестер со стажем до 10 лет доминирует вербальная агрессия: медицинским сестрам характерно выражение негативных чувств через крик и через содержание словесных ответов (среднее значение 7,20 балла). Также нужно отметить высокое значение по шкале чувство вины: для медицинских сестер свойственно возможное убеждение в том, что они поступают неправильно. Ощущают угрызения совести (среднее значение 6,60 балла). Среднее значение по шкалам: физическая агрессия – использование физической силы против другого лица (среднее значение 4,07 балла), косвенная – агрессия, окольным путем направленная на другое лицо или ни на кого не направленная (среднее значение 4,47 балла), раздражение. Для медицинских сестер характерны вспыльчивость, грубость (среднее значение 5,53 балла), подозрительность. Медицинским сестрам свойственно недоверие и осторожность по отношению к людям и убеждение в том, что другие люди планируют нанести вред (среднее значение 5.40 балла). Низкие показатели: негативизм – оппозиционная манера в поведении от пассивного сопротивления до активной борьбы (среднее значение 2,20 балла), обида – зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия (среднее значение 3,87 балла). Индекс враждебности является нормой. Индекс агрессии является нормой.

У медицинских сестер со стажем от 10 до 20 лет доминирует чувство вины. Им свойственно возможное убеждение в том, что они являются плохими людьми, поступают нехорошо, вредно, злобно или бессовестно, испытывают угрызения совести (среднее значение 6,47 балла). Средние показатели: раздражение (среднее значение 5,67 балла), вербальная агрессия (среднее значение 5,33 балла), косвенная агрессия (среднее значение 4,07 балла); низкие показатели: физическая агрессия (среднее значение

3,87 балла), негативизм (среднее значение 1,87 балла), обида (среднее значение 3,40 балла), подозрительность – (среднее значение 3,67 балла). Индекс враждебности является нормой. Индекс агрессии является нормой.

У медицинских сестер со стажем свыше 20 лет доминирует чувство вины. Соответственно, им характерна агрессия, которая направлена на самих себя (среднее значение 6,73 балла). Низкие показатели: физическая агрессия (среднее значение 2,53 балла), косвенная агрессия (среднее значение 4,20 балла), вербальная агрессия (среднее значение 4,93 балла), раздражение (среднее значение 4,33 балла), подозрительность (среднее значение 3,87 балла), негативизм (среднее значение 2,87 балла), обида (среднее значение 3,40 балла). Индекс враждебности является нормой. Индекс агрессии ниже нормы.

В результате изучения данных, полученных при тестировании испытуемых по дифференциальной шкале эмоций К. Изарда, были получены следующие показатели. Установлено, что у медицинских сестер со стажем до 10 лет доминирует шкала интерес (среднее значение 9,27 балла). Также необходимо отметить высокий показатель шкалы радость (среднее значение 7,67 балла). Низкие показатели по шкалам: удивление (среднее значение 3,40 балла), горе (среднее значение 3,47 балла), отвращение – (среднее значение 3,07 балла), презрение – (среднее значение 3.13 балла), страх (среднее значение 3.00 балла), стыд (среднее значение 3,07 балла), вина – (среднее значение 3,53 балла).

Установлено, что у медицинских сестер со стажем от 10 до 20 лет, доминирует шкала интерес – (среднее значение 10,27 балла). Также необходимо отметить высокий показатель шкалы радость – (среднее значение 7,80 балла). Среднего значения не выявлено. Низкие показатели по шкалам: удивление (среднее значение 3,00 балла); горе (среднее значение 3,00 балла); гнев (среднее значение 3,00 балла); презрение (среднее значение 3.00 балла); страх (среднее значение 3.00 балла); отвращение (среднее значение 3,00 балла); стыд – (среднее значение 3,33 балла); вина (среднее значение 3,53 балла).

У медицинских сестер третьей группы со стажем более 20 лет доминирует шкала интерес (среднее значение 10,13 балла). Также необходимо отметить высокий показатель шкалы радость (среднее значение 7,67 балла). Среднего значения не выявлено. Низкие показатели по шкалам: удивление (среднее значение 3,53 балла); горе (среднее значение 3,00 балла); гнев (среднее значение 3,00 балла); отвращение (среднее значение 3,00 балла); презрение (среднее значение 3,00 балла); страх (среднее значение 3,00 балла); стыд (среднее значение 3,00 балла); вина (среднее значение 3,00 балла).

Для изучения шкалы эмоциональной возбудимости (ШЭВ) нами была использована методика А. А Рукавишникова (модификация). В результате проведенного исследования установлено, что у медицинских сестер с разным стажем профессиональной деятельности эмоциональная возбуди-

мость имеет низкий показатель. Несмотря на это, медицинские сестры со стажем до 10 лет более эмоционально возбудимы по сравнению с другими группами медицинских сестер.

Была разработана коррекционная программа и проведена тренинговая программа, включающая методы арт-терапии и музыкотерапии. По окончании программы тренинга была проведена повторная диагностика.

По результатам вторичной диагностики у медицинских сестер со стажем до 10 лет можно наблюдать следующие изменения по шкалам: альтруистические эмоции (среднее значение 6,20 балла), коммуникативная эмоция (среднее значение 7,47 балла), пугнические эмоции (среднее значение 0,73 балла), акизитивные эмоции (среднее значение 2,07 балла), гностические эмоции (среднее значение 3,40 балла), эстетические эмоции (среднее значение 4,07 балла), практические эмоции (среднее значение 5,73 балла), романтическая эмоция (среднее значение 5,20 балла), гедонистические эмоции (среднее значение 6,47 балла), глорические эмоции (среднее значение 2,20 балла).

По результатам посттренинговой диагностики общей эмоциональной направленности у медицинских сестер со стажем от 10 до 20 лет можно отметить следующие изменения по шкалам: альтруистические эмоции (среднее значение 7 баллов), коммуникативная эмоция (среднее значение 7 баллов), практические эмоции (среднее значение 6 баллов), пугнические эмоции (среднее значение 3,87 балла), гедонистические эмоции (среднее значение 3,00 балла), акизитивные эмоции (среднее значение (-1,73) балла), гностические эмоции – (среднее значение 5,07 балла), эстетические эмоции – (среднее значение 6,40 балла), романтические эмоции (среднее значение 5,07 балла), глорические эмоции (среднее значение 1,33 балла).

По результатам повторной диагностики общей эмоциональной направленности у медицинских сестер со стажем более 20 лет можно отметить изменения в уровне выраженности таких эмоций как: коммуникативные эмоции (среднее значение 5,27 балла), практические эмоции (среднее значение 6,20 балла), романтические эмоции (среднее значение 0,80 балла), гедонистические эмоции (среднее значение 3,47 балла), эстетические эмоции (среднее значение 3,07 балла), альтруистические эмоции (среднее значение 6,53 балла), пугнические эмоции (среднее значение (- 1,73) балла), акизитивные эмоции (среднее значение (-1,73) балла), гностические эмоции (среднее значение 0,40 балла), глорические эмоции (среднее значение (-0,73) балла).

Повторная диагностика уровня агрессивности у медицинских сестер со стажем до 10 лет с помощью методики А. Басса – А. Дарки также показала определенные изменения. Наблюдается снижение уровня выраженности показателей вербальной агрессии (среднее значение 6,07 балла), чувства вины (среднее значение 5,80 балла), физической агрессии (среднее значение 4,00 балла), косвенной агрессии (среднее значение 4,40 балла), раздражения (среднее значение 5,00 баллов), негативизма (среднее значение

2,33 балла), обиды (среднее значение 3,80 балла), подозрительности (среднее значение 5,20 балла).

В результате проведения повторной диагностики установлено, что у медицинских сестер со стажем от 10 до 20 лет можно наблюдать снижение показателей по шкалам: вербальная агрессия (среднее значение 4,87 балла), чувство вины (среднее значение 5,20 балла), раздражение (среднее значение 4,93 балла), физическая агрессия (среднее значение 2,40 балла), косвенная агрессия (среднее значение 3,93 балла), негативизм (среднее значение 2,67 балла), обида (среднее значение 3,20 балла), подозрительность (среднее значение 3,33 балла). Индекс враждебности является нормой. Индекс агрессии является нормой.

Проведенная коррекционная работа позволила снизить уровень разрушающих эмоциональных переживаний у медицинских сестер со стажем от 20 и более лет. Достоверные изменения зафиксированы по таким шкалам как: чувство вины (среднее значение 5,80 балла), косвенная агрессия (среднее значение 3,93 балла), вербальная агрессия (среднее значение 4,33 балла), физическая агрессия (среднее значение 2,40 балла), раздражение (среднее значение 4,40 балла), негативизм (среднее значение 2,67 балла), обида (среднее значение 3,20 балла), подозрительность (среднее значение 3,33 балла).

По результатам повторной диагностики характеристик эмоциональности с помощью методики Е. П. Ильина установлено, что у медицинских сестер со стажем до 10 лет шкала интенсивность эмоций, также преобладает над другими шкалами, но её показатель стал ниже. Медицинским сестрам свойственны сильные эмоциональные переживания, склонность к глубоким переживаниям и проявлениям чувств (среднее значение 4,27 балла). Остальные шкалы имеют незначительное снижение результатов: эмоциональная возбудимость (среднее значение 3,60 балла), отрицательное влияние эмоций (среднее значение одинаково – по 3,47 балла), длительность эмоций (среднее значение 3,40 балла).

Посттренинговое тестирование медицинских сестер со стажем от 10 до 20 лет также позволяет сделать вывод об эффективности коррекционной программы. Сила переживаний медицинских сестер стала оптимальной (среднее значение 4,00 балла).

В результате повторного проведенного исследования установлено, что у медицинских сестер со стажем более 20 лет самый высокий показатель имеет отрицательное влияние эмоций (среднее значение 4,33 балла). Остальные показатели эмоциональной сферы стали оптимальными: эмоциональная возбудимость (среднее значение одинаково – по 3,53 балла), интенсивность эмоций (среднее значение одинаково – по 3,67 балла), длительность эмоций (среднее значение 2,87 балла).

Результаты повторной диагностики методикой К. Изарда показали, что у медицинских сестер всех трех групп можно наблюдать изменения.

Установлено, что у медицинских сестер с разным стажем профессиональной деятельности эмоциональная возбудимость имеет низкий показатель. Помимо общих основных фундаментальных эмоций, для медицинских сестер с разным стажем характерна общая эмоциональная возбудимость, которая усиливает проявление других специализированных эмоций.

Методом математической статистики (критерий Т-Вилкоксона) доказан достоверный сдвиг в типичную сторону по большинству измеряемых параметров (альтруистическая, коммуникативная, глорическая, практическая, пугническая, романтическая, акизитивная, гедоническая, гностицическая, эстетическая направленности, вербальная агрессия, физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение, негативизм, обида, подозрительность, чувство вины, эмоциональная возбудимость, интенсивность эмоций, длительность эмоций, интерес, радость, удивление, горе, гнев, презрение, стыд, вина, эмоциональная возбудимость).

Выводы. Проведенное исследование показало, что коррекция эмоциональной сферы медицинских сестер необходима в силу преобладания ситуаций повышенного стресса, что сказывается на общем эмоциональном фоне персонала. Особенно эта необходимость возрастает в современных условиях пандемии. Однако психологического сопровождения без заинтересованности медперсонала недостаточно для выстраивания помогающих отношений, снижения стресса и стабилизации эмоциональной сферы. В результате повторной диагностики было установлено, что у медицинских сестер с разным стажем профессиональной деятельности эмоциональная возбудимость имеет низкий показатель. На основании этих выводов можно сделать заключение об эффективности разработанной коррекционной программы.

Ссылки

1. Винарчик Е. А., Капустина В. А. Психология профессионального развития личности: учебное пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. 96 с.
2. Карпов А. В. Психологический анализ трудовой деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 76 с.
3. Современные методы психологической диагностики: практикум / О. В. Филатова, Н. Ю. Литвинова, Е. А. Винарчик. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2011. 296 с.

The study of the language consciousness of russian and foreign military specialists by the method of associative experiment

M. N. Krotova¹, A. P. Ushakova¹

¹Yaroslavl Higher Military School of Air Defense, 28 Moskovsky Prospekt, Yaroslavl 150001, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-276-289

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of a psycholinguistic study of the language consciousness of military specialists studying at the Yaroslavl Higher Military School of Air Defense. The study involved 100 people. These are representatives of the near and far abroad, as well as cadets from Russia. The main method used by the authors to compare the linguistic picture of the world, that is, linguistic and extralinguistic phenomena, the country of the language being studied and the country of the cadet's homeland, was an associative experiment. This method allowed us to identify markers for the consciousness of representatives of different linguistic worldviews (the core and the periphery in a particular field of consciousness), the value picture of the world within the framework of linguistic consciousness. Within the framework of this article, the authors presented an analysis of two words-stimuli-army and officer, which will allow us to determine the psychological features of language consciousness, taking into account the country of residence, educational and professional activities and professionalization of the individual. As a result of the experiment, the commonality of ideas and reactions to the basic concepts of military-professional terminology is noted in all cadets, but the specific feature of the language consciousness formed by the native language for a long time (from 20 years or more), the culture and the structure of life of the cadet's homeland, which determines the unique and uncharacteristic reactions for the Russian language picture of the world, is highlighted.

Keywords: cadets; military university; foreign military specialists; language consciousness; associative experiment

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Krotova, Maria N. | E-mail: gribok-masha@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Senior lecturer

Ushakova, Alina P. | E-mail: ushakovalina@yandex.ru
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Исследование языкового сознания российских и иностранных военных специалистов методом ассоциативного эксперимента

М. Н. Кротова¹, А. П. Ушакова¹

¹Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, Московский пр., 28, Ярославль, 150001, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-276-289
УДК 159.9.072.432

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты психолингвистического исследования языкового сознания военных специалистов, обучающихся в Ярославском высшем военном училище противовоздушной обороны. В исследовании приняло участие 100 человек. Это представители ближнего и дальнего зарубежья, а также курсанты из России. Основным методом, используемым авторами для сравнения языковой картины мира, был ассоциативный эксперимент. Данный метод позволил выявить маркерные для сознания представителей разных языковых картин мира ориентиры (ядро и периферию в конкретном поле сознания), ценностную картину мира в рамках языкового сознания. Авторы представили анализ двух слов-стимулов – армия и офицер, которые позволяют определить психологические особенности языкового сознания с учетом страны проживания, учебно-профессиональной деятельности и профессионализации личности. В результате эксперимента отмечается общность представлений об основных понятиях военно-профессиональной терминологии у всех курсантов, но выделяется специфическая особенность языкового сознания, сформированного родным языком в течение длительного времени (от 20 лет и более), культурой и устройством жизни страны – родины курсанта, которая определяет уникальные и нехарактерные для русской языковой картины мира реакции.

Ключевые слова: курсанты; военный вуз; иностранные военные специалисты; языковое сознание; ассоциативный эксперимент

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кротова, Мария Николаевна	E-mail: gribok-masha@mail.ru Кандидат психологических наук, старший преподаватель
Ушакова, Алина Павловна	E-mail: ushakovalina@yandex.ru Кандидат филологических наук, доцент

Современная методика обучения иностранному языку ставит основной целью не только выработку навыков практического владения языком, но и создание вторичной языковой личности, которая воспринимает чужой язык и чужую культуру как свои или, как минимум, не отторгает их и относится к ним с уважением. При обучении в военном вузе преподаватели должны как формировать у курсантов, прибывших из иностранных государств, чувства воинского долга, офицерской чести и достоинства, уважения к Вооружённым Силам и народам России, их истории, традициям и обычаям, так и учитывать особенности культуры страны – родины курсанта.

Отечественные исследования в области психологии, психолингвистики посвящены изучению функционирования человека в языке, то есть изучению языковой личности. В этом направлении представлены работы таких известных психологов, как А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, А. В. Карпова, П. Я. Гальперина, Г. В. Аكوпова, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьев и др. [1–7]. Согласно Б. Ф. Ломову, специфика сознания состоит в том, что оно является отражением, формирующимся и развивающимся в процессе исторического развития человека. То есть индивидуальное сознание формируется и развивается в неразрывной связи с сознанием общественным как психологический механизм включения индивидуального бытия в жизнь общества и общественного бытия в жизнь индивида [2]. Так, в своей научной работе Г. В. Аковов отмечает следующее: сознание, как идеальное явление, индивидуально для каждого человека. Любой психический опыт имеет субъектный, субъективный, личностный характер. И любое описание воспринимаемого человеком предмета или события носит личный характер. Но вместе с тем некоторые сущности и события могут одинаково восприниматься разными людьми. Это значит, что в самой вещи есть нечто общее для всех людей, несмотря на то что каждый психический опыт индивидуален и субъективен. И когда некий опыт одного человека совпадает с тем, что проживает и переживает другой, то опыт становится интерсубъективным. При этом интерсубъективность не означает отсутствия субъективности [5]. Когнитивное и языковое сознание личности выделил в своих работах П. Я. Гальперин [8]. Языковое сознание традиционно понимается как совокупность образов сознания, формирующихся при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей.

Диагностировать различие языковой картины мира носителя языка и иностранного военного специалиста можно с помощью ассоциативного эксперимента, который позволяет провести сравнение языковой картины мира (языковых и экстралингвистических явлений) страны изучаемого языка и страны – родины курсанта.

Целью нашего исследования является выявление специфических особенностей языкового сознания российских и иностранных военных

специалистов методом ассоциативного эксперимента. Мы предполагаем, что общая парадигма моделей ассоциирования у них совпадает, но актуальность различных моделей ассоциирования в данных культурах будет различной.

Практическая значимость исследования направлена на оптимизацию процесса овладения языковой компетенцией иностранными военными специалистами, изучающими русский язык, с учетом особенностей этнической культуры, национального языкового сознания, социокультурного стереотипа.

Описание выборки исследования. В эмпирическом исследовании приняли участие преподаватели кафедры русского языка, российские (1–3 курсы) и иностранные курсанты (1–5 курсы) Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны в количестве 100 человек. Возраст испытуемых – 19–30 лет. На момент проведения исследования иностранные военные специалисты имели разный уровень владения русским языком. Среди испытуемых из числа российских курсантов имелись билингвы.

Основной метод исследования – ассоциативный эксперимент. Нами был выбран цепочечный, или цепной, ассоциативный эксперимент; форма эксперимента – письменная (анкетирование). Данный тип эксперимента позволяет проводить исследование одновременно в большой группе испытуемых, контролировать время выполнения эксперимента, получать большой объем информации (слов-реакций) для анализа. В проведенном нами исследовании испытуемому предлагалось реагировать на стимул несколькими ассоциациями.

Ассоциация – это понятие, существующее в психолингвистике; обозначает связь объекта реальной действительности со сформированным образом в человеческом сознании. Чаще всего ассоциации бывают типичными, стереотипными и иногда – уникальными. Наиболее частотные ответы называются культурно-первичными, они значимы с точки зрения языковой картины мира, в некоторой степени ее характеризуют.

В основе ассоциативного эксперимента лежит положение о том, что представители одной национальности выдают схожие реакции на определенные стимулы, анализ которых позволяет выделять ядро и периферию в конкретном поле для исследования. Следовательно, представители разных национальностей (например, российские курсанты, офицеры и иностранные военные специалисты) выдают разные реакции на слова-стимулы, т. к. за словами стоят понятия, а в них заключается жизненный опыт людей. Реакции респондентов позволяют говорить о маркерных для сознания ориентирах, о ценностной картине мира в рамках языкового сознания.

Ассоциативный эксперимент является относительно простым способом получения фактических языковых данных, иллюстрирующих

специфику представлений о мире в целом и отдельных явлений в нем. С точки зрения психолингвистики и проведения ассоциативного эксперимента интерес представляет процесс освоения иностранного языка и «состыковка» элементов разных языковых систем в сознании, психологии формирования речи на иностранном языке [9–10]; умение правильно управлять разным набором языковых инструментов, дифференцировать языковые средства и разводить структурное наполнение без допущения ошибок и неточностей.

Для проведения ассоциативного эксперимента (составления анкет, написания инструкций, проведения анкетирования) были отобраны слова стимулы. Общая тематика слов – военная служба. Особенности реакций на слова-стимулы зависят от национальной принадлежности курсанта и его возраста. В ходе проведения эксперимента считается возможным отдельно проанализировать особенности языкового сознания иностранных военных специалистов ближнего и дальнего зарубежья, Азии и Африки и др.

Отобранные слова входят в активный словарный состав русского языка и используются иностранными специалистами в сфере учебно-профессионального и профессионального общения. Данная лексика не требует дополнительного перевода, не встречается в ошибочном использовании лексемы в определенном контексте на продвинутых этапах обучения. К тому же данные лексические единицы отражают специфику получаемой профессии, в связи с чем важным представляется узнать отношение иностранных специалистов к данной профессии, чтобы, получив результаты, контролировать учебный процесс и учитывать особенности национального языкового сознания сначала при обучении русскому языку как иностранному, а затем и другим дисциплинам. Кроме того, учет освоения иностранными специалистами профессиональных лексем позволит оптимизировать процесс воспитательной работы в вузе[11].

В исследовании приняли участие курсанты с разным уровнем владения русским языком. Так, для российских курсантов русский язык является родным, для большинства иностранных военных специалистов ближнего зарубежья русский язык является знакомым еще до поступления в ЯВВУ ПВО, в некоторых странах русский язык – один из официальных языков (Кыргызстан, Казахстан) или язык межнационального общения (Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан), для иностранных военных специалистов дальнего зарубежья русский язык – второй, третий иностранный язык. На реакции представителей дальнего зарубежья максимально влияет родной язык, картина мира, структурированная с помощью средств родного языка.

В связи с этим время на выполнение задания анкет ранжировано для трёх категорий обучающихся. Для курсантов Российской Федерации время выполнения заданий анкет максимально уменьшено (15 минут),

для курсантов ближнего зарубежья – средний показатель времени (20 минут), для курсантов дальнего зарубежья – максимальный (30 минут).

Во время первичной обработки результатов эксперимента был проведен «вертикальный» анализ ответов для выявления правильности понимания испытуемыми полученных инструкций, а также для исключения из обработки испорченных листов. Дальнейшему анализу подвергались протоколы без учета количества полученных в них отказов, так как этот параметр не являлся важным для нашего исследования.

При анализе анкет российских военнослужащих было проведено сравнение полученных слов-реакций с данными ассоциативных словарей. При обработке анкет иностранных военных специалистов было проведено сравнительный анализ материалов анкет российских и иностранных военных специалистов. Сравнение реакций российских и иностранных военных специалистов позволяет выявить смысловые доминанты в исследуемой профессиональной сфере и определить проблемные поля для межкультурной коммуникации в профессиональной сфере.

Для того чтобы выяснить, какие знания в нашем сознании связаны со словами того или иного языка, в РАН были инициированы несколько проектов по составлению ассоциативных словарей: Словарь ассоциативных норм русского языка под редакцией А. А. Леонтьева, Русский ассоциативный словарь, Славянский ассоциативный словарь.

Представители военной профессиональной субкультуры характеризуются общностью языка, общностью материальной и духовной деятельности, нравов и обычаев [12, с. 52]. Язык военнослужащего любого государства включает две ключевых подсистемы, которые могут вызвать трудности у человека, не посвященного в данную профессиональную среду: терминологию (регламентируемую официальными документами) и сленг. Обе подсистемы изобилуют различного рода аббревиатурами, поскольку отличительной чертой языка военнослужащих является его лаконичность. Слова, избранные для составления, отражают специфику избранной курсантами специальности.

Объем статьи не позволяет рассмотреть все реакции курсантов на предложенные слова-стимулы, поэтому мы остановимся на таких словах, как офицер и армия. Данный выбор слов обусловлен их положением в частотном словаре военно-профессиональной терминологии.

Результаты проведенного ассоциативного эксперимента представлены ниже. Представлены реакции курсантов на предъявленные слова-стимулы. Реакции распределены по степени частотности и представлены в виде таблиц. После каждой таблицы даны сведения об отличиях ассоциативных полей, полученных в результате обработки материалов анкет носителей русского языка и носителей других языков – иностранных военных специалистов. Проведено сравнение обобщенной языковой карти-

ны мира, языковых и экстралингвистических явлений страны, в которой курсант проходит обучение языка и страны – родины курсанта.

Ассоциативное поле слова «офицер» у российских курсантов. При анкетировании российских курсантов популярными реакциями стали: *умный* (7 %), *строгий* (4 %), *честный* (3,9 %), *сильный* (3,4 %), *ответственный* (2,7 %), *дисциплинированный* (2,7 %), *статный* (2,4 %), *мужественный* (1,7 %), *образованный* (1,2 %); существительными-реакциями: *дисциплина* (5 %), *начальник* (3,4 %), *погоны* (2,6 %), *командир* (2,4 %), *уважение* (2,4 %), *защита* (1,9 %), *честь* (1,2 %) (табл. 1).

Таблица 1

**Ассоциативное поле слова «офицер» у курсантов ближнего зарубежья
(числовые данные приведены в %)**

Положение в частотном словаре	Родной язык		
	Кыргызский	Таджикский	Узбекский
Ядро	честный 10 звание 6 форма 6 армия 4 достойный 4 ответственность 4 ответственный 4 строгий 4 честь 4	честный 8 умный 8 защитник 5,4 честь 5,4	сильный 13,3 умный 13,3 боевой 4,4 старший 4,4 строгий 4,4 целеустремлённый 4,4 честный 4,4
Периферия	военнослужащий гуманный дисциплинированный доблесть добросовестный жесткий понятливый порядочный пример для подражания сообразительность справедливый защитник командир красивый лидер многофункциональный мужественный мужчины отвага стройность умный хитрый человек слова элита	вежливость военнослужащий военный грамотный должен достойный здоровый командный состав мудрый мужество мужчина надежда образованность патриот полководец преданность пример руководитель серьёзный сильный уважение учитель человек в форме честность	бодрый генерал герой грамотный добровольный добрый задумчивый звезда командир красивый культурный курсант мы он отважный ответственный скромный современный суровый уважение форма фуражка я

Среди слов-реакций на стимул *офицер* наблюдаются слова со значением **субъекта**: *защитник, авторитет, генерал, капитан*; **деятельности**: *долг, забота, присяга, служба*; **атрибута**: *звёзды, форма*; **качеств, характеристик**: *воля, верность, воспитанность*; не наблюдается сем, называющих действие.

Расхождение слов-реакций и данных ассоциативных словарей [13] обусловлено влиянием профессиональной среды на мировоззрение и специфику языкового сознания курсантов.

Среди совпадающих реакций на стимул *офицер* следует отметить такие, как *умный, честный, сильный, ответственный, честь*. Для реакций иностранных военных специалистов типичны конкретизации стимула и отношение офицера к военной организации, в связи с чем используются не только слова, называющие качества офицера, но и слова, подтверждающие его статус: *форма, звание, армия*. Указание на роль командира и уважение к нему имеется в реакции – *старший*, что обусловлено традициями поведения в обществе страны – родины курсанта. Слова, называющие качества офицера, находятся в основном на периферии, кроме тех, что указаны выше.

Профессиональное языковое сознание определяет реакции в форме личных местоимений (*он, мы, я*), чего не наблюдается в ассоциативных словарях русского языка.

На периферии частотного словаря обеих групп военнослужащих находятся такие понятия, как *гуманный, дисциплинированный, добросовестный, жесткий, понятливый, порядочный, справедливый, мужественный, военный, грамотный, достойный, здоровый, мудрый, серьёзный, сильный* и др. Данные реакции свидетельствуют об осознанном высоком статусе офицера в странах ближнего зарубежья и Российской Федерации.

При анализе ядра ассоциативного поля курсантов из дальнего зарубежья отмечаются реакции, нехарактерные для проанализированных ранее ассоциативных полей, например: *военное звание, капитан, добрый, серьёзный, подчинённый* (табл. 2)

На периферии находятся слова, не названные в ассоциативном поле, составленном на основе анкет российских курсантов: *вежливый, жестокий, настоящий, неутомимый, правомочный, справедливый; командный пункт, команда, законы, устав; курсовой* (вместо – курсовой офицер), *полковник, офицерский состав, начальник курса*.

Рассмотрим ассоциативное поле слова «армия» у российских курсантов (табл. 3, 4).

При анкетировании российских курсантов популярными стали прилагательные-реакции: *большая* (2,7 %), *дисциплинированная* (3,2 %), *зелёная* (2,2 %), *могучая* (2,2 %), *многочисленная* (1,7 %), *сильная* (4,9 %) *устав-*

ная (1,2 %); существительные-реакции: коллектив (2,2 %), офицер (2,7 %), порядок (5 %), Россия (2,9 %), сила (2,9 %), солдаты (2 %), устав (2,1 %).

Среди слов-реакций на стимул *армия* наблюдаются слова со значением **субъекта**: *военнослужащий, семья, товарищ*; **деятельности**: *война, подготовка, работа*; **атрибута**: *щит, техника, кантик, автомат*; **качество, характеристик**: *боевая, квадратный, красная, многонациональная, упорядоченная*; не наблюдается сем, называющих действие.

Таблица 2

Ассоциативное поле слова «офицер» у курсантов дальнего зарубежья
(числовые данные приведены в %)

Положение в частотном словаре	Родной язык				
	Вьетнамский	Монгольский	Португальский	Французский	Курунди
Ядро	военное звание 6,8 добрый 6,8 подчиненный 6,8 смелый 6,8 умный 6,8	добрый 10 капитан 6,6 сильный 6,6 строгий 6,6	добрый 10 ответственность 10 решительный 10 серьезный 10	ответственный 11,5 умный 11,5 дисциплинированный 7,6 порядочный 7,6	командир 20
Периферия	авторитетный дисциплинированный должность классный чин курсовой майор настоящий приказ решительный служащий служба служить справедливый уважаемый устав характер	военнослужащий вооруженный жестокый команда командирский майор мужественный начальник начальник курса неутомимый офицерский офицерский состав полковник правомочный смирно умный форма храбрый	генерал капитан командир плохой погоны полковник руководитель смелость смелый уважение уважаемый хороший	вежливый выполнение защитник командир майор образование опрятный подразделение полковник приказ серьезный сильный строгий товарищ честный чистый	законы командный пункт ответственность умный устав целесообразность

**Ассоциативное поле слова «армия» у курсантов ближнего зарубежья
(числовые данные приведены в %)**

Положение в частотном словаре	Родной язык		
	Кыргызский	Таджикский	Узбекский
Ядро	оружие 9,2 сила 7,4 большая 3,7 война 3,7 дисциплина 3,7 защита 3,7 организация 3,7 сильный 3,7 служба 3,7 солдат 3,7	сила 16 организация 13,9 война 6,9 мир 6,9 вооруженные силы 4,6 защита 4,6 самолеты 4,6 солдаты 4,6 страх 4,6	великий 5,8 сильная 5,8 военнослужащие 3,9 оборона 3,9 огромный 3,9 оружие 3,9 полигон 3,9 служба 3,9 трудный 3,9 учение 3,9
Периферия	БМП военнослужащие вооружённые силы высококвалифициро- ванный государство доблестный дружба единая защитник количество корабли красивый маленькая мир многонациональная могущество мощный наряды общество оперативный организованный перфекционисты пистолет ракета сплочённая страх устав школа	боевые машины вертолеты войско дружба защитники истребители мужество служить танки техника фронт	интересный большой взрослый война войско воюет гордость готов грозная детство дисциплина жизнь лучший марширует мир объединение офицеры охраняет патрон профессиональная прочный советская старик строгий сильный танк тренирует узбекский честность

**Ассоциативное поле слова «армия» у курсантов дальнего зарубежья
(числовые данные приведены в %)**

Положение в частотном словаре	Родной язык				
	Вьетнамский	Монгольский	Португальский	Французский	Курунди
Ядро	военнослужащие 6,25 народная 6,25 сильная 6,25	мужчина 13,3 сильная 13,3 большая 5,4 огромная 5,4 оружие 5,4	Дисциплинированный 9 организованная 9 сильная 9 служба 9	вооруженные силы 10,3 оружие 10,3 защитник 6,8 силы 6,8 сильная 6,8	сильная 16
Периферия	активная вооруженный военный война вооруженные силы Вьетнамская народная армия дивизия защищать звание корпус курсанты мертвый мир мировой оружие офицер парадный прочная слабая советская соединенная устойчивая человеческий	американская зарплата качественная командир красная место мощная награда настоящий одежда офицер приказ руки русская сила служба солдат строй судьба товарищ требовать форма хорошая	большая военный вооруженная командир курсант маршал однообразие однообразная оружие патриотизм порядок способный строгая форма	военные воинские части защищать знание иерархия необходимый обеспеченная оборона конфликт самообладание сложный человек	вооруженный защищенный оружие слабая

В сознании российских и иностранных военнослужащих ближнего зарубежья стимул *армия* употребляется во всех свойственных ему значениях, названных в толковых словарях русского языка. Среди схожих реакции на стимул *армия* прилагательные со значением характеристики: *большая, сильная*; существительное с качественным значением *сила* и существительное – субъект действия *солдат*.

Среди отличий – слова, обозначающие активную деятельность (*война, защита, служба, оборона, учение*), существительные с качественной семантикой (*дисциплина, организация*), существительные, называющие реалии армии (*оружие, полигон, самолёты*). Данные реакции в ассоциативном поле стимула *армия* у российских курсантов находятся на периферии. В реакциях российских военнослужащих отсутствуют глаголы, у военных специалистов с родным узбекским языком названы следующие: *тренирует, охраняет, марширует*, что свидетельствует об активности роли субъекта (курсанта, офицера, солдата). В реакциях российских курсантов на активность субъекта указывают слова из периферии: *работа, служба*.

В ассоциативном поле иностранных военных специалистов наблюдаются слова-антонимы: *война – мир, большая – маленькая, мужество – страх, красивый – страшный* и др.

В ядре ассоциативного поля слова *армия* присутствуют слова, отсутствующие в ассоциативных полях, составленных на основе анкет российских курсантов: *народная* (родной язык – вьетнамский), *мужчина*, *большая, огромная* (родной язык – монгольский), *организованная* (родной язык – португальский), *вооружённые силы, защитник* (родной язык – португальский).

На периферии находятся ответы, не встречающиеся ранее. Это слова со значением субъекта: *маршал, командир, курсант, человек*; слова со значением действия: *требовать, защищать*; со значением характеристики: *человеческий, советская, соединённая, прочная, парадный, мировой, Вьетнамская народная армия* (родной язык – вьетнамская), *качественная, красная, настоящая, американская, русская* (родной язык – монгольский), *вооружённая, однообразная, способный* (родной язык – португальский), *необходимый, обеспеченная* (родной язык – французский), *защищённый, слабая* (родной язык – курунди). Также на периферии слова, указывающие на организованность армии: *иерархия, дивизия, корпус*.

Сравнительно-сопоставительный анализ материала анкет, заполненных российскими и иностранными военными специалистами, показывает, что существует общность представлений и реакций на основные понятия военно-профессиональной терминологии. Однако в связи с особенностями языкового сознания, сформированного родным языком

в течение длительного времени (от 20 лет и более), культуры и устройства жизни страны – родины курсанта присутствуют уникальные и нехарактерные для русской языковой картины мира реакции, что и представляет интерес для преподавателей русского языка иностранным военным специалистам на подготовительном и основном курсах.

Кроме того, профессиональная деятельность оказывает влияние на предметно-содержательные характеристики, состав и частотность ассоциативных реакций. Кроме общепризнанных в языковом сознании единиц, получены ассоциативные реакции, указывающие на профессиональную деятельность военного.

Сравнительно-сопоставительный анализ материала, собранного с помощью ассоциативного эксперимента, позволил сделать вывод, что языковое сознание иностранных военных специалистов ближнего зарубежья наиболее близко языковому сознанию российских военных специалистов. Языковое сознание иностранных военных специалистов дальнего зарубежья также имеет общие черты с языковым сознанием носителей русского языка, что обусловлено влиянием общей профессиональной деятельности на сознание военных специалистов. Наблюдается явление наличия одинаковых реакций на слова-стимулы, но они (ассоциации) по-разному распределены в языковом поле (ядро и периферия).

При овладении избранной профессией иностранные военные специалисты усваивают систему и картину мира, присущую носителям русского языка. В условиях русской языковой среды существует необходимость формирования у обучающихся элементов «нового образа мира», соотносимого с образом мира носителей русского языка, владеющих той или иной профессией. Формирование нового видения мира связано с формированием вторичной языковой личности.

Ссылки

1. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 275 с.
2. Ломов Б. Ф. Сознание как идеальное отражение // Психология сознания / ост. и общ. ред. Л. В. Куликова. СПб.: Питер, 2001. С. 110–137.
3. Карпов А. В. Психология сознания. Метасистемный подход. М.: РАО, 2011. 1080 с.
4. Гальперин П. Я. К психологии формирования речи на иностранном языке // Психоллингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 60–71.
5. Акопов Г. В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Институт психологии РАН, 2010. 272 с.

6. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. М.: Тривола, 1994. 384 с.
7. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 287 с.
8. Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Психология как объективная наука. М.: Институт практической психологии; Воронеж: Модек, 1998. С. 430–441.
9. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира: сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 191–206.
10. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 7–22.
11. Антонова И. С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание» // Социосфера. 2010. № 4. С. 52–57.
12. Бойко Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов: монография. М.: Воен. ун-т, 2008. 184 с.
13. Русский ассоциативный словарь. / Ю. Н. Караулов [и др.]. М.: АСТ, 2002. 781с.

Personal characteristics of professional self-realization of a designer in the digital age

A. A. Kyuregyan¹

¹Leonov Technological University, 42 Gagarina str., Korolev, Moscow region 141074, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-290-298

Research article
Full text in Russian

This article describes the specifics of the professional activity of a designer in the digital age. The analysis of personal features of professional self-realization of designers on the basis of expert assessment for the purpose of their definition and subsequent formation at the stage of training of the profession is carried out. The provisions formulated in the article can be used in a comprehensive study of the personality characteristics of the designer as a subject of professional activity.

Keywords: professional self-realization; personal characteristics; professional activity of a designer; psychology; communicative competence

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kyuregyan, Anastasia A. | E-mail: An.Kyureg@gmail.com
| PhD student

Личностные особенности профессиональной самореализации дизайнера в цифровую эпоху

А. А. Кюрегян¹

¹Технологический университет им. А. А. Леонова, ул. Гагарина, 42, Королев, Московская область, 141074, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-290-298
УДК 159.9.07

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье описывается специфика профессиональной деятельности дизайнера в цифровую эпоху. Проведен анализ личностных особенностей профессиональной самореализации дизайнеров на основе экспертного оценивания и последующего формирования на этапе обучения профессии. Положения, сформулированные в статье, могут быть использованы при комплексном изучении особенностей личности дизайнера как субъекта профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная самореализация; личностные особенности; дизайнер; психология; коммуникативная компетентность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кюрегян, Анастасия Алексеевна | E-mail: An.Kyureg@gmail.com
Аспирант

Введение. Проблема развития творческой личности в наши дни является особенно острой. Доля креативной индустрии растёт, занимая солидную часть экономики Москвы, являясь ее движущей силой. По сообщению правительства от 10.04.2019, с точки зрения динамики бизнеса креативный сектор Москвы занимает первое место в мире. В нем задействовано от 2 до 8 % общей численности экономически активного населения [1]. В большинстве своём это люди творческих профессий. Парадоксально, но показатель креативности населения, обусловленный цифровой эпохой, резко снижается. Сейчас мы можем говорить о кризисе творческих идей, который все чаще упоминается учёными, исследующими креативность по всему миру. Легкая доступность информации, обилие цифрового контента, которые поначалу стимулировали креативность, сейчас становятся барьером потока новых идей [2].

Одним из ведущих направлений креативной индустрии является дизайн. В группе этих профессий (дизайнер одежды, интерьера, художник

по костюму, стилист и т. д.) особенно высока степень взаимного проникновения личностного и профессионального. Сама специфика профессиональной деятельности заключается в определенном противоречии: сохранение индивидуальности, «личного почерка» исполнителя, с одной стороны, достижения дизайнера – с другой обуславливаются отношением, оценкой публики, клиентов и профессионального сообщества. Нельзя забывать и про размытость, изменчивость критериев профессиональной успешности, их зависимость от внешних подтверждений успеха, не всегда предсказуемых [3].

В связи с этим видится перспективным анализ личностных особенностей профессиональной самореализации дизайнеров на основе экспертного оценивания с целью их определения и последующего формирования на этапе обучения профессии. Объектом данного исследования является личность профессионала в сфере «дизайн». Предмет наших исследовательских интересов – личностные особенности профессиональной самореализации дизайнеров. В рамках данного исследования мы ставим перед собой следующие задачи:

- описать специфику профессиональной деятельности дизайнера в цифровую эпоху;
- выявить важнейшие личностные качества дизайнера в соответствии с актуальными требованиями профессии на основе контент-анализа экспертной группы.

В исследовании мы опираемся на современные подходы к изучению саморазвития и профессиональной самореализации личности, разрабатываемые такими учеными, как К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, К. Гольштейн, И. В. Костакова, С. И. Кудинов, А. И. Купнов и др. Возрастающее внимание и интерес к данной проблеме позволили накопить большой массив теоретических и эмпирических знаний в области профессиональной самореализации личности. Вместе с тем остается множество нерешенных вопросов и неисследованных задач в системе профессиональной самореализации дизайнеров.

Основная часть. Современная цифровая эпоха накладывает определенные требования как к навыкам дизайнера, которыми он должен владеть, так и к личностным чертам, которыми специалист, желающий реализоваться в профессии, должен обладать. В XXI веке произошел резкий сдвиг в сторону цифровой экономики, который стимулировал развитие визуальных цифровых технологий. На первый план выходят эксперименты с виртуальной и дополненной реальностью, им пророчат большое будущее как новым маркетинговым каналам [4]. Рост потребления, высокая скорость смены коллекций, финансовая нестабильность идут рядом с профессиональными и личностными сложностями дизайнеров: профессиональным выгоранием, проблемой адаптации к цифровизации отрасли, вынужденной текучестью кадров и сменой работы. Сегодня сферу моды и дизайна

нельзя назвать устойчивой ни с точки зрения экономики, ни с точки зрения самих профессионалов-дизайнеров, подверженных постоянному давлению и изменениям внутри среды. В век интернета, социальных сетей, онлайн-показов и магазинов «в сети» проблема оценки творческого продукта становится особенно острой. Теперь за деятельностью дизайнера следит весь мир. Сокращение дистанции в коммуникации «творец–зритель», открытые, доступные средства для выражения мнения о творениях дизайнера могут влиять – не всегда положительно – на психологическую устойчивость специалиста.

Фундаментальная проблема для устоявшихся модных брендов заключается в том, что они все больше отстают от ожиданий потребителей. Теперь дизайнеру недостаточно обладать творческим потенциалом и грамотно владеть техническими навыками. В первую очередь важно быть в достаточной степени осведомленным о тенденциях изменений в обществе, которое является и заказчиком, и потребителем дизайна. В действительности, роль потребителя изменилась – от пассивного наблюдения к активному доминированию [5]. Информированные, избирательные и социально ответственные современные покупатели заботятся о том, как они выглядят на публике и в социальных сетях, а также о том, как воспринимаются окружением те товары, которые они приобретают и которыми владеют. По сообщению руководителя проектов модной индустрии компании «Яндекс», подавляющее большинство использует цифровые каналы до, во время или после совершения покупок [6].

Устанавливаются новые стандарты постпродажного обслуживания. Речь идет о переходе от бренда «продукта» к тому, чтобы стать брендом, который формирует контекст и предложение, ориентируясь на потребителя, на его поведение и предпочтения в интернет-сетях. мода стала меняться все более стремительно, и перед дизайнерами сейчас стоит этот вызов. Социальный опрос Агентства «РБК Исследование рынков» 2020 года, включающий в себя более 4000 респондентов, показал, что онлайн-шопинг является глобальным трендом на рынке fashion-товаров в России. Доля онлайн в структуре рынка в 2020 г. более, чем удвоилась. В 2019 г. показатель был равен 12 %, а в 2020 г. – 27 % [7]. На российском рынке продолжает доминировать «smart shopping» как модель потребления. Это прежде всего связано с падением доходов населения: сведение к минимуму доли спонтанных покупок. Люди реже стали покупать предметы гардероба просто потому, что вещь понравилась, клиенты модных марок стали делать это осознанно. Соответственно, конкуренция между брендами возрастает.

По заявлению РБК, II квартал 2020 г. отметился рекордным обвалом продаж fashion-товаров (-37 %). Это явилось следствием закрытия розничных магазинов в период карантина и некоторое время уже после его окончания. Падение является рекордным – больше, чем в кризисный 2015 г. или 2008 г. [6] Однако некоторые дизайнеры, сумевшие грамотно построить

ся в новую повестку дня и внедрившие определенные изменения в деятельность собственного бренда, сообщили о стабильном доходе, несмотря на пандемию коронавируса Covid-19. Среагировать на нее помогли не только профессиональные навыки, но и личностные особенности. Основной причиной, позволившей им успешно продолжать профессиональную деятельность без серьезных экономических потерь, как отметили дизайнеры А. Артемов, О. Малюга, Н. Брянцева, стала «интуиция». При этом сами дизайнеры не дают точного определения понятия интуиции и не могут объяснить, какие психологические и личностные характеристики позволили им преодолеть кризис локдауна. Такие прогностические личностные способности недостаточно изучены, что подтверждает актуальность нашего исследования.

Для выявления личностных качеств и характеристик было необходимо исследовать экспертное мнение. В связи с этим мы провели исследование методом контент-анализа видео- и аудиоинтервью, а также онлайн-выступлений профессионалов-дизайнеров на форуме модной индустрии BeinOpen в 2020 г.

На первом этапе исследования нами были отобраны респонденты. Критерием включения испытуемого в выборку были следующие условия: респондент должен был работать в индустрии не менее 5 лет, являться главным представителем бренда, коммерчески успешного. Таким образом, в исследовании приняли участие 33 эксперта. Из них 24 человека – дизайнеры одежды, обуви, тканей, украшений и интерьера, 4 – стилисты, 5 – работники смежных областей (1 – историк моды, 1 – креативный директор глянцевого медиа, 3 – креативные продюсеры). В числе опрошенных – 18 женщин и 15 мужчин, по возрасту респонденты были распределены на две группы: 14 человек – до 40 лет, 19 человек – после 40. Профессиональный стаж работы в модной индустрии – от 5 до 65 лет.

На втором этапе были отобраны материалы для контент-анализа: тексты, видео- и аудиоинтервью с 2018–2021 гг., в которых респонденты выделяли значимые личностные характеристики для профессиональной самореализации в модной индустрии. В рамках исследования были проанализированы 28 видеоинтервью, 3 аудиоинтервью, 5 документальных фильмов и 4 онлайн-лекции.

Основным методом исследования стал метод контент-анализа для выявления личностных особенностей дизайнеров. Для статистической обработки данных был использован метод частотного анализа, с помощью которого выявлялась частота упоминаний личностных характеристик, необходимых дизайнеру. В исследовании использовался метод bottom-up, при котором система анализа не задана заранее, а создается и дополняется в процессе анализа текста.

Таким образом, материалы были подвергнуты контент-анализу по конструкту «личностные характеристики дизайнеров, необходимые для про-

фессиональной самореализации». Полученные данные были проанализированы по частоте встречаемости в изучаемом материале и распределены по трем основным блокам (табл. 1).

Таблица 1

Контент-анализ личностных особенностей дизайнера

Категории личностных особенностей дизайнера	Количество респондентов, отметивших категорию	Частота упоминаний, %
Чуткость, эмпатия, восприимчивость, чувствительность к человеку	15	45,4
Коммуникация, умение вести переговоры, готовность выразить позицию	13	39,4
Устойчивость системы ценностей	11	33,3
Свобода самовыражаться, быть собой	11	33,3
Рефлексия	10	30,3
Гибкость	8	24,2
Планирование	7	21,2
Собранность, сосредоточенность, сфокусированность	7	21,2
Вовлеченность	7	21,2
Стратегическое мышление	7	21,2
Креативность, желание творить, потребность в творчестве	6	18,2
Целеустремленность	6	18,2
Индивидуальность	6	18,2
Конгруэнтность	6	18,2
Требовательность	4	12,1
Уверенность	4	12,1
Готовность положиться на интуицию	4	12,1
Публичность	4	12,1
Амбициозность	3	9,1
Застенчивость	2	6,1
Оптимистичность	2	6,1
Быть непохожим, выделяться, быть заметным	2	6,1
Ответственность	2	6,1
Уметь расслабляться	2	6,1
Ирония	1	3,1

Самой распространенной в формулировках и определениях респондентами стала категория *чуткость, эмпатия, восприимчивость, чувствительность к человеку* (45 %). Вторая по популярности - *коммуникация, умение вести переговоры* (39 %). Наименее употребляемыми стали такие

характеристики, как *умение расслабляться, ответственность, оптимистичность, застенчивость* (по 2 %), *ирония* (3%).

Первый блок – «Коммуникативная компетентность»

Термин коммуникативная компетентность подразумевает владение сложными коммуникативными навыками и умениями в социальных структурах, знание культурных норм и ограничений в общении, знание обычаев, традиций, этикета в сфере общения, соблюдение приличий, ориентация в коммуникативных средствах в рамках данной профессии [8]. Мы отнесли к этому блоку две наиболее употребительные категории: *коммуникация, умение вести переговоры, готовность выразить позицию* (например, «поддерживать взаимодействие с байером», «общаться», «умение вести диалог»), а также *чуткость, эмпатия, восприимчивость, чувствительность к человеку* как основа восприятия другого человека в коммуникации (например, «понять чувства заказчика», «чувствовать контакт с аудиторией», «создание теплого контакта»). Также сюда вошла и категория *публичность* (12 %), которая отражает умение дизайнера заявить о своем бренде («позиционировать себя и свою уникальность», «рассказать о продукте более интересным способом»).

Второй блок – «Мотивация и способность к саморегуляции»

Основой саморегуляции поведения и деятельности является мотивационная сфера личности, которая связана с возникновением побуждения к действию и формированием цели [9]. Второй блок включает категорию *вовлеченность* (21 %) (мотивационное состояние), отмеченную респондентами как необходимость высокой концентрации внимания в деятельности. Саморегуляция понимается нами как единый процесс, способствующий выработке гармоничного поведения, умению управлять собой сообразно реализации поставленной цели, направлять свое поведение в соответствии с требованиями жизни и профессиональными или учебными задачами. [10] Включает в себя категории, относящиеся к регулятивным аспектам личности. *Планирование* (21 %) как характеристика сформированной потребности в осознанном планировании деятельности, умение ставить реалистичные, детализированные, иерархичные задачи. *Целеустремленность* (18 %) как возможность выдвижения и удержания целей, которые являются устойчивыми и выдвигаются самостоятельно. *Гибкость* (24 %) понимается дизайнерами-экспертами как адаптивность, способность перестраивать собственную деятельность, вносить в нее коррективы («я стараюсь понять голос нового поколения», «нужно идти в ногу со временем»). Категория *стратегическое мышление* (21 %) отражает рациональное, стратегическое видение, обозначенное респондентами, например: «идти маленькими, но уверенными шагами», «я могу работать как менеджер», «проактивность». Стратегическое мышление понимается нами как особенный тип системного мышления дизайнера, который объединяет рациональный и творческий компоненты, объективный и субъективный аспекты, основывается на опре-

деленных принципах, интегрирует разнообразные концепции и методы в сложном процессе его стратегической деятельности [11].

Третий блок – «Рефлексия»

На высоких позициях в исследовании находится группа категорий, которые отражают значимость понимания дизайнером себя, склонность анализировать собственные переживания, например: «понять себя», «понять свою уникальность», «думай всегда о том, что чувствуешь», «каждый из нас хорошо знает себя». Этот блок включает категории: *устойчивость системы ценностей* (33 %), *рефлексия* (30 %), *конгруэнтность* (18 %), *свобода самовыражаться, быть собой* (11 %). Дизайнер-профессионал сегодня охватывает широкий спектр функций – от исследований пользователей до визуального дизайна, – и осознание сильных и слабых сторон необходимо для профессионального роста. Эта необходимость оказывает дополнительное давление, однако понимание себя позволяет в полной мере ощутить личностный потенциал человека в деятельности, позволяет более точно спрогнозировать, за какие проекты браться, помогает специалистам обладать внешней уверенностью и «харизмой», которые так ценятся клиентами и профессиональным сообществом.

Выводы. Личностные особенности являются предметом значительного круга исследований, разветвляющихся на множество самостоятельных научных концепций. Проблемы профессиональной самореализации широко изучаются современными авторами и являются перспективным направлением для исследований. Однако применительно к профессии дизайнера, которая становится для нашей страны все более и более востребованной, эта сфера недостаточно изучена. Нами были проанализированы особенности профессиональной деятельности дизайнера в цифровую эпоху. В результате исследования личностных особенностей профессиональной самореализации были выделены категории, являющиеся необходимыми личностными характеристиками дизайнера, и распределены по трем блокам: «Коммуникативная компетентность», «Мотивация и способность к саморегуляции» и «Рефлексия».

Частое употребление респондентами коммуникативных компетенций отражает субъект-субъект ориентированный характер самой профессии. В особенностях нарратива дизайнеров о профессии выразительно проявляет себя ее предмет – Человек. Это подтверждается и частотой употребления слова «эмпатия» среди важных характеристик личности дизайнера. Данное заключение имеет большой исследовательский потенциал и вызывает интерес, потому как широко распространено мнение о том, что предмет профессии дизайнер – художественный образ. Традиционно относящиеся к описанию качества коммуникации, контакта с другим эти особенности еще раз указывают нам на глубокую специфичность предмета труда дизайнеров. Это не художественный образ сам по себе, не только создание творческого продукта, а глубокое понимание человека.

Полученные данные анализа личностных особенностей профессиональной самореализации дизайнеров позволяют разработать программу эмпирического исследования и продолжить исследовательскую работу, направленную на сравнительный анализ личностных особенностей при разных уровнях профессиональной самореализации. Эти исследования в перспективе дадут основу для создания формирующей программы психологического сопровождения в процессе обучения творческим специальностям и их освоения. В условиях цифрового мира, а также высокой конкуренции в творческой среде видится важным уделять особое внимание личностным характеристикам будущих специалистов, которые помогают достигать высокого уровня профессиональной самореализации.

Ссылки

1. Креативная индустрия столицы: как развиваются творческие пространства города. URL: https://www.mos.ru/mayor/themes/3299/5563050/?onsite_molding=1 (дата обращения: 01.02.2021).
2. Zuyeon Kim. The Creativity Crisis: The Decrease in Creative Thinking Scores on the Torrance Tests of Creative Thinking // Creativity Research Journal. October 2011. 23(4). P 285–295.
3. Егорова В. С. Личностные предпосылки готовности студентов-художников к самореализации в социальном контексте творческой деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма. Краснодар, 2014. 24 с.
4. Гечи А., Караминас В. Конец моды: одежда и костюм в эпоху глобализации. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 288 с.
5. Кольшкшина Т. Б., Маркова Е. В. Отражение ценностных ориентаций потребителей в рекламной коммуникации // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4 (22). С. 144–150.
6. Немирова В. А. Как изменилась потребительская корзина: что хотят покупать сегодня? // Онлайн-форум новой модной индустрии BeinOpen. URL: https://beinopen.ru/mediateka/forum2020_day5#15 (дата обращения: 10.12.2020).
7. Хитров С. Каким выйдет общество потребления из пандемического кризиса? // Онлайн-форум новой модной индустрии BeinOpen. 2020. URL: https://beinopen.ru/mediateka/forum2020_day5#15 (дата обращения: 02.12.2020).
8. Колмогорова Л. А. Формирование коммуникативной компетентности личности: учебное пособие. Барнаул: АЛТГПУ, 2015. 205 с.
9. Горинов В. В., Корзун Д. Н., Шеховцова Е. С. Мотивационная сфера личности и способность к саморегуляции обвиняемых с расстройствами личности // Психология и право. 2019. Т. 9, № 2. С. 208–221.
10. Моросанова В. И., Коноз Е. М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 118–127.
11. Мещанинов А. А. Дизайн. Точка над i. СПб., 2008. 217 с.